

МАРГАРИТА БЛИНОВА

ФАКУЛЬТЕТ
ЗАКРЫТЫХ ЗНАНИЙ

КНИГА 2

Annotation

«Ноэми, хочешь ли ты изменить мир?»

Знала бы черная пантера-оборотень заранее, чем дело обернется, никогда бы не призналась, что хочет. И клятву верности младшему наследнику, да еще на крови, никогда бы не рискнула давать.

А все проклятое кошачье любопытство и азарт!

Остается уповать на собственное везение, порядочность принца, покровительство его верного телохранителя, благоразумие преподавательского состава и кучку таких же отчаянных студентов, оказавшихся на Факультете закрытых знаний.

Борьба за престол начинается!

- [Маргарита Блинова](#)
 - [Глава 1. Невезучая кошка](#)
 - [Глава 2. Истина и правда](#)
 - [Глава 3. Отработка или принц из сказки](#)
 - [Глава 4. «Команда принца»](#)
 - [Глава 5. Неучтенный принц](#)
 - [Глава 6. Романтики с большой дороги](#)
 - [Глава 7. Зимняя практика](#)
 - [Глава 8. А тот, кто много говорит, на самом деле ничего не знает и всё узнаёт на горьком опыте](#)
 - [Глава 9. Я не многолик, я без маски остался и не хочу ее больше менять](#)
 - [Глава 10. Ночь полная тревоги](#)
 - [Глава 11. О хитростях в подготовке](#)
 - [Глава 12. Битва шахматных фигур](#)
 - [Глава 13. Правителями не рождаются](#)
 - [Эпилог](#)
-

Маргарита Блинова
Факультет закрытых знаний
Книга 2

Глава 1. Невезучая кошка

— Это возмутительно! — раздраженно ворчал профессор Тебион, вталкивая мою сопротивляющуюся тушку в просторную комнату деканата. — Вейрис, вы хоть представляете, как долго мы это планировали! Сколько часов потратили на обсуждение и построение плана-перехвата, а вы? Вам должно быть стыдно, Вейрис!

Айрис Руколо, одна из немногочисленных преподавательниц факультета закрытых знаний, с меланхоличным видом оторвалась от модного женского журнала, лежащего перед ней, и окинула нас скучающим взглядом.

— Что? Что случилось на этот раз? — апатично поинтересовалась она, скрещивая руки на груди.

— Покушение, — зловещим шепотом сообщил профессор. — Обучающаяся Ноэми Вейрис сорвала покушение на принца!

Айрис демонстративно закрыла рукой лицо и душераздирающе вздохнула. Весь ее вид безмолвно кричал, что работать с такой раздолбайкой, как эта самая обучающая Ноэми Вейрис, просто невозможно, и что никакого терпения не хватит, и даже стальные нервы Айрис Руколо уже гневно загудят при одном только упоминании моего имени.

В следующую секунду громко хлопнула дверь и раздался грозный рык: — Где она?! Где это хвостатое недоразумение!

Ну все! Если до этого момента ситуация была просто плохой, то теперь стала катастрофической, ибо в деканат ворвался Дерен Маккалич, личный телохранитель младшего наследника престола собственной разгневанной персоной.

Попытка притвориться невидимой и спрятаться за профессора Тебиона успехом не увенчалась. Личный телохранитель младшего наследника мгновенно нашел меня взглядом.

— Ноэми... — зло выдохнул он, глядя в глаза. И, видимо, для усиления эффекта повторил:

— Ноэми...

Кстати, мог бы и без этого усиления обойтись, ибо я с первого раза прониклась.

Хотя на моем месте любая бы прониклась. Просто игнорировать перекошенную от злости аристократическую физиономию, сверлящую в

тебе глубокие дыры, не каждый сможет. Кошачья натура тихонько зашипела и попятилась, оставляя поле боя за соперником. Мне пятиться было некуда, поэтому пришлось проглотить неприятный комок страха, застрявший в горле, и нерешительно улыбнуться:

— Здравствуйте, Дерен. Как ваши дела?

Надо отдать Маккаличу должное: даже в состоянии крайнего бешенства он не поддался желанию прибить маленькое пушистое недоразумение (это я про себя, хвостатую). Первый меч королевства и рыцарь трона величественно выпрямился, убрал за спину руки (видимо, чтобы не возникло искушения придушить меня на месте), а после сделал пару глубоких вдохов-выдохов.

Поразительно, но даже сейчас взбешенный, с застрявшей в волосах веточкой и в перепачканной одежде грозный мужчина притягивал взгляд. Строгий костюм излюбленного темно-синего оттенка сидел на нем лучше любых начищенных доспехов, взгляд глубоких карих глаз поражал внутренней силой, а чуть растрепавшиеся после недавней погони темные волосы украшал тонкий золотой ободок.

Хорош! Как же хорош!

— Как. Мои. Дела? — холодно чеканя каждое слово, повторил Маккалич и неожиданно сорвался:

— Ноэми, ты издеваешься?!

И это было сказано с таким негодованием, что я решила обидеться.

Я — чистокровная парда из Северного клана и издеваюсь? Да над кем! Над личным телохранителем САМОГО наследника!

Ой, я вас умоляю! У меня куча дел поважнее и нехватка времени. Стану я ещё размениваться на всякие пустяки.

— Дерен, — позвала Айрис Руколо, — все настолько плохо?

Маккалич не ответил, продолжая смотреть на маленькую невинную меня как на врага народа. Спрашивается, вот за что мне такое внимание? Соскучились тут в мое отсутствие, что ли?

Внезапно в окно со стороны улицы врезался вихрь. Присутствующие в кабинете деканата повернули головы на звук дрожащих стекол и узрели личную помощницу новоиспеченного ректора. Каменная горгулья висела за окном, зацепившись когтями за деревянную раму и карниз, и улыбалась во все свои внушительные клыки. И такое у этой морды было предвкушающее выражение, что мне как-то разом поплохело.

Воспользовавшись не то заклинанием, не то банальными отмычками, Гуля распахнула форточку, с видимым трудом протиснулась сквозь узкое пространство — упитанная задняя часть упорно не желала помещаться в

установленные рамки — и подлетела ко мне.

— Дорогая, как же я рада вновь видеть тебя в этих серых и скучных стенах Академии! Подумать только, всего сорок минут на территории, а уже успела влипнуть в неприятности!!! О, ещё чуть-чуть, и меня разорвет от счастья!!!

Я с сомнением покосилась на каменную помощницу ректора, фонтанирующую радостью, оценила глубину ямы, в которую ненароком угодила, и покосилась на профессора Тебиона. Ожидать защиты от пофигистки Айрис глупо, молить о милости Маккалича — гордость не позволит, а профессор Тебион слишком расстроен неудачей, чтобы встать на мою сторону.

— Идем же скорее! — продолжала невесть чему радоваться Гуля, подлетая ближе.

— К-куда?

Нет, трусихой я не была! Трусость — это вообще не про боевых пард, но стало совсем уж не по себе.

— Как куда?! — воскликнула Гуля, взмахнув передними лапами. — К ректору, конечно! Уж он-то тебя ждет не дождется!

Я бы предпочла, чтобы таки не дождался, но улизнуть от крылатого конвоира не было и шанса, а потом горгулья решила подпустить командного тона и как рявкнет:

— Живее, Ноэми! Живее!

Вздвогнув, я стремглав вылетела из деканата, удостоившись прощального взгляда преподавателей, пересекла небольшую овальную площадку и бросилась вверх по ступенькам.

А ведь как все хорошо начиналось!

После инцидента с магией чернил я прожила у бабушки (точнее, пробыла в заключении) пять дней. Поправочка, аж ЦЕЛЫХ пять дней, а потом взвыла (нет, бабулю, конечно, я люблю, но в ограниченных дозах) и запросилась обратно в Академию. Уж лучше издевательства дорогих преподавателей, беспощадная физическая подготовка, после которой даже оборотни без сил падали на землю, и бесконечная зубрежка, чем бабушкина опека.

Лили настаивала, что мне ещё рано возвращаться, и вообще «порядочные парды не забивают свои хорошенькие головы знаниями». Вот магия крови — это да, это хорошо бы подтянуть, а все остальное — глупости.

Бабушка пребывала в уверенности, что в стенах философской школы

общего магического профиля... (Академия-шмакадемия, новый статус роли не играет) ничему путному ее дорогую внученьку не научат. Внученька же пребывала на грани, после которой следовал побег из чересчур гостеприимного дома.

Неизвестно, чем бы дело кончилось, но ректор почувствовал мое состояние через привязку. Утром Лили получила официальное письмо с требованием немедленно выдать ему злостную прогульщицу, иначе последуют санкции. Ушлая родственница быстро прикинула, что проще — схватить меня в охапку и спешно удариться в бега или подчиниться приказу ректора, чуток повздыхала над вселенской несправедливостью и велела собираться. Я была так рада, что едва не сорвалась в Академию как была — растрепанная, в тапках и халате.

Альма-матер встретила свою студентку тишиной.

Большая часть обучающихся разъехались на выходные или отрывались в городе. В пристройке, где располагался наш факультет, из живых существ обнаружилась только мышьяная армия, планирующая захват мешка орехов из кладовой. Даже Блош, этот неправильный добрый дух, который почему-то покровительствовал мышам, куда-то смылся!

Теряясь в догадках, куда все пропали, я побродила по пустым коридорам, закинула сумки в комнату, что делила с близняшкой Райч, и начала искать себе занятие.

Вопрос: что делают предоставленные сами себе, истосковавшиеся по свободе перемещений оборотни? Правильно, меняют ипостась и бегут шалить.

Черная парда носилась по осеннему парку, расположенному на территории Академии, самозабвенно гоняла немногочисленных птиц, радостно кувыркалась в листьях и точила коготки о шероховатый ствол дерева... Кто ж знал, что у них там покушение в самом разгаре!

Перепрыгивая аж через три ступеньки, я быстро приближалась к верхней площадке. Дверь в ректорский кабинет уже призывно выростала впереди, как вдруг в плечо вцепились чьи-то лапы.

— А ну стой! Чего несешься как угорелая?! — зашипела недовольная Гуля. — А подслушать? Вот молодежь пошла! И ничего-то им не интересно...

Притормозив от неожиданности, я напрягла слух и только теперь уловила отголоски чужой беседы.

— ...расстановка команды откровенно слабая. Оборотни — твой шанс почуять угрозу и обнаружить до того, как случится непоправимое. Не вижу

смысла держать их на расстоянии пяти метров, если можно дать команду отправиться в разведку...

Итон-Бенедикт говорил спокойно, без насмешки, словно объяснял ученику, что не так с решением примера и почему вместо числового ответа получилась кракозябра, а вот у его оппонента с выдержкой были явные проблемы.

— Повторяю, у меня все было под контролем! — огрызнулся Светлый принц, не желая признавать поражение.

Ну-ну! Это у него-то и под контролем? Да он самостоятельно даже пуговицы на праздничном камзоле застегнуть не в состоянии!

— ...уговор был: мне запрещено использовать родовую магию, а вам — делиться с наемником информацией о слабых сторонах моей команды.

— И со своей стороны я честно выполнил все условия договора. Заплатил наемнику, но не сообщил, что жертва будет не одна, а с целой командой поддержки.

— Значит, нас сдал Ши-Ван!

Кошачья сущность тихо фыркнула. Светлый принц, а ведет себя как обиженный ребенок.

— Это более не имеет значения. Практикум не засчитан, — отрезал ректор.

— Но мы справились! Почти. Если бы не...

Младший наследник престола осекся на полуслове, но ректор не дал ему шанса замять окончание фразы.

— Если бы не... что?

По всему выходило, что он, весь из себя такой самостоятельный и продуманный, потерпел неудачу только потому, что одна наглая черная кошка вмешалась и смешала все планы.

— Если бы не случайность, не учтенный командой фактор...

Ну конечно! Давайте обвиним во всех своих неудачах пушистую и отважную кошечку. Решено, больше я это белобрысое величество спасать не стану. Пусть хоть сотня... нет, тысяча наемников нападает!

— Эй, «неучтенный фактор», — чуть повысил голос ректор. — Хватит пыхтеть от негодования. Поднимайся, мы тебя ждем. Гуля, если ещё хоть раз застукаю тебя за...

Недослушав, Горгуля сорвалась с моего плеча и рванула вниз.

— Ну дальше вы сами! А я полетела. Дел, знаешь ли, невпроворот! — напоследок выпалила она и тотчас скрылась за лестничным поворотом.

Машинально поправив черный каскад густых волос и одернув подол ученического костюма, впопыхах натянутого после обратной смены

ипостаси, я преодолела оставшиеся ступеньки и без стука отворила дверь в кабинет ректора.

Джером поднялся из своего кресла, встретив мое появление улыбкой и жадным взглядом отчаянно соскучившегося человека. Неброский тренировочный костюм принца был испачкан (они с Маккаличем убийцу ловили или по грязи наперегонки ползали?), на правом плече красовалась дырка размерами с детскую ладошку, но при этом Джером оставался все таким же прекрасным принцем, именуемым в народе не иначе как Надежда престола, Светлый принц... держись, Мелкий засранец!!!

— Добрый день, господин ректор, — степенно наклонила голову в знак приветствия и повернулась к всклокоченному Джерому. — Мамочкино высочество.

Голубые глаза друга детства полыхнули, показывая, как сильно его задело старое приветствие.

А вот нечего наговаривать было! Мы, чистокровные парды, знаете ли, дамочки вредные и обидчивые. И, видимо, Джером тоже об этом факте вспомнил, потому как:

— Злопамятная кошка, — в тон мне отозвался младший наследник.

— Принц самонадеянный! — не смолчала я.

— Зараза язвительная!

— А ну-ка сели!

Не подчиниться ректору оказалось выше моих сил. Тело само собой ухнуло в мягкое кресло, и только потом до упрямого сознания дошло, что можно было фыркнуть, демонстративно смерить высокое начальство Академии взглядом (а вот ни капельки и не страшно, господин ректор) и только потом чинно и с достоинством опуститься в кресло.

Нет, определенно надо брать себя в руки, а то маска приличной кошечки закрепится в шаблонах поведения (помилуйте, кошачьи боги) и пойдет лесом вся моя репутация бунтарки.

Надо отдать должное Джерому — его командный тон бывшего вояки не слишком смутил. Демонстрируя поистине королевское величие, младший наследник престола расправил плечи и медленно опустился на свое место. И вид у принца был такой, мол, так уж и быть, дозволяю вам отчитывать меня дальше, господин ректор.

— Обучающаяся Вейрис, рад, что ваш вынужденный отпуск в стенах гостеприимного дома Лили подошел к концу, и вы снова в рядах обучающихся на факультете закрытых знаний, — торжественно произнес Итон-Бенедикт, а я мысленно поплевала через плечо и по голове принца постукала. Ну, чтоб не сглазить, а то мало ли...

Кошачья сущность тихонько мурлыкала, наслаждаясь запахом силы, свободы и ветра, а ещё морской соли, намертво въевшейся в кожу бывшего капитана корабля. Я тоже не скрывала удовольствия, рассматривая мужчину, сидящего за ректорским столом. Светлые выгоревшие волосы и необычайно темный южный загар только подчеркивали насыщенную зелень глаз, немного суровые черты лица украшала притаившаяся в уголках губ улыбка. Строгий преподавательский пиджак обрисовывал контуры широких плеч, а лежащие на столе руки невольно напоминали о той силе, с которой Итон прижимал меня к собственной груди.

— ...однако незнание не освобождает вас от ответственности, — долетело сквозь розовую вату разыгравшего воображения. — Ноэми, вы сорвали практиicum по покушению, и я вынужден назначить вам отработку.

Дымку наваждения сдуло порывом суровой реальности.

— Что?

Я аж подпрыгнула от возмущения.

— И не сверкайте глазами, — отечески пожурил ректор. — За все в этой жизни надо платить.

— Но это нечестно! — возмутился... Джером. — Мими в команде. Да, она действовала вне плана, на свой страх и риск, однако Ноэми спасла меня от наемного убийцы.

Я потупилась и сделала максимально непроницаемое лицо.

Ну, как спасала...

Не признаваться же, что носившаяся по лесочку кошка заприметила шляющегося в кустах принца, а на дерево залезла исключительно для того, чтобы с криком «Бу!» прыгнуть и напугать этого белобрысика. Кто ж знал, что сердобольная бабушка за каких-то пять дней откормит свою пушистую девочку настолько, что ветка под грациозной пардой не выдержит груза ответственности и сломается в самый неподходящий для этого момент, а я полечу вниз.

Да, кошки всегда приземляются лапами вниз. Но не в этом случае. Я всеми четырьмя лапами шмякнулась на спину наемному убийце, засевшему в засаде, жутко испугалась, выпустила когти, а дальше... Крик Маккалича, рык выскочившего из кустов тигра Шархая, забористый мат (увы, опознать, кто владеет великим и могучим, не успела) и мой экстренный побег с поля боя.

Причем бежала наперегонки с тем самым наемником. Он спасал жизнь, я спасала от неминуемой расправы многострадальную попу.

— Оперирруя фактами, обучающая Вейрис сорвала запланированный практиicum и должна понести наказание.

Ректор был непреклонен.

Ну вот! Опять по вине этого смазливового принца вляпалась в отработку. Дайте-ка вспомнить свой прошлый позор: мышей чистокровная парда ловила, окна мыла, полы мела, уборкой занималась... Интересно, какую жертву потребуют принести общественные работы в этот раз?

— Начиная с завтрашнего дня, у вас будет время, чтобы спланировать и подготовить покушение на принца Райвиля, — озвучил ректор, оценил наши вытянувшиеся от удивления лица и добавил:

— Да, Ноэми, вам придется найти убийцу, в крайнем случае вспомнить боевые навыки пард и на непродолжительное время стать им.

— Господин ректор, вы что, даете мне право ухлопать Джерома? — обалдело уточнила я. — Нет, вы не подумайте, что я против, но... А как же клятва?

Светлые брови младшего наследника престола поползли вверх.

— То есть тебя смущает только это?

Пожала плечами. А что, собственно, такого? Один принцем больше, один меньше.

— Обучающаяся Вейрис, «ухлопать» принца вам никто не позволит, — веско произнес ректор. — Готовитесь втайне от остальной команды. В финансовых средствах вы не стеснены — Гуля выделит нужные суммы. Также можете привлекать к подготовке и проведению практикума любых сотрудников Академии, кроме преподавательского состава факультета закрытых знаний. Если в конце следующей декады вам удастся ранить принца, в зачет идет любая, даже самая несущественная царапина, ваша отработка будет зачтена. В ином случае — вам будут даны ещё девять дней для организации более удачного покушения. Вопросы?

Да, господин ректор, у меня только один — за что же мне такое счастье привалило! Это праздничный аванс на день рождения или приурочено к какому-то иному празднику? Просто такого шикарного подарка мне никто никогда не делал.

Укокошить Джерома! Да у меня хвост дрожит от предвкушения!

— Раз вопросов нет, то вы свободны.

Ректор придвинул к себе папку с пометкой «СРОЧНО» и зашуршал бумагами. Судя по выражению лица, в мыслях бывший вояка обдумывал идею нанять убийцу для бюрократов и кляузников. Стараясь не мешать, мы с принцем Райвилем поднялись и на цыпочках покинули кабинет. По лестнице спускались в молчании. Я возглавляла шествие, Джером плелся сзади, но на площадке перед деканатом нагнал и взял за руку.

— Ноэми... — Заметив мое выражение лица, принц нахмурился. — А

ты чего так загадочно улыбаешься?

— Планирую твое убийство... — доверительно прошептала я и довольно мурлыкнула. — Это будет незабываемо!

Светлый принц долго и очень внимательно смотрел в мои глаза, а потом отрывисто выдохнул и сжал в объятьях.

— И все-таки, Ноэми, ты хвостатая зараза! Красивая, самая любимая... — Его голос упал до доверительного шепота, а потом снова громыхнул: — Но такая... зараза!

* * *

— Как проходит подготовка к торжеству?

Король Эддар расставлял фигуры на круглом деревянном столе для шахматных партий. Вот только сами фигуры были весьма непривычными: крохотный черный котенок, запутавшийся в нитках; лесоруб с закинутым на плечо топором; разъяренно оскалившийся дракон с кожистыми крыльями; худая высокая фигура лучника и огромный змей с капюшоном из перьев. На доске стояли и другие искусно вырезанные мастером фигурки, но почему-то именно эти пять Эддар выдвинул вперед и теперь в задумчивости рассматривал.

— Все по запланированному графику, ваше величество.

Распорядитель праздника по случаю дня рождения старшего наследника престола зачитал список уже сделанного и, чуть помедлив, добавил:

— Единственное, в чем мы не уверены... это сам именинник.

— Глошад до сих пор не оклемался?

Вопрос был адресован придворному магу, который поспешил сделать шаг вперед и отрапортовать:

— Штатный лекарь, приглашенный мной, не нашел никаких внешних или внутренних повреждений. Магический ожог сошел на вторые сутки. Изменения в ауре отсутствуют. Некоторое время я подозревал наличие проклятья или легкой порчи, усилившейся после резкого скачка силы, но сканирование артефактами не дало подтверждения. Принц полностью здоров, вот только...

— Со слов старой няньки, старший наследник изволил предаваться меланхолии, — печально улыбнулся Бристан, демонстрируя ряд мелких белых зубов.

Король оторвался от задумчивого созерцания фигур и посмотрел на

говорившего. Невысокий мужчина средних лет, с отталкивающей внешностью, лысой макушкой и маленькими глазами, утопленными глубоко в черепе. Эти самые глазки никогда не знали покоя и постоянно находились в движении, подмечая, высматривая и делая выводы. Придворные и прислуга боялись господина Бристана, король — безоговорочно доверял, потому как неприятный на вид мужчина обладал уникальным талантом. Он никогда не ошибался в своих выводах.

Эддар поднялся, одернул расшитый золотой нитью камзол.

— В таком случае, мой королевский долг — навестить наследника старшей ветви.

Седовласая нянюшка Дезире была настолько шокирована появлением короля в покоях принца Вариэля, что со страху выронила стопку чистого белья, охнула и поспешно склонилась. Рядом соляным столбом застыл камердинер. Ранее никто из немногочисленной прислуги не видел короля в этих покоях.

Кивком отпустив пожилую женщину и камердинера, приставленных к Глошаду, его величество остановился подле сидящего на балконе молодого мужчины. Королевский взгляд тотчас заметил на полу мертвую птицу — кто-то свернул ей шею.

— Ты зря убиваешь посланников. Поверь, мне не нужны соглядатаи, чтобы знать, в каком ты состоянии.

Глошад молчал. Даже привычное мычание не вырывалось из потрескавшихся губ, растянутых в полубезумной улыбке. Не замечая короля, он раскачивался вперед-назад, пугая пустотой взгляда.

Король, чей срок власти подходил к концу, но бремя ответственности по-прежнему давило на монаршие плечи, оперся руками на перила и вдохнул холодный воздух.

— Слышал, в пожаре ты потерял всю свою коллекцию фигурок, — вскользь обронил он и потянулся к карману. — Знаю, дарить подарки заранее — плохая примета, но рассчитываю, что это немного взбодрит тебя.

На мрамор перил легла небольшая коробка для ювелирных украшений, перетянутая темно-синей лентой, после чего король отвернулся и покинул покои. Одновременно с негромким хлопком двери с лица старшего наследника исчезла гримаса безумия, взгляд ярко-голубых глаз сфокусировался на коробке. Какое-то время принц колебался, а после толкнул неожиданный подарок указательным пальцем, отправляя в непродолжительный полет, устало откинулся на спинку стула и обессиленно обмяк.

Итон растер лицо ладонями и откинулся на спинку глубокого кресла. Простая работенка вдруг перестала таковой казаться.

Сегодня он ушел из кабинета, решив поработать в гостиной. На низком журнальном столике перед мужчиной лежали личные карточки обучающихся. Каннис, отвергнутый стаей из-за нового альфы. Тигр, не способный сдерживать собственную ярость. Лиэс, польстившийся на звон монет. Два нетитулованных дворянина, чьи родители пойдут на все, лишь бы выслужиться перед возможным королем. И очень перспективная пардочка.

Он искал в команду Джерома пушечное мясо, собрал вместе всех этих детей, соблазнил мыслью сделать что-то значительное и заставил принести клятву... Заставил ЕЕ поклясться на верность принцу Райвилю.

Странное дело, ректор не жалел о том, что спас молоденькую пардочку. Его не смущал даже тот факт, что после привязки они стали друг другу чуть больше, чем родные. Итон глубоко сожалел о том своем решении взять Ноэми в команду младшего наследника. Если существует возможность пустить время вспять, он с радостью ею воспользовался бы.

Ночную тишину казенного дома потревожил шорох и едва ощутимая вибрация от чужих шагов.

— Вползай, Ши-Ван, нечего собирать пыль по углам.

Рыжеволосый мужчина тотчас воспользовался предложением и скользнул в комнату. Оставляя на побитом жизнью и облюбованном молью ковре грязные следы, он прошел в центр комнаты и завалился на диван.

— Нашел?

— Ушла твоя пассия, — новоиспеченный преподаватель досадливо махнул рукой. — Место, где вы кувыркались, на деле принадлежит какому-то свободному художнику, который вот уже полгода поправляет пошатнувшееся от творческого угара здоровье где-то на юге Аристаллии. Этот деятель искусства и слыхом не слыхивал ни о какой парде Катрин. Соседи тоже не в курсе, кто она и куда пропала. Запущенный аккурат после покушения слух о вознаграждении за любую информацию перекупили и велели не рыпаться. Маккалич со своими людьми ещё пыжится найти новое логово этой черной паршивки, но сам понимаешь, в таких делах проще выпить и махнуть рукой, чем искать изворотливую кошку в траве.

И в подтверждение собственного высказывания Ши-Ван действительно потянулся к пустому стакану и бутылке вина.

— Предсказуемо...

Итон-Бенедикт ждал чего-то в этом духе.

Соблазнившись экзотичностью и темпераментом Катрин, мужчина все же не терял благоразумия. Эддар с поистине королевской расточительностью и раньше присылал ему женщин, хорошо зная, как иной раз уязвим мужчина в постели, поэтому тщетные попытки кошки подчинить его с помощью магии крови ректора не смущали. Антимагу никакое магическое воздействие не страшно, а менять удобную пассивную на новую желанную не возникало. Поэтому Итон подыгрывал, делая вид, что не замечает царапин, оставленных якобы в порыве страсти.

А вот с Маккаличем вышла промашка...

— Слышь, предсказатель, — насмешливо фыркнул Ши-Ван. — Ладно сам кретин каких поискать, но Маккаличу мог бы и намекнуть. Смотреть тошно, как нормальный с виду мужик деградирует до состояния раскаивающейся бабы. Но сейчас не об этом...

Он залпом выпил содержимое бокала, налил ещё одну порцию и напомнил:

— Ты обещал, что мы вернемся к разговору о твоей привязке, когда Ноэми приедет в Академию и ты сможешь оценить степень влечения.

Ректор поморщился и укоризненно глянул на друга.

— Ши, ты ведешь себя как назойливая нянька.

— Это я-то? — возмутился тот. — Итон, я не возникал, когда ты, упрямый осел, решил забить на долг и предназначение. Я был одним из первых, кто поддержал твоё стремление обрести независимость. Я помогал тебе скрывать отношения с Ньютой, хотя только боги знают, как сильно меня бесила эта девица... И я был рядом, когда ее убили.

Стакан в руках Итона звякнул и разлетелся на куски. При этом ни один мускул не дрогнул на лице ректора, а взгляд остался скучающе-отстраненным. Ректор выудил платок из кармана и тщательно вытер мокрые руки.

— Я помог тебе выкарабкаться из той ямы отчаянья, в которую ты угодил по собственной сердечной несдержанности. Нет, не скажу, что таскаться с тобой по кабакам и борделям было так уж утомительно, — хохотнул Ши-Ван. — Честно говоря, это был один из самых приятных этапов нашей дружбы, но... Итон, ты уже любил и знаешь, к чему это приводит.

— К чему все это?

— Я хочу знать, насколько сильна твоя привязка к этой пардочке?

— Сильна.

Ши-Ван закатил глаза, вздохнул и с упорством мамочки, допытывающейся у сына-подростка, где тот шлялся всю ночь и почему под глазом синяк, продолжил допрос.

— Ладно, перефразирую. Если брать десятибалльную систему, где один — «ниче так», а десять — «дружище, я втрескался по самое не балуйся», насколько сильно тебе нравится Вейрис после привязки?

Антимаг молчал. Долго.

Пока наконец не смог признать:

— Где-то баллов на сто.

Ши-Ван выругался, подтянул к себе бутылку, отсалютовал другу и ударился в пьянство.

* * *

— Кот блохастый! Неуравновешенный придурок! Гад!!!

Обычно миролюбивая, отходчивая и, прямо скажем, ленивая для искренней злости Кики сейчас была вне себя от ярости.

Впервые столкнувшись с такой бурной (можно даже сказать «буйной») реакцией подруги и бывшей соседки, я опасливо вжалась в уголок своей старой кровати и растерянно наблюдала за творящимся в комнате безобразием.

— Ненавижу!!!

Кики Веласкес — платиновая блондинка с завораживающим взглядом — стала одной из моих немногочисленных подруг в этом месте. И даже тот факт, что передо мной рысь, а не парда или леопарда, нисколько не смущал. На фоне дефицита соплеменников коты тянулись друг к другу на рефлексках, закрывая глаза на «мелкие» нестыковки. Ну подумаешь, вместо пятен полоски или другая форма отметин? Спишем все на освещение!

Как и большинство представителей кошачьих, Кики внимательно следила за своим внешним видом, а доходы семьи и неумение господина Веласкес сказать «нет» своей младшей дочери возвели невинную привычку в статус навязчивого состояния. Подруга с нетерпением ждала выходных, чтобы пробежаться по магазинам в поисках «приличного платица или туфельки» (кто осуждает? Я?! Клянусь хвостом, что это не осуждение, а зависть чистой воды! У меня-то средств на милые девичьему сердцу «глупости» никогда не было). Возвращалась подруга обычно под вечер да с таким количеством пакетов, что очередной кавалер расточительной рыси пыхтел от натуги.

А ещё у Кики было два основных правила: «не забывай себя баловать» и «избавляйся от всего, что нельзя назвать полезным, красивым или забавным». Собственно, именно второму правилу подруга сейчас и следовала, безжалостно выбрасывая из шкафов вещи. У порога высились две большие переполненные коробки с надписью «благотворительность», а пол оказался завален разношерстными аксессуарами. И это было только начало ревизии...

— Где были мои глаза, когда я соглашалась встречаться с этим... с этим... Слов приличных нет, каким!

— Кики, ну повздорили. С кем не бывает... — вклинилась я с утешениями. — Уже завтра Шархай одумается и придет просить прощения. Ерунда!

При этом сама поглядывала в сторону свешивающегося через картонные края вечернего платья насыщенного синего оттенка и прикидывала, как бы так намекнуть, что тоже не откажусь от благотворительной помощи.

Рысь, придирчиво обнюхивающая рукав нового пальто (там даже ценник срезан не был!), метнула на меня взбешенный взгляд.

— Ерунда?! — она буквально задохнулась от обилия эмоций.

Пальто черным вороном пролетело через половину комнаты и завершило свой путь в куче остальных вещей.

— Ноэми, ты не представляешь масштаб трагедии! — Кики перешла на истеричный визг. — Этот полосатый клубок меха бросил меня! Меня!!!

Я в изумлении приоткрыла рот. Это был первый случай в истории сердцеедки, когда избавились от самой Кики Веласкес.

Нет, в тот вечер Кики слез не лила. Она оплакивала отношения, как истинная кошка. Сперва избавилась от всех вещей, которые хранили запах тигра, потом недрогнувшей рукой спалила многочисленные подарки бывшего парня в кастрюльке, а утомившись, села за стол и начала планировать месть. Мечь значилась обязательным пунктом программы, ну чтоб другим неповадно было.

— А ведь я отдала ему лучшие дни своей молодости! А сколько прогулок под луной... — все сокрушалась она, аккуратно перебирая склянки с легкими ядами.

Я же искренне недоумевала.

Шархай отличался взрывным характером, легко впадал в состояние бешенства, но Кики любил. Пусть по-своему, неловко и как-то напоказ небрежно, зато искренне и глубоко. Одно время я сравнивала отношения этой парочки с отношением ко мне Джеда и даже слегка завидовала Кики.

Мой кот любил щедрые подарки и демонстративные поступки, в то время как Шархай мог позволить себе подарить Кики только кривой браслет из ниток или раз в декаду сводить в кино. Но дело ведь не в цене подарка или престижности места для свиданья. Дело в том, как ты себя при этом чувствуешь.

В отношениях с тигром Кики обрела крылья.

И со всей силы шарахнулась о землю.

— Что же получается: прошла любовь — остыли круассаны? Поматросил и бросил? Помурлыкали и ладно?! — негодовала уже я. — Он хотя бы назвал причину для расставания?

Кики устала отмахнулась.

— Сказал, что на вашем факультете все не так, как ему казалось раньше. Нес какую-то чушь, что занят и не может уделять мне столько времени, а потом... Короче, банальные отговорки парней.

Мы посидели ещё немного, пока подруга не спохватилась:

— Ой! Прости, я совсем забыла о тебе. Ты просто так в гости заглянула или случилось что?

— Эмм...

Признаваться Кики, что после возвращения в Академию одной впечатлительной парде начало мерещиться, что ее запах неуловимо изменился, или не стоит? Нет, лучше, наверное, не стоит. Тут целая трагедия, любовные переживания, и я со своим «Кики, понюхай меня, пожалуйста» как-то совсем не в тему. Проще отловить кого-то из наших — Лиама или того же Шархая, заодно узнаю, кто стукнул полосатого по голове, раз у него мозги набекрень сползли.

— Мими...

Подруга подозрительно прищурилась. Кошачья сущность, до этого пофигистично вылизывающаяся где-то в глубине души, оторвалась от своего архиважного занятия и насторожилась.

— Признавайся, этот полосатый нашел себе новую кошечку? Ты их видела? Она уродина? Говори!

— Эй, ты чего! Нет у Шархая никого.

Я отпрянула от взбешенной девушки, непроизвольно вжавшись спиной в стену. Но стало только хуже.

— А с каких пор, — вкрадчиво начала рысь, — ты так хорошо осведомлена о личной жизни моего бывшего? Уж часом не потому, что сама положила глаз на усатого?!

Сама того не замечая, Кики начала трансформацию. Послышался треск одежды и угрожающее рычание. И ведь знаю, что не виновата. Знаю!

А все равно вскочила и с позором метнулась на ближайший шкаф.

А дальше начался настоящий бедлам.

Кики, уже полностью трансформировавшаяся в рысь, кидалась на дверцы шкафа, а у самого потолка скалилась, шипела и периодически громко чихала (а что такого? вы хоть представляете, какая там наверху пыль скопилась!) черная парда.

— Веласкес, умерь фантазию! — кричала я с антресоли. — На кой мне сдался неуравновешенный тигр? У меня уже есть истинная пара!

— Вот и сидела бы в прайде, котят воспитывала, а не отбивала у честной рыси любовь всей ее жизни!

На шум из соседних комнат сбежали девчонки, поднялся визг и переполох. Под шумок из коробки на благотворительность были нагло уворованы пара туфель и то самое синее платье, уже запавшее мне в душу.

Взбесившуюся девушку пытались урезонить все: соседки по общежитию, примчавшаяся на крики комендантша и несколько новеньких преподавателей, незнамо как оказавшихся на этаже. Каким-то непостижимым образом в опале у рыси оказались логика, здравый смысл и я. Увещевания «Кики, лапочка, успокойся!» не помогли. Авторитетные доводы общественности «Да на кой Ноэми сдался этот тигр?» не пробивались в сознание сквозь барьер ярости. Аргумент «У меня же есть пара!» аргументом не считался.

Аки горная козочка с приступом простуды, я металась с одного шкафа на другой, пока наконец комендантше не удалось накинуть на озверевшую рысь сорванное с постели одеяло. Пока единственная и, кажется, безвозвратно потерянная на почве ревности подруга рвала когтями пододеяльник, в котором умудрилась запутаться, я спрыгнула на пол и вылетела из комнаты вон.

Кошачьи боги, надеюсь, никто в прайде не узнает об этом позорном бегстве с поля боя. Нет, родственники ещё поняли бы, уноси их маленькая кошечка лапы от кого-то действительно страшного, но рысь... Да меня же засмеют!

Оказавшись на улице и на всякий случай забежав за угол здания, я остановилась, чтобы перевести дух, как вдруг где-то наверху распахнулось окно.

— Ты мне больше не подруга! Слышишь? — раздался истеричный вопль Кики, а дальше над моей ни в чем неповинной головушкой что-то свистнуло (я едва уши прижать успела) и улетело в кусты.

— И учебник его забери! Ничего мне от вас не надо! Предатели!!!

Вопль оборвался. Окно с грохотом закрылось.

Вот тебе и женская дружба...

Решив, что под защитой кустов безопаснее будет, я нырнула в заросли, практически тут же обнаружив выброшенный Кики толстый фолиант в темно-коричневой обложке. Название оказалось полустертым от бесчисленного количества ладоней, бравших томик, поэтому я скорее угадала по остаткам букв, чем прочла:

— «Утраченные сказания Первой эпохи»...

Книга была явно из учебных закровов нашего нового факультета. Хочешь не хочешь, а тащить ее в западную пристройку придется.

Опасаясь мелкой гадости в виде заклинания, выстреливающего в лицо чернилами, я легонько ткнула учебник лапой и тотчас отскочила. Как оказалось, только зря дергалась. Подвоха не было.

Странички послушно распахнулись где-то в самом начале. Видимо, книга долгое время лежала в открытом состоянии, и сгиб примялся. Стоило бросить мимолетный взгляд на картинку с горделивым профилем представителя золотых эльфов, и стало очевидно — Шархай забыл книгу в комнате подружки по рассеянности, а страстно влюбленная в «няшечных няшек» рысь прибрала томик к рукам.

Усмехнувшись, я пробежала глазами по рукописным строчкам (кошачьи боги, да как только у неизвестного автора рука не отсохла все это выводить?), удивленно мяукнула и прочла ещё разок.

В то время, как школьная программа громогласными устами господина Каспо вещала нам о трех видах эльфов: солнечных, лунных и лесных, неизвестный автор описывал ещё две разновидности — морские эльфы и загадочные «авари». Последнее название с языка ушастых переводилось как «отступники».

В памяти всплыл вопрос Джерома, в свое время показавшийся мне глупым и неуместным. Помнится, принц интересовался, существуют ли другие представители эльфов? А господин Каспо промолчал.

Выходит — они оба знали чуть больше, чем могли рассказать?

Заинтригованная до кончика чуть подрагивающего от возбуждения хвоста, я пролистала лапой пару страниц, оставив скучное описание культурных особенностей, и поражено уставилась на портрет «отступника».

С пожелтевшей страницы фолианта на меня смотрел голубыми глазницами смазливый юноша, отдаленно похожий на... Джерома! Только более взрослый, матерый и чуть более мерзкий, чем сам наследник престола.

Под рисунком шла подпись:

«Взрослый авари, муж пола».

А ещё чуть ниже, уже в самом тексте взгляд выцепил строчку:

«После заключения Последнего союза часть представителей лесных эльфов нарушила завет предков не плодить полукровок и вступила в браки с людьми».

Захлопнув книгу, села и ошарашенно потрясла мордой.

А так ли хорошо я знаю того, кому дала клятву на крови?

Глава 2. Истина и правда

У господина Ши-Вана, нашего «любимого» преподавателя по общей физической подготовке, было три излюбленных метода коммуникации: стеб, обидные прозвища и подколки. Но даже они не шли ни в какое сравнение с фантазией и педагогическим рвением.

К примеру, как-то утром этой рыжей язве захотелось экстремальных видов развлечения. Жребий развлекать препода выпал мне (потому что прогульщица), Шархаю (потому что косо глянул) и Лиаму (потому что... да просто не нравишься). И пока остальные бегали кросс под надзором Гули, Ши-Ван погнал нашу троицу на задворки Академии. Здесь, укрытый от постороннего взгляда редким парковым полесьем, располагался глубокий котлован с впечатляющими буераками, широкой лужей в центре и стволами поваленных деревьев у дальней стены.

Молва твердила, что бывший директор планировал построить на этом месте бассейн, но то ли в тот год отменили норматив по плаванию, то ли деньги осели в карманах попечителей, то ли ещё какая напасть случилась, но строительство заморозили на неопределенный срок.

Строительство-то заморозили, а вырытый котлован — нет.

— Что встали? — прикрикнул Ши-Ван, располагаясь у пологого края. — Вот ключ, вот три кинжала. Там, — небрежный кивок в сторону старенького городского мобиля, — припаркован ваш транспорт.

Я со скепсисом посмотрела в указанную сторону, но уточнить, не путает ли господин преподаватель понятие «припаркован» с «намертво увяз в грязи», не позволил инстинкт самосохранения. Вот я сейчас поддамся порыву, нагрублю, а страдать и мчаться десять кругов вокруг котлована будем всем коллективом. Знаем — плавали. В смысле, сталкивались с легендарными методами воспитания подрастающего поколения.

Взгляд Ши-Ван ненадолго остановился на мне, но я притворилась пай-кошечкой и даже подобострастную моську скривила. Преподаватель не оценил.

— Побрякушки сдаем мне.

«Ну хоть что-то хорошее!» — отразился массовый восторг на лицах оборотней, поспешно срывающих со своих рук серебряные браслеты с крохотным бубенцом и отдающих эти мерзкие штуки преподавателю.

«Без артефактов, блокирующих вторые сущности, мы ого-го! Мы все сможем!» — пришла коллективная мысль в наши головы.

О, как же мы были наивны!

— Усы за рулем, прогульщица на крыше, волчок стартует за вами с трехсекундной задержкой, — раздавал указания Ши-Ван, не забывая при этом очень ехидно улыбаться. — Задача извозчика — уйти от «хвоста», задача «хвоста» — нагнать и остановить транспорт.

Парни дружно стартанули: Шархай — выталкивать из грязи и наспех осваивать незнакомую технику, Лиам — в кусты, раздеваться для оборота. Неприкаянной оказалась только я.

— А мне что делать?

— А ты, кися...

Кися?! Он сказал «кися»!

Задыхнувшись от возмущения, тихо зарычала.

— ...звезда этого аттракциона, — ничуть не уstraшилcя Ши-Ван.

То, что я звезда — это худо-бедно понятно (у меня и хвост длинный, и шкура шикарная, и мордашка милая), но почему «звезда» должна лихорадочно цепляться за крышу когтями и щурить слезящиеся от ветра глаза в попытке метнуть и попасть выданными кинжалами по мишени?

Вселенская справедливость, ау? Ты там спишь, что ли?

— Шархай! — возмущенно крикнула я, когда тигр слишком резко дернул мобиль в сторону, и мы едва не перевернулись.

— А ты не Шархайкай! — рявкнул в ответ приятель. — Лучше отклоняйся в противоположную заносу сторону!

— Ууу!!! — алчно завывал нагоняющий нас волчара.

Вот никогда бы не подумала, что в теле щуплого, неказистого парня может скрываться такой огромный зверь. Просто бр-р!

— Бестолочи! Да разве это погоня? — разорвался оставшийся на краю оврага Ши-Ван. — Лиам, ты дворовая шавка или свирепый волк? Так нафига скалишь зубы на вращающиеся колеса? Твоя цель — глотка возничего! Обогнал, прыгнул, вцепился, разорвал! Делов-то!

Мать моя кошка, чем руководствовался декан Маккалич, нанимая для нас этого психа? Решено, после занятий зайду в деканат и уточню, есть ли у рыжего допуск к педагогической деятельности. На худой конец справка от врача или прививки от бешенства...

— А ты, дурилка полосатый, вообще в курсе, где педаль газа? Да моя бабушка водит раза в четыре быстрее! — надрывался преподаватель.

Оно и понятно. Разве может быть у такого неадекватного человека приличная бабушка? С другой стороны, Лили тоже далека от идеала...

— Эй, домашняя кися, ты часом про звериные инстинкты не забыла, нет? Хватит полировать брюхом крышу. Поднялась на задние лапы и

балансируй!

В мое отсутствие расписание занятий практически не изменилось. Все только усугубилось.

Мы по — прежнему впахивали на ниве учебного процесса девять из десяти дней декады, а последний посвящали совместным поездкам. День у студентов факультета закрытых знаний начинался с приветственной ухмылки Ши-Вана на ОФП (переименованный мной из «очень фиговый» в «однозначно фатальный предмет»), где нас делили на две группы: «неудачники на препятствиях» и «покатушки в овраге».

Состав участников чередовался, но «звезда» на крыше оставалась неизменной.

После импровизированной зарядки шел завтрак. Лично мне после изматывающих тренировок с Ши-Ваном есть не хотелось. Хотелось опустить голову на сложенные руки и... сдохнуть от усталости!

Но кошачья сущность чуяла, что даже скоропостижная кончина не станет весомым аргументом для преподавателей, собравшихся за столом.

После завтрака наша группа тащила измотанные тела на занятия по общим предметам. В полдень начинался обед, совмещенный с занятием по этикету, а после с насквозь лживыми улыбками оттапывали друг другу конечности на двухчасовом уроке танцев. Далее в расписании стоял час свободного времени, которое лично я тратила на контрастный душ, сон или спешное доделывание домашней работы. Хотя чаще все-таки на сон.

В пять вечера начинались индивидуальные занятия...

Мне приходилось работать в паре с каннисом, а это то еще удовольствие.

Мало того, что волчонок быстрее усваивал материал, даваемый профессором Тебионом, так хвостатый ещё превосходил меня по силе дара. Я злилась, пыжилась, ночами сидела над бабушкиными книгами и дневниками, но результат оставлял желать лучшего.

Чего греха таить, учиться и оттачивать навыки — это не про меня. Я — парда! Слишком импульсивная для зубрежки формул. Слишком активная для монотонных повторений магических жестов. Слишком непоседливая для сосредоточенных наблюдений за ходом эксперимента.

Главным мотиватором в дремучем лесу знаний для меня всегда служило любопытство, но профессор Тебион почему-то не одобрял метод «а давайте смешаем вот эту гадость вон с тем взрывоопасным порошком и посмотрим, что же будет», предпочитая работать по отработанной, хорошо изученной схеме.

Ну никакой фантазии!

Одно радовало — остальным тоже приходилось несладко.

Подпевалы Джерома — Оливер Пим, Энтони Хемпден и Гуд Кромвель — зубрили имена многочисленных придворных и запоминали их маленькие слабости под надзором главного бабника двора... точнее, глубокоуважаемого декана Маккалича. Близнецы подтягивали магические знания с Айрис Руколо. Салли Грэм и Том Митчел обложились учебниками по истории, Шархай получал по морде на спарринге с Ши-Ваном, а бледный Лиэс уходил с Гулей.

Официально они постигали науку плутовства, но я однажды видела, как лис и тигр возвращаются после своих индивидуальных занятий в западную пристройку. Там даже моему острому кошачьему глазу было сложно определить, кто кого на себе тащит.

— Напоминаю, что до дня рождения принца Глошада осталось меньше двух месяцев. Полученное от короля Эддара приглашение на праздник — это проверка боеготовности и подготовленности младшего наследника престола к конкурентной борьбе за трон! — изо дня в день накалял атмосферу декан.

Правда, в это утро к обычной тираде первый меч королевства решил добавить легкую импровизацию:

— Вейрис, напоминаю, через пару дней будет практикум по покушению на принца. Проявите хоть немного рвения и постарайтесь удивить нас.

Я стыдливо опустила глазки, припоминая прошлую попытку.

В тех диких условиях, в которых проходили занятия, ни о каком изощренном и спланированном покушении на Джерома даже речи не шло. Честно говоря, я вообще благополучно забыла про отработку. Ну, а когда настал день «практикума», ограничилась выпрыгиванием из-за угла пристройки и героическим:

— Бу! — в лицо попятившегося Джерома.

Меня тотчас оглушили и спеленали заклятиями всех мастей, а после к застывшему тельцу пардочки прорвался рычащий каннис и наградил дружеским подзатыльником.

Нет, после он клялся и божился, что рука сама дернулась, на рефлексе, но я-то знала, что это такая изощренная месть за последние «покатушки в овраге», где одна ловкая кошка прищемила дверцей волчий хвост.

Клянусь роскошными усами тигра, чисто случайно! Но Лиам почему-то не поверил моим честным-пречестным синим очам.

Кошачья сущность воинственно скалилась, предвкушая месть. Руки механически намазывали тост джемом, а разум лихорадочно соображал. От кровожадных мыслей отвлек звук падающей ложки.

— Простите, — пискнула Памела, заливаясь румянцем.

Что это с ней?

Присмотревшись, только теперь заметила, что на ладони у девушки широкий след от ожога веревкой. Вероятно, опять упала с очередного препятствия Ши-Вана. Разве это руки аристократки, готовящейся к первому появлению при дворе?

Взгляд метнулся к Джерому. Вот кто всегда выглядел огурцом-молодцом! Свеженький, с иголочки одетый, хрустит свежими тостами и о чем-то негромко переговаривается с телохранителем.

— А может, хватит?

Официально заявляю, что главный враг кошки — это ее язык.

На меня покосились все присутствующие за завтраком, а Ши-Ван мерзко усмехнулся одной половиной рта.

— Смотрите-ка, у нашей кошечки сдали нервы! Кто бы мог подумать, что чистокровная парда окажется размазней.

Я резко вскочила, гордо выпрямила плечи, чувствуя пристальное внимание окружающих, и посмотрела в темно-коричневые глаза Дерена Маккалича.

— Может, хватит морочить нам головы?

Мужчина сразу понял, о чем речь. Ведь с момента нашего разговора по дороге на вечер к Итону-Бенедикту прошло не так много времени, чтобы недоуменно нахмурить брови и сослаться на банальное «забыл». А вот остальные пребывали в легком шоке, и для них пришлось пояснять.

— Мы — команда принца. Мы добровольно дали клятву служить ему. Мы каждый день тренируемся, не жалея себя. Мы называемся «факультет закрытых знаний», но никаких действительно секретных знаний не получаем.

Сама поразилась, как твердо и провокационно прозвучали мои слова.

— Все, чем мы занимаемся сейчас — это бесполезная фикция. Нас изматывают физически, в изобилии пичкают общедоступными знания, но не готовят к самому важному. К перевороту!

Ребята закивали, соглашаясь. Преподы настороженно покосились. Ши-Ван как-то очень задумчиво крутил в руке скомканную салфетку, видимо, обдумывая, получится сделать из нее приличный кляп или уже не успеет.

Даже кошачья сущность, которой в принципе чихать на проблемы человеческого тела, сейчас восторженно внимала моим словам.

А меня несло на крыльях ораторского вдохновения:

— Мы до сих пор ничего не знаем о наших противниках, — проникновенно вещала я, заражая остальных пламенем протеста. — Нас не учат секретным техникам. С нами не делятся более сильными заклинаниями. Нам даже не говорят о том, что Джером аварии!

На симпатичном лице принца не изменилось ровным счетом ничего, но в глубине голубых глаза мелькнули недовольство и досада. Да, голубчик, я все знаю.

— Вы говорите, что королевское приглашение на праздник — это проверка нашей команды? Так давайте будем реалистами, на приеме король увидит кучку подростков, не способных вести себя достойно. Команду-посмешище.

Если до этого кто-то из ребят еще питал иллюзии насчет нашего блистательно-успешного появления на празднике, то сейчас оставили надежды. До «команды принца» медленно, но, верно, начинал доходить неутешительный факт: все это время их загружали, как ослов, лишь для имитации подготовки и отвода глаз. Муляж. Иллюзия значимости и причастности к чему-то большему.

Вопреки природной вражде кошек и собак, волчонок поддержал меня первым. Лиам молча отодвинул приборы, встал, обошел угол стола и встал со мной плечом к плечу. Шархай зарычал и последовал его примеру. Дальше со своих мест вскочили энтри с близнецами Райч и присоединились к нашему возмущенному фронту.

Ого! Да во мне, оказывается, погибает от скуки великий бунтарь и оратор!

Оглядели оппозицию: Джером, тройка верных подпевал, лиэс (этот то ли заснул с открытыми глазами, то ли, как всегда, хитрит), обладатель титула «самый гадкий и рыжий препод факультета», Гуля и первый меч королевства.

— Хватит учить нас бесполезным вещам, — озвучила я лозунг компании «Бунт против педагогической системы».

В столовой повисла давящая тишина.

Момент нарушило по-деревенски громкое и затяжное хлюпанье горгульи, довольное чавканье конфетой, после чего Гуля поставила чашку с горячим чаем на стол и протянула лапку к соседу.

— Ты должен мне двадцатку.

— Крылатая вымогательница, — ругнулся Ши-Ван, покорно извлекая из кармана кошелек. — Небось снова мухлевала.

Гуля оскорбленно глянула на рыжеволосого мужчину, отсчитывающего

двадцать золотых.

— Историю не перепишешь. Страсть к бунтам записана в генетическом коде нашей милой пардочки. У тебя не было даже шанса.

Я слегка опешила от нелогичности ситуации, но старательно держала лицо. Дерен, все это время продолжавший пристально смотреть на меня, тепло улыбнулся и поднялся на ноги.

— Госпожа Руколо, свяжитесь с преподавателями, пусть меняют программу. Гуля, готовь портал...

— Уже лечу! — бойко отозвалась та, любовно заворачивая в накрахмаленную салфетку полученный выигрыш.

— Ши-Ван, вызывай дворфов, новый полигон должен быть готов через три дня... А вам, — взгляд в сторону кучки-бунтарей, — советую подняться к себе и надеть удобную обувь. Занятия по общим предметам на сегодня отменены. Через час жду всех в первой аудитории для знакомства с вашим новым преподавателем.

Все пришли в движение, отчего в столовой возник шум, гомон и легкий хаос. Уже покидая комнату, я оглянулась и увидела довольную улыбку Дерена Маккалича. Поймав мой взгляд, мужчина поднял большой палец вверх и подмигнул.

Тааак... И почему у меня такое ощущение, что на первого, заметившего бессмысленность программы обучающегося, спорили не только Гуля с Ши-Ваном?

* * *

К себе я умчалась прежде, чем кто-то чересчур смазливый успел схватить даму за локоток и ангажировать в уголок. Но Джерома это не смутило. Он же принц. Ему по статусу не положено.

— Ноэми, открывай! Поговорить надо.

Я с тоской глянула в сторону ванны. Сейчас горячие струи были гораздо предпочтительнее для тела, а успокаивающий шум воды — для души. Но Джерома это не остановило. Он же настырный. И через дверь пообщается, али приспичит.

Распрощавшись с мечтами избежать пренеприятнейшего разговора, открыла дверь и поспешно попятилась, пропуская приятеля детства. Но вопреки моим чаяниям, Джером тоже не был настроен на долгие выяснения отношений.

Подошел, обнял ладонями мое лицо, провел большими пальцами по

подбородку, едва заметно задел нижнюю губу и тихо выдохнул:

— Давно знаешь?

— Как вернулась... — призналась я, внезапно осознав, что это первый раз с моего пробуждения в доме Итона, когда мы с Джеромом остались наедине.

— Ясно.

В категории «самый тупой диалог двух подростков» мы легко урвали бы первое место, а вот в категорию «самый горячий поцелуй» нашу пару бы не взяли. Просто потому, что такие вещи не афишируют. Их хранят в глубине самых приятных воспоминаний, на почетном месте между «у меня бегут мурашки от звука его голоса» и «колени предательски дрожат от одного только взгляда».

Принц Райвиль пользовался ну просто бешеным успехом у противоположного пола. Иначе откуда этот светловолосый пройдоха с эльфами-отступниками в генеалогическом древе смог научиться такому виртуозному владению техникой поцелуев?

Я податливо льнула к тощей, но твердой груди младшего наследника престола, охотно тянулась за новой порцией невесомых поцелуев, млела от поглаживаний сильных пальцев и улыбалась в ответ на провокационные покусывания моей нижней губы.

Это было невыносимо сладко, безумно приятно, и даже думать не хочу, что вызывает во мне эту бурю впечатлений — сам Джером, одуряюще-приятно пахнущий свежескошенной летней травой, или магия данной ему клятвы.

Кошачья сущность недовольно качала усатой мордой, глядя на творящиеся непотребства, но поминать Джеда — нашу истинную пару — почему-то не спешила.

— Ноэми, Джером! Вы там уснули?

В дверь забарабанили чьи-то огромные кулачища.

Я подавила сбивчивую мысль: «А может, вы там сами... А мы тут пока продолжим...», отстранилась от жутко довольного Джерома и с непрошибаемым видом открыла дверь.

Кто там у нас такой бдительный? Кому кулаки не жалко? Шархай?! Ну все, приятель, ты попал...

В Академии общего магического профиля имени всеми позабытого дворфа работали самые странные педагоги во всей Аристаллии. Думаю, на основе нашей педагогической базы можно было защитить научную работу по теме: «Самая актуальная и полная классификация профессиональных

заскоков и других пограничных состояний доведенных до ручки педагогов».

Себя мы по праву считали людьми закаленными, привычными ко всему... И были в корне неправы.

До назначенного деканом часа еще было десять минут, а «команда принца» уже сидела полукругом в первой аудитории и обсуждала случившееся. Я в общую перепалку благоразумно не лезла, предпочитая действовать как опытный политический лидер: подняла общественность на ратный бой, спровоцировала на протест и, скромно потупив глазки, удалилась в уголок. Просто я-то в курсе, что инициатива обычно делает со своими инициаторами.

Джером сидел рядом и незаметно от других поглаживал кончиками пальцев мою руку. Хвостатая негодяйка в глубине души мурлыкала от удовольствия, я же изо всех сил пыталась подавить гормональную бурю и только недовольно хмурилась.

Невысокого темноволосого парня в очках никто, кроме меня, не заметил. И это странно!

Ладно люди с их несовершенным обонянием, но почему оборотни не учуяли чужого — так и осталось загадкой.

Одетый в простую, но теплую куртку из потертой кожи, темные штаны и высокие сапоги на толстой подошве, юноша присматривался к нам цепким взглядом хищника, выслеживающего добычу. Вот только я себя пугливой ланью не считала, поэтому поймала взгляд юноши и выразительно так, с клыками улыбнулась.

Незнакомцу приветствие по душе не пришлось.

Он как-то весь собрался, выпрямил немного сутулую спину и вышел вперед.

— Привет. Я ваш новый преподаватель. Можете звать меня Алексом. У нас мало времени и много тем для обсуждения, поэтому вставайте и следуйте за мной.

Наученные горьким опытом, обучающиеся окинули Алекса внимательным взглядом и коллективно скривились.

— Это какое-то издевательство! — взревел взбешенный Шархай. — Чему нас может научить мальчишка? Вырезать из коры солдатиков и складывать из бумаги драконов?

Не скрывая недоверия, я тоже смотрела на «нового преподавателя», мысленно подписываясь под каждым словом приятеля. Какой к лысому каннису из мальчишки преподаватель? Он же младше меня лет на пять, если не больше!

— При всем моем уважении, — чуть смягчил фразу один из подпевал Джерома, — но мы ждали кого-то более... солидного и сведущего.

Очкарик забавно сморщил нос и энергично почесал его ладонью.

— Тогда это сугубо ваши проблемы, — отмахнулся он и вышел.

В аудитории поднялся возмущенный ропот.

Я же встала, намереваясь пойти и закатить скандал первому, кто под лапу подвернется. Сперва наведаюсь к декану и выскажу все, что думаю о его двуличной натуре. Потом зайду к ректору (хватит ему уже избегать меня) и скажу... Нет, я прямо с порога потребую его вмешательства.

В конце концов, это Итон-Бенедикт сманил всех нас на факультет закрытых знаний. Вот пусть и держит слово. Мужик он или кто?

Полная решимости действовать, я выскочила в коридор, сделала несколько целеустремленных шагов по лестнице наверх, в комнату декана, и услышала восторженный вопль крылатой вредины.

— Алекс, мое сердце радостно замирает от мысли, что я вижу своего создателя!

— Не преувеличивай, Гуля, — весело отозвался очкарик, — у тебя нет сердца. Я счел, что это лишняя деталь, делающая уязвимой твою систему жизнедеятельности.

Я застыла на месте, так и не опустив ногу на следующую ступеньку, и вся обратилась вслух.

Создатель? Нет, я и раньше понимала, что ожившая статуэтка горгульи — это нечто из разряда невозможного, но приписывала заслугу ректору. Думала, что Итон нашел Гулю где-то на необитаемом острове во время службы, а после забрал к себе. На худой конец, что горгулья — результат эксперимента, где что-то удачно пошло не так и получилась эта язва с крылышками.

— Фу, как это низко! Напоминать даме о ее несовершенствах! — тем временем патетически всхлипнула Гуля. — А ты куда намылился? Погоди, — в голосе горгульи послышалась неподдельная тревога, — а шайка обормотов где? Алекс, мне не нравится твое довольное выражение лица, поэтому перефразирую вопрос — оболтусы живы? Ты же в курсе, что необратимые заклинания и проклятья носят скучный ярлык «необратимые» только потому, что после ничего нельзя исправить?

— Остынь, паникерша. Я сегодня добрый.

Новый преподаватель оглушительно звонко чихнул.

— Что-то аллергия разыгралась... — пожаловался он. — Ладно, пойду проветрюсь. Соскучился по этому месту.

— Ты только сильно не злись. Твою школу знатно перестроили.

Что? ЧТО?!!!

Да как же это...

— И насколько сильно?

— Ну...

Внизу послышались хлопанье крыльев и надсадный скрип проржавевших дверных петель, свидетельствующий о том, что участники разговора покинули пристройку. Я постояла ещё какое-то время на лестнице, пытаюсь собрать мысли в кучку, и кинулась обратно в аудиторию.

— Ребят, — врываясь в кабинет, крикнула я, — а как звали того дворфа, что построил нашу Академию?

— А в чем дело? — уточнил Джером.

— Кажется, он... — Я ткнула пальцем в сторону выхода. — Он это...

Не знаю, что уж там могли понять ребята из моего путаного объяснения, но с мест подскочили дружно и в едином порыве побежали в сторону выхода из западной пристройки.

Алекс обнаружился в пятидесяти метрах. Он стоял на круглом пустыре, заросшем пожухлой от холода травой, и вертел головой с видом человека, потерявшего что-то очень важное.

— А раньше здесь был чудесной красоты фонтан, — посетовал «подросток», обвел нас оценивающе-цепким взглядом и без всякого перехода строго спросил:

— Кто-нибудь знает, почему каждые шестнадцать лет в Аристалии происходит переворот и престол занимает один из наследников правящих ветвей?

Мы дружно подняли руки, готовые отвечать.

— Вот ты, — указал самый странный на моей памяти преподаватель в сторону чуть замешкавшегося Салли Грэма, не дожидаясь ответа, развернулся... и пошел по дорожке вглубь территории Академии.

— Это традиция, начавшаяся после победы, — заученно выдал Салли, шагая следом. — Делегаты Последнего Союза, объединившего в себе практически все население Аристалии, решили выбирать будущего короля путем честного сражения. В день переворота все наследники королевских ветвей, участвовавших в Битве Последнего Союза, вступают в поединок за власть. Сильнейший занимает престол.

Алекс, возглавляющий шествие преподавателя и адептов, вдруг резко свернул в сторону и начал пробираться сквозь кусты.

— Прописная истина, не заслуживающая внимания! — крикнул он уже оттуда. — Но кто из вас знает правду?

Мы с ребятами растерянно переглянулись и дружно рванули следом. Я,

Шархай, лиэс и каннис, как самые быстрые и любопытные, в числе первых, остальные — за нами.

— Господин Алекс, какую правду? — выкрикнул Джером, бесшумно появляясь откуда-то из-за моей спины.

Чтоб тебя, эльф недоделанный! Я едва не подпрыгнула от неожиданности. И ведь ни одна веточка не хрустнула, ни один листок под ногами этого нехорошего блондина не зашуршал.

— Просто Алекс! Поторопитесь...

Загадочный учитель продолжал целеустремленно ломиться сквозь кусты и остановился только спустя пару минут на крохотном пяточке, заросшем стеной непролазной чащи.

— Запоминайте, дети, — назидательно сообщил он, дождавшись, пока подтянутся остальные. — «Правда» и «истина» также далеки друг от друга, как женщина и мужчина. Прописные истины известны всем и каждому. Моя задача — научить вас искать правду.

Он громко хлопнул и медленно развел руки в стороны. Промерзшая за ночь земля задрожала, взбухла кривыми бороздами.

— Вы когда-нибудь задавались вопросом — с кем на самом деле воевала Аристалия во времена Последнего Союза? — перекрикивая дрожь стонущей под ногами земли, спросил Алекс.

— В учебниках по истории написано, что это были мародеры с Тардийского хребта, — выкрикнул Джером, стоящий рядом.

— Ключевое в данной фразе: «в учебниках»! Не доверяйте ничему, что преподносится широким массам.

Земля под ногами затихла, и перед мысками преподавательских ботинок появился небольшой кратер, из которого вылезло... Эм-м... Честно говоря, затруднюсь назвать, что конкретно вылезло, но с виду это напоминало плод пылкой любви крота-переростка и мокрицы.

— Земной элементарь! — уловил мой острый слух потрясенный шепот Памелы.

Я даже обернулась, чтоб бросить на девушку удивленный взгляд. Подумать только, наша впечатлительная девочка в кои-то веки отлипла от брата-близнеца и восторженно таращится на вылезшее из-под земли чудюдо.

Нет, сегодня не день, а какая-то череда неожиданных сюрпризов!

— Ну-с? — недовольно проворчало существо.

При этом розовые вибриссы на слепой морде волнообразно подрагивали, вызывая во мне непреодолимое желание скривиться, а лучше так вообще прихлопнуть лапой это непутевое нечто.

Кошачья сущность возмущенно мяукнула и брезгливо попятилась, наотрез отказавшись марать об ЭТО свои хорошенькие лапки.

— Будь другом, подними амфитеатр.

И вот вроде бы Алекс просил, и даже благодушно улыбался, но перечить ему смог бы только отчаянный самоубийца. Элементаль (если верить Памеле) самоубийцей не был, поэтому неразборчиво буркнул нечто вроде: «ходят тут всякие... вековые постройки тревожат» и нырнул обратно в кротовину.

Земля вновь задрожала, и Алексу пришлось отступить в ряды нашей нерешительно переминающейся кучки.

— Мародеры с Тардийского хребта — слишком размытое понятие, — продолжил наш новый препод. — Почему нигде не указано, к какой расе они принадлежали, с какой целью напали и почему для отражения атаки всем расам Аристалии пришлось объединиться?

Я озадаченно прикусила нижнюю губу.

А ведь правда, в учебниках об этом и слова не было. А еще, если я правильно помню географическую карту, то Тардийский хребет входит в пятерку самых неприступных и суровых мест обитания на всем материке. Высота гребня над подножием горного хребта составляет что-то около трех километров, а протяженность — мама не горюй! И там такие крутые склоны, что даже «крепкий народец» не спешит их покорять. Собственно, кроме глубинных дворфов и диких животных-психов, желающих сидеть на снежном продуваемом склоне, нет.

Так откуда взялись мародеры? Да еще в таком количестве, что объединенная армия Аристалии с трудом одержала победу?

Видимо, в похожем ключе думали и другие, потому что Алекс, следящий за нашей реакцией, широко улыбнулся.

— О, вижу блеск сомнения в глазах. Видать, Ши-Ван заблуждался на ваш счет...

Ага, представляю, в каких красочных выражениях этот рыжий гад мог нас описать. Если «неумехи», «лентяи» и «бездари» из уст преподавателя по общей физической подготовке звучали как комплимент, то представляю, что мог подумать после такой-то антирекламы бедный Алекс. Наверняка решил, что будет обучать класс коррекции.

— Готово! — буркнул элементаль.

Я обернулась на звук и непроизвольно напряглась.

На том месте, где еще недавно была твердая как камень земля, возник двухметровый провал, неприятно пахнущий сыростью, землей и гнилью. Вниз уходили крутые ступеньки, а ещё было жутко темно и замогильно

тихо.

Я с сомнением покосилась на преподавателя. Как бы так ненавязчиво намекнуть этому загадочному мужчине с внешностью подростка, что чистокровные парды не фанаты подземелий? Тем более такого сомнительного происхождения.

Наш новый преподаватель оглядел притихшие ряды учеников и предложил:

— Желаящие пойти первыми есть?

На него выразительно посмотрели все двенадцать пар глаз.

— В таком случае честь первопроходца по праву принадлежит мне, — изрек Алекс, расхохотался и уверенно ступил во мрак открывшегося подземелья.

Желающих топтать следом за странным преподавателем не было, это я по бегаящим глазам ребят поняла. Пришлось обернуться и выразительно посмотреть на Джерома.

Ну, герой! Давай, демонстрируй нам свое мужество.

— А вам известно, что оборотни сыграли главную роль в битве? Именно их действия привели к перелому военных событий...

— Как?! — воскликнули я, каннис, тигр и лиэс, бросаясь к провалу.

— Алекс, подождите! — толкаясь локтями, прорычал в темноту Шархай.

— Вы что-то путаете! — пропыхтел зажатый лиэсом и тигром Лиам.

И только я, избежав давки на входе, успела прошмыгнуть перед носом оборотней и торопливо сбежать следом за преподавателем в просторную пещеру.

Глава 3. Отработка или принц из сказки

— Алекс, но ведь отряды оборотней дезертировали прямо во время боя при Вайне! Магам лишь чудом удалось удержать крепость и не пустить врага в глубь Аристаллии...

И этого позорного бегства вековой давности оборотням не простили до сих пор. Именно поэтому среди высшей аристократии практически нет оборотней. Мы не боремся за власть. Мы имеем меньше льгот и послаблений. Мы — единственные, кто платит налог за вторую ипостась. Мы — те, в чей адрес могут бросить унижительное «зверье» (в лицо-то побоятся, но в спину — запросто).

— Выходит, это все слухи, да? Дезинформация, пущенная в народ? Нас хотели очернить?

Лица Алекса я не видела, но по тому, как еле заметно сотрясались юношеские плечи, поняла — кое-кто с превеликим трудом сдерживает подкатывающий к горлу смех.

И что-то подсказывало, смех этот был злодейский!

— Истина и правда... — загадочно произнес основатель школы, где проучилось не одно поколение лоботрясов. — Впрочем, пардочка, сейчас ты все поймешь.

Заинтригованная до кончика хвоста, я преодолела последние ступеньки и огляделась.

«Амфитеатром» это место не назвал бы даже человек с очень богатым воображением и в принципе не знакомый с данным архитектурным сооружением. Простая на вид пещера, чей высокий свод вымазан фосфорной пастой, а пол засыпан цветным песком. Ни тебе круглой или овальной сцены по центру, ни рядов сидений, ступенеобразно поднимающихся вверх.

Спрашивается, где антураж, где актеры, где все?!

Негодовала я зря.

Один громкий хлопок Алекса, и за его спиной появились посадочные ряды, а спустя несколько минут, когда в пещеру, перепрыгивая через несколько ступеней, ввалились остальные члены нашей шайки «поможем Светлому принцу сесть на престол», раздался сухой щелчок пальцев, и на импровизированной сцене появились актеры.

— Офонареть!

Не знаю, кому принадлежал этот восторженный вопль, но всеми

лапами поддерживаю оратора. Я много чего в жизни необычного повидала, но это было нечто!

Сотканые из сотен крупных песчинок, с пола поднимались фигуры. Двое высоких юношей, гибких и невероятно красивых. Один опирался на посох, второй держал в руках лук и колчан со стрелами. Их одежда была соткана из темно-зеленых крупинок песка, с небольшими отличиями в отделке. Песчинки чуть подрагивали, и создавалось ощущение, что ветер играет длинными светлыми волосами, а голубые глаза смотрят на каменные ряды. Туда, где сидели притихшие и крайне взволнованные обучающиеся.

— Эта история началась с двух братьев... — заговорил Алекс, отступая в тень. — Первый случай в истории эльфийского народа, когда дар мироходца получили сразу двое детей, рожденных в правящей семье. По традиции оба должны были стать магами, изучить подаренную природой силу и отправиться в другие миры, что бы по возвращению принести эльфийскому народу знания и технологии, но отец братьев побоялся отпускать обоих наследников. Так, из-за природной слабости одного существа были нарушены традиции. В назначенный срок один из братьев стал правителем эльфов, второй — мироходцем.

Фигуры отошли друг от друга на несколько метров, и тот из братьев, что держал в руках посох, махнул рукой, а на его месте взметнулся цветной вихрь.

— Сложно сказать, что случилось с братом, но в какой-то момент новый эльфийский правитель почувствовал распирающую его силу, и произошел спонтанный скачок.

Повинуясь незаметным жестам Алекса, фигура эльфа уменьшилась до размеров мужской ладони и ее поглотило черное звездное марево. Я с жадным нетерпением следила за тем, как мироходца крутит и швыряет из одной цветной дымки в другую, и все ждала — когда же в этой истории появятся оборотни.

— Правителю эльфов удалось вернуться в наш мир, — продолжил Алекс, и фигурка, а следом и мы, оказалась на заснеженном склоне. — Сила пробила заслонку, и мироходец-недоучка оказался на одном из склонов Тардийского хребта. Его достаточно быстро отыскивали подданные и вернули в родные леса. Никто даже не понял, что сквозь незримый для нас разлом начали приходить чужие.

Песчинки соткались в трех существ. Первый, самый огромный, имел роговые выросты на голове, как у буйволов, но на этом сходство и заканчивалось. Тело существа — сплошь выступы и наросты — казалось куском горной породы с криво приспособленными по бокам двумя парами

рук, каждая из которых сжимала оружие.

Второй представитель иной цивилизации был в два раза меньше, имел гибкое, удлиненное в талии тело с острыми иглами на спине, плечах и руках. Судя по магическим всполохам вокруг... ну условно назовем эти огромные когтистые ковши «лапами», этот пользовался не только сокрушительной мощностью кулаков, но и магией.

Третий оказался без рук, без ног, ростом со второго и с объемами первого. Я все ломала голову, пытаюсь сообразить, чем страшен этот рыхлый колобок, пока тот не открыл огромную, на пол тела, зубастую пасть и не плюнул какой-то дрянью аккурат в Джерома, сидящего на первом ряду.

Собралась было позлорадствовать над испуганно вопящим от неожиданности принцем, но «плевок» рассыпался о сосредоточенное лицо младшего наследника престола кучкой песка и опал на колени.

Покусанный каннис! Выдержка выдержкой, но Джером даже не вздрогнул от неожиданности.

Он выглядел бледным и как никогда серьезным, незаметно для остальных кусал нижнюю губу и до боли сжимал пальцы в кулаки. А ещё смотрел на существ с таким видом, словно не только слышал о них ранее, но и встречался лично.

— Знакомьтесь, варголы — жители междумирья, — представил нам иномирцев Алекс. — Полуразумные существа, вторгшиеся в наш мир через оставленный разлом, с целью захвата.

— Те самые мародеры с Тардийского хребта? — уточнил энтри Том Митчел, понял, что ляпнул глупость, и задал следующий вопрос:

— И сколько их пришло?

— Достаточно, чтобы уничтожить Аристалию.

Джером сглотнул и опустил белобрысую головушку. Так и захотелось приобнять да спросить: «Что ж ты, молодец, не весел? Что ж ты голову повесил?»

Стоп! Это что ещё за муки совести? А главный вопрос — с чего бы!

— Три, может, четыре тысячи существ, — вдруг тихо вставил он, резко вскидывая головушку, так что белоснежные волосенки расплескались по плечам.

Красиво, кто бы спорил, но я все-равно мысленно скривилась. Все же, на мой вкус, у мужчины не должно быть таких длинных волос.

Алекс учтиво кивнул, принимая уточнение принца к сведению, и как ни в чем не бывало продолжил:

— Первыми затрубили в тревожный рог дворфы, работавшие на

шахтах...

Картинка сменилась. Из песка соткался круглый стол, показав представителей всех рас и кланов, обитающих на территории Аристаллии.

— К тому моменту, когда правители наконец прониклись угрозой, почесались и собрали совет, варголы спустились с хребта, захватили леса Дорхольза, всю северную линию обороны, беспощадной лавиной обрушились на территории кочевых племен и начали прорываться в глубь материка.

Я с интересом следила за тем, как варголы легко и небрежно отбивают атаки дворфов и немногочисленные людские отряды, уничтожают магические заслоны оборонительных постов, наносят сокрушительные удары.

Алекс не зря продемонстрировал нам всех трех представителей иномирцев. Не то, что бы я была так уж сильна в военном деле, которое изучалось пардами с наступлением совершеннолетия (занятия вел самый скучный из всех представителей кошачьих — дедушка моей мамы, который охотно закрывал глаза на дремлющую во время занятий правнучку), но легко догадалась, что варголы нападали пятерками.

Двое огромных четвероруких представителей являлись ударной силой, двойка более быстрых магов добивала остальных. «Колобки» стояли за спинами товарищей и прицельно плевались ядом в неприятеля. Пару раз я видела, как эти существа выступали в качестве таранов. Со стороны это выглядело так, будто огромный шар катится на толпу оцепеневших от страха «кеглей». Увы, но после такого от «кеглей» оставался только ровный слой бурой массы с белыми прожилками костей.

Алекс не щадил нашу хрупкую детскую психику, демонстрируя кровь, оторванные конечности и разломанные на части черепушки с сероватой массой внутри. Мне-то ничего, я же оборотень, а значит, привычная. В кошачьем облике я не только с наслаждением ломала челюстями нежные позвонки на шее добычи, но и, уж простите за подробности, с аппетитом лопала свою жертву. А вот представители аристократии побледнели и сидели с такими лицами, будто сейчас случится массовый позыв выбежать на свежий воздух. Памела так вообще уткнулась лицом в плечо брата.

Вот ведь странная барышня!

Нелицеприятный элементаль с розовыми вибриссами вызвал у нее восторженный трепет, а кусочек печени, мелькнувший в разорванном животе дворфа — чувство отвращения и панику. Интересно, она на картинки из медицинского атласа также реагирует?

— Остановить продвижение иномирцев удалось лишь тогда, когда в

ряды нашей армии вступили отряды оборотней...

Воздух в пещере наполнился утробным рыком, и в толпу варголов влетел отряд черных кошек. Я с жадным вниманием следила за тем, как мои соплеменники с отчаянным бесстрашием бросаются на врагов. Парды были олицетворением слова «беспощадные воины». Они выгрызали и выцарапывали победу ценою собственных жизней. Рядом сражались закованные в броню слоны, каннисы, тигры, медведи...

Да что там! Я даже видела одну очень боевую белку-летягу!

И все бы хорошо: кошачью сущность плющит и колбасит от гордости за собратьев, во мне очнулся дух патриотизма, но... Меня не оставлял вопрос — где все? Где маги, дворфы, эльфы, хафлинги? Где прославленная «Огненная конница»? Где воспетый в легендах генерал Турзо, всегда воевавший на передовой? Где поддержка сверху? Где заградительный огонь из катапульта, пушек и магических стрел?

«Неплохо, пардочка...» — раздался в моей голове шепот.

Вздвогнув от неожиданности, перевела взгляд на Алекса. Его губы не размыкались, но я по — прежнему могла слышать его.

«Этого не расскажут в легендах. Об этом никогда не напишут в учебниках. Это вычеркнуто из памяти прошлого и навсегда похоронено. Об этом никто не может рассказать. Поэтому смотри, запоминай и делай выводы».

Не знаю, что в эту минуту видели остальные в общей панораме сражения, но мой взгляд оказался прикован к самому дальнему углу показываемого Алексом сражения. Я видела военный лагерь, суесящихся людей и нелюдей. На земле аккуратным рядком лежали десять мертвых тел — трое дворфов, эльф и люди. Мимо пробежали два медбрата, унося на носилках тело молодого парда, обогнули палатку походной операционной и оказались около ямы.

Мне пришлось чуть привстать и вытянуть шею для того, чтобы увидеть, как сотканые из сотен песчинок крохотные людишки сбрасывают тело оборотня в эту яму, к телам сотен таких же. Медбратья уже собирались уходить от братской могилы оборотней, когда на краю показалась чья-то лапа (видимо, врачи ошиблись и списали кого-то со счетов слишком рано). Мужчины подошли к краю ямы, и тот, что стоял ближе, несколько раз с силой наступил сапогом на показавшуюся лапу.

Из груди помимо воли вырвался глухой рык.

Что за фигня?! Что за неуважение к павшим!

«Смотри, парда. Смотри», — в голосе Алекса слышались нотки сочувствия.

И тут же на огромной панорамной карте событий подсветился маленький островок. Там стояли четверо: пард в боевой форме, представительная дама в легких доспехах, седовласый маг и воин с длинной косой светло-русых волос, и о чем-то с жаром спорили.

«После вторжения варголов практически все обитатели материка заключили договор, названный в дальнейшем «Последний союз». В документе было прописано «...все нижеподписавшиеся участвуют в военных действиях ради мира и свободы Аристалии». Все понимали, что спасение только в единстве, вот только умирать никто не хотел. Зачем рисковать собственной жизнью, если есть воинственное зверье, которое не жалко бросить на убой?»

Мой собрат явно что-то требовал, и не надо быть самой умной кошкой в чаще, чтобы понять — пард требовал от своих союзников поддержки, а когда получил отказ, то дал в морду мужичку с косичкой, показал даме неприличный жест когтистой рукой, круто развернулся и скрылся между деревьев. Седовласый маг сунулся следом, но махнул рукой и отступил. Искать черного кота в лесу так же безнадежно, как волосы на лысине старика.

А следом по пещере пронесся грозный рык, и оборотни, повинувшись приказу командира, начали отступать с поля боя.

«Взбешенный нарушением договора, пард поднял бунт. В ту же ночь большая часть кланов оборотней оставили поле боя и вернулись в свои земли. Не встретив отпора, варголы продвинулись вперед, захватили семь крепостей и начали подступать к эльфийским территориям...»

Говорят, нет ничего хуже, чем женщина, бьющаяся в истерике. Врут. Ибо хуже паникующей женщины только светловолосый напуганный красавец эльфийского происхождения.

Сообразив, что филей уже в огне, лесные эльфы засуетились, загомонили, начали капать на мозг другим членам договора. И если раньше оборотни воевали, дворфы поставляли оружие и технику, хафлинги выступали в качестве подсобных рабочих «принеси-подай», маги имитировали кипучую деятельность в тылу, а эльфы сочиняли военные гимны да изредка постреливали в сторону неприятелей, то теперь за оружие пришлось взяться каждому.

Безвыходность толкнула дворфов на создание мечей из закаленной стали; маги научились плести убойное заклинание, при попадании которого в открытые пасти колобков тех разрывало на сотню мелких ошметков плоти; эльфы стали использовать стрелы с токсичным ядом, лишаящим варголов-магов подвижности.

Аристалия оказалась спасенной, варголы отступили в разлом и отправились на поиски мира посговорчивее, оборотней навеки заклеямили словом «предатели», но это оказалось еще не самым большим потрясением на сегодня.

— Скажите, кто-нибудь из вас задавался вопросом, почему Аристалией, где проживает такое огромное количество видов и рас, управляют люди?

Алекс вышел вперед и встал по центру импровизированной сцены.

— Истина и правда... — с расстановкой произнес преподаватель. — Истина — на престол может претендовать только один из представителей королевских ветвей, достигший совершеннолетия. Правда — никто и никогда не признал бы власть человека над другими видами, поэтому все королевские дома — полукровки. Король Эддар — наг-полукровка. Дом Райвиль, как вы уже знаете, — пристальный взгляд на меня, — эльфы-полукровки. Тролли, драконы и пустынные, увы, вымершие королевские ветви...

Преподаватель сложил руки за спиной и направился к выходу.

— Ваше задание на завтра: проанализировать информацию и догадаться о расовой или клановой принадлежности других наследников королевских домов. На этом все.

Следом за остальными я медленно поднялась со своего места. Голова гудела от переизбытка информации, внутри бесновалась кошачья сущность, настойчиво требуя кого-нибудь придушить. На глаза очень некстати попалась блондинистая макушка.

— Мими?

— Все хорошо, — лучезарно улыбнулась принцу.

Все и правда хорошо... будет.

Но не для тебя, эльф смазливый. Не для тебя...

* * *

— Тааак... — протянул ректор, обводя нашу притихшую компашку сердитым взглядом. — Тааак...

Взгляд зеленых глаза замер на моей довольно улыбающейся моське.

— Вейрис, вы бы хоть для виду устыдились, — пожурил Итон-Бенедикт.

Я честно попыталась, но... Радость распирала так сильно, что это было невозможно контролировать. И потом, чего мне стыдиться?

— Так все же в рамках поставленных вами условий, — практически промурлыкала я и принялась загибать пальцы. — Подготовка к покушению проходила втайне от остальной команды. Гуля выделила нужную сумму...

Горгуля покосилась на меня с таким обиженным видом, словно деньги я выцганила лично из ее кармана, а после летала за мной весь вечер и требовала чеки со сдачей. У-у, скупердяйка с крылышками!

— ...преподавательский состав факультета закрытых знаний привлечен не был. Все как вы сказали, господин ректор, — подытожила я.

Итон-Бенедикт покосился на побитого, исцарапанного принца, сжимающего в руке прутики, бывшие некогда шикарным букетом цветов, и едва заметно скривился.

А я что? Стою, радостно улыбаюсь и жду, пока мне засчитают практикум.

И нечего, господин ректор, так громко скрежетать зубами! Это, знаете ли, для эмали вредно. В следующий раз триста раз подумайте, как грамотнее сформулировать задание, а то мы, чистокровные парды, девушки весьма находчивые.

А еще мстительные и кровожадные.

Помня свой прошлый позор, второе нападение на младшего наследника престола я спланировала куда лучше. Идею, как ни странно, подсказал валяющийся на полу потрепанный томик с любовным романом, который на днях листала Памела.

— Бесподобная история! — делилась эмоциями от прочитанного она, с мечтательным видом обнимая подушку. — Разочарованный в любви принц решает довериться случаю и устраивает отбор среди всех желающих девушек страны. А главная героиня, она ведь сперва не хотела участвовать в отборе. Артачилась, даже сбежать хотела... А дальше там такое началось! Дворцовые интриги, заговоры конкуренток, злобный брат-близнец и пылкая страстная любовь! Эх, вот если бы так в жизни...

Я с задумчивым видом полистала растрепанный, местами щедро залитый слезами романчик, и уточнила:

— И много кто читал эту чухн... чудесную историю?

— Мне дала книгу Хельга... — пустилась в объяснения соседка. — Она сама одолжила ее у Розы с третьего курса, а та, кажется, дружит с Марго Харпер, такая длинная девица с лошадиным лицом, и вот та взяла у Алики, но уже после того, как «Отбор» прочитали Милана с Денной...

Памела говорила и говорила, из чего я сделала закономерный вывод: много, оделась, нацепила на лицо счастливую улыбку и пошла распускать слухи.

А что? Ректор, между прочим, сам дал добро. Вот с него и спрашивайте в случае летального исхода!

В день покушения Джером, он же Светлый принц, он же главное действующее лицо моего злодейского плана, получил от меня записку с просьбой встретиться в роще для свиданий.

Местечко было известно на весь парк тремя удобными скамейками для парочек, а также высокой стеной кустов дикого шиповника, прикрывающих влюбленных от осуждающих взглядов преподавательских очей.

И вот стоит младший наследник престола посреди дорожки, весь из себя такой красивый (приоделся по случаю), духами разит за сто шагов (правда, очень вкусными, с еле уловимым запахом тмина), в руках огромный букетище роз (а говорят, что мужчины намеков не понимают. Подумаешь, всего — то четыре раза намекнула, два раза в открытую сказала и бесчисленное количество раз печально вздохнула, вертя в руках засохшую розу).

И вот стоит Джером, аки прекрасный принц из девичьей сказки, с ноги на ногу переминается, а тут я такая подлая и коварная даю отмашку.

Большие голубые глаза Джерома едва из орбит не полезли, когда с криками «Мой! Он мой!» из кустов полезли начитавшиеся любовных романов девицы.

Честно говоря, даже я не ожидала такого успеха. Джером, конечно, симпатичный и все такое, но по моим предварительным прикидкам девчонки делились на три независимых лагеря: фанатки принца, влюбленные в Дерена Маккалича и кучка отщепенцев, чьи девичьи сердца разбила неподражаемая харизма ректора (подозреваю, там тоже замешан какой-то нашумевший роман). Сея слухи про истинную цель появления в стенах убогой школы общего магического профиля всеми позабытого (но по — прежнему очень даже живого и прыткого) дворфа, я и не подозревала, что представительницы всех лагерей сомкнут свои ряды и примчатся в парк на якобы первое испытание при Отборе невест.

Всем хотелось, как в сказке.

Довольно улыбаясь, я выбралась из своего укрытия, забралась с ногами на лавочку и, приткнув пятую точку на спинку сидения, чтобы лучше видеть, принялась наслаждаться ситуацией.

— Ату его, девочки! Ату! — возбужденно кричала Гуля в спины устремившихся к заветной мечте прелестниц.

Девчонки нарядились кто во что горазд, поэтому со стороны это напоминало цветной калейдоскоп, несущийся аккурат на Светлого принца. Джером сглотнул, мужественно прижал пышный букет к груди и... совсем

не романтично рванул с места.

— Мими! — злобно орал принц Райвиль во всю молодецкую мощь легких. — Прибью!!!

Очень неосмотрительно с его стороны разбрасываться такими обещаниями. Во-первых, не посмеет, во-вторых, когда за тобой с визгом несется возбужденная толпа девчонок, начитавшаяся романов, дыхание надо бы поберечь. И под ноги тоже лучше смотреть, а то споткнешься, упадешь и не факт, что встанешь.

Увы, Джером подвел меня даже в этом. Так и не удосужившись сделать зрелищный кульбит с эффектным приземлением носом в землю, светловолосый принц подбежал к ближайшему дереву и с ловкостью кошки взобрался на нижнюю ветку.

Хотя нет, я сама карабкалась бы на это чертово дерево секунд десять, но адреналин в крови издревле творит и не такие чудеса. Перехватив букет, Джером поднялся на ноги и приготовился карабкаться еще выше, но был пойман за ногу подпрыгнувшей девицей и утянут в подоспевшую толпу. Последнее, что я заметила, было ярко-алое пятно букета, с которым ушастый полукровка не расстался даже в минуту опасности.

— Эй, народ! — весело крикнула я. — Спасайте принца, пока его на сувениры не растащили!

— Мими!!! Ну ты... — закончить фразу Шархай не успел.

Кинувшиеся спасти атакованного престолонаследника члены команды были снесены общей массой. С веселым матерком мимо пронесся Ши-Ван, а следом вызволять своего подопечного бросился и Дерен Маккалич. Я же продолжала получать эстетическое удовольствие.

Джером сражался аки лев. Такой маленький и щуплый, но очень отважный лев. Проблема заключалась в том, что всерьез сражаться со слабым полом принц не мог: мораль мешала, остальные тоже действовали мягко, стараясь никого не ранить, поэтому возбужденные девицы окончательно двинулись на почве романтической придури стать невестой принца и начали рвать костюм блондинчика.

Мать моя кошка! Наверное, ставить для «конкурсанток» условие добыть личную вещь принца было немного необдуманно. Но кто ж знал, что перечитавшие романов девы не остановятся ни перед чем.

Милая романтическая история про Отбор невесты грозила стать заключительной сценой из другого драматического произведения, где обезумевшая толпа растерзала главного героя на кусочки, но тут, к счастью для всех, в дело вмешался ректор.

— Отставить! — рявкнул Итон-Бенедикт, и (о, чудеса!) девицы тотчас

перестали верещать, драться, рвать Джерома на запчасти, застыли и медленно повернули головы в сторону источника звука.

— Какого... — очень непедагогично начал тот самый источник, потом взял себя в руки и уже куда спокойнее и почему — то зловеще уточнил:

— Где обучающаяся Вейрис?

Пришлось грациозно подняться со своего места, соскочить на землю и подойти. Девчонок разогнали, после чего Ши-Ван подошел к распростертому на земле Джерому и участливо спросил:

— Ну ты как, оклемался? Гуля, некролог отменяется, сворачивай поминальную поляну.

— Это несправедливо! — возмутилась та. — Я уже панихиду заказала. С плакальщицами их выход отрепетировала. Там такая боль! Там такой душевный надрыв! Там бутербродики с черной икоркой!

— Гуля.

Итон-Бенедикт сказал это мягко, даже ласково, но меня пробрал озноб. Горгулью, видимо, тоже, потому как каменная вредина демонстративно развернулась попой и обиженно буркнула:

— Ну никакого уважения к чужому труду.

Мы выстроились вокруг Итона-Бенедикта полукругом, а уже после было то самое затяжное и многозначительное ректорское «тааак».

Воспользовавшись моментом, Шархай незаметно показал мне большой палец, лиэс, как никто ценивший хитрость, также удостоил одобрительным кивком, а вот остальные уподобились Лиаму и зыркали в сторону довольной парды, точно стая голодных каннисов на загнанного зайца. Но особенно выделялся взгляд Джерома.

Потрепанный, исцарапанный и очень недовольный принц смотрел... многообещающе. И почему — то большие голубые глаза обещали чистокровной парде только неприятность. Нет чтобы колечко, свежую слойку с маком или готовую лабораторную работу по ядам.

— Чего молчим? — первой не выдержала затянувшегося молчания Гуля. — Давайте уже обругаем всех последними словами и разойдемся, а то меня ветер сносит.

Ветер и впрямь усилился, напоминая присутствующим, что не за горами первый день зимы и праздник по случаю дня рождения старшего наследника Глошада.

Преподаватели переглянулись, и Ши-Ван с неохотой процедил:

— Должен признать, обучающая Вейрис, ваше коварство вкупе с нахальством не знает границ.

Польщенно потупилась. Это ведь похвала, да? Я ничего не путаю?

— Прибить бы тебя за такое, — с чувством произнес Дерен.

Хм... Что-то непонятно, меня хвалят или ругают?

Вопросительно глянула на ректора. Интересно, что он скажет.

Но Итон молчал. Зеленые глаза, потемневшие из-за надвигающихся сумерек, смотрели пристально. Жадно. Так, словно целую вечность не видели.

Игнорируя холодные порывы ветра, по телу прошла обжигающая волна жара. Аж дыхание перехватило! На душе стало жутко приятно, а ещё очень захотелось улыбнуться, подойти и обнять нашего «мягкого, как подушка» ректора.

Поразительно, но, кажется, я соскучилась.

Очень.

— И не стыдно? — тихо уточнил он.

В первую секунду подумала, что каким — то чудом Итон прочел мои мысли, и только потом сообразила к чему, собственно, вопрос.

Замешательство тут же сменилось бравадой, и я гордо расправила плечи.

— Простите, господин ректор, но обычно я посыпаю голову пеплом по пятницам тринадцатого. Во все остальные дни у меня не приемное время.

Итон прикрыл глаза, всем видом как бы говоря: «а чего я собственно ожидал от этой черной бесстыжей кошки?», шумно выдохнул и придал лицу строгий вид.

— Обучающаяся Вейрис, практикум засчитан. Остальные, — тяжелый взгляд на притихшую «команду принца», — очень плохо. Дерен, проводи завтра разбор. Ши-Ван, на тебе организация следующего практикума по покушениям, проведем уже после поездки во дворец. Все свободны.

Ректор резко повернулся и зашагал по дорожке к своему домику, виднеющемуся из-за деревьев, а я стояла, смотрела в его удаляющуюся спину, борясь с внезапным чувством пустоты.

На душе стало холодно. Словно в суровую зимнюю ночь кто — то бессердечный отобрал у тебя теплое одеяло.

— Ноэми.

Джером развернул меня к себе лицом. Глаза сверкают, как у демиурга с гравюры, расцарапанные желваки ходят ходуном. Не принц, а разгневанное божество, спустившееся с небес на землю, дабы покарать нерадивых. Ага, такое очень растрепанное и чуток побитое божество.

— Ты должна мне свидание, — выпалил он, сжимая в объятьях.

— Эй! — возмущенно выдохнула я, попыталась отпихнуть Джерома, за что тотчас поплатилась.

— Два, — с мстительным наслаждением заявил принц Райвиль и начал недвусмысленно наклоняться за поцелуем.

— Погоди-ка!

Я привстала на носочки, осторожно отвела светлую прядь от юношески красивого гладкого лица и неожиданно вспомнила, с какой грацией кое-кто забрался на дерево, а потом память подсунула воспоминание о позорном проигрыше на полосе препятствий, когда обычный парень смог обойти чистокровную парду.

— Слу-у-ушай... — На моих губах помимо воли расцвела улыбка. — Я тут подумала... Если ты авари, ну то есть эльф-полукровка, то наш спор... недействителен.

— Что? — опешил Джером.

— В смысле, когда мы спорили, то в условиях было — рассчитывать только на свои силы. Я блокиратор не сняла, а вот ты...

Светлый принц наклонился к моему лицу, так что можно было уловить теплое дыхание, срывающееся с приоткрытых губ, и запах крови, выступившей из мелких порезов.

— И? — Мамочкино высочество поднял светлые брови и чуть насмешливо уточнил: — Хочешь сказать, что раз я не надел браслет, то нарушил условия? Выходит, я не имел право на поцелуй?

Улыбнулась, обняла Джерома за шею, потянула к себе и фактически промурлыкала прямо в приоткрытые, явно ожидающие совсем другого губы.

— Нет, ну что ты! — елейным голоском заверила принца. — Выходит, что в нашем споре выиграла... я.

Джером побледнел. И вот честно, у меня даже в мыслях не было что-то требовать и настаивать. Я вообще не планировала выносить свою догадку «в люди». Но общественность, в лице крайне любопытной горгульи, уже успела уловить обрывки нашего разговора.

— Уже лечу! — выкрикнул главный судья спора, ритмично работая крыльями, и вы бы видели выражение на ее ехидной морде.

Глава 4. «Команда принца»

— Все готовы? — уточнил ректор, оглядел нашу запыхавшуюся компашку и тут же поморщился:

— Джером, возьми Памелу за руку. А теперь нормально возьми, а не так, словно это лапа полосатой гарпии. Шархай, хватит дергать шейный платок. Что значит щекотно? Ты же мужчина, терпи. Лиам, у тебя глаза пожелтели. Следи за своим оборотом, а не то охрана сочтет это угрозой и скрутит на подходах в зал. Салли, у тебя жилет застегнут не на те пуговицы. Ноэми...

Вопросительно подняла брови и быстро-быстро заморгала пушистыми ресничками. А я что? Стою, вся такая красивая и воспитанная, и даже ничего не замышляю.

— Дерен, — позвал моего спутника Итон, — глаз с нее не спускай.

Ректор, откуда эти сомнения? Я же пай-кошечка. Посмотрите в мои честные глазки, на бездну покорности, затаившуюся в глубине, на простоватую улыбку, играющую на губах...

— Может, пристегнем ее ко мне наручником? — предложил Маккалич, задумчиво осматривая меня с ног до головы. — Замаскируем мороком под браслет, с виду даже маг не отличит.

Оскорбленно фыркнула и отвернулась. Кошачьи боги, ну что за варварство! Маккалич бы ещё про ошейник с поводком вспомнил.

— У меня есть дельное предложение...

Судя по ухмылке Ши-Вана, этот про ошейник не только вспомнил, но еще и припомнил, где в его личных закромах валяется искомое. На мое счастье, в просторный холл западной пристройки влетела горгулья, и предложение рыжий негодяй так и не озвучил.

— Ну и погодка! — встряхиваясь, точно промокшая собака, заявила крылатая вредина. — Надеюсь, вы знаете полетные заклинания, в противном случае придется вытаскивать из сарая надувную лодку и грести в сторону проходной.

Дверь хлопнула, и в холл вошла Айрис Руколо.

— Мобили прибыли, — как всегда, апатично произнесла она, стягивая насквозь вымокший плащ. — Водители не смогли проехать на территорию Академии. Стоят у входа.

Все дружно скривились и повернули головы в сторону окна. В шуме неистово барабнящего по откосам ливня предложение горгульи грести в

сторону проходной уже не казалось забавной шуткой.

— Делимся на четверки, — в итоге велел Итон. — Гуля, лети в домик сторожа, предупреди, что мы будем перемещаться порталом.

— Возмутительно! — запыхтела каменная горгулья. — В такую погоду хороший ректор и собаку из дома не выгонит, а меня, редкий и уникальный вид...

— Еще слово — и редкому и уникальному виду грозит полное вымирание, — предупредил Итон и, больше не обращая внимание на ворчание Гули о профсоюзе, который якобы «защитит нас от гнета руководства», повернулся к нам с Дереном.

— Уверена, что хочешь ехать?

Опять? Ну сколько можно спрашивать одно и то же? И не надоело.

— Хочу! — Ответила как можно тверже, подумала и вцепилась в локоть Маккалича двумя руками.

Пусть Итон видит, что оторвать меня от кавалера можно будет, только отодрав рукав темно-синего камзола этого самого кавалера. Как там в поговорке? Дашь кошке палец — она оттяпает руку? Вот это про меня.

С чего вдруг такое жгучее желание попасть на праздник?

Так все просто — меня на него не пригласили!

Да-да, Дерен Маккалич, гроза всех дуэлянтов и главный искуситель двора, так мне и сказал:

— Вейрис, ты остаешься. И втяни, пожалуйста, когти. Ты портишь дубовую столешницу.

— Но почему?! — возопила я на весь кабинет.

Дерен с печалью в темно-карих глазах глянул на кривые глубокие полосы, оставленные на полированной столешнице, и неожиданно взорвался:

— Нет, а ты на что надеялась?! Что король Эддар лично спустится к парадным воротам, дабы обнять обучающуюся замшелой Академии общего профиля, некогда дружившую с принцем Райвилем? Спустишь с небес на землю! Парды до сих пор не получили королевского помилования. Никого из вас не пустят на территорию дворца! Так что хватит сверкать на меня глазищами, смирись и топай на занятия!

Первый меч королевства даже не подозревал, как сильно может заблуждаться. Начнем с того, что чистокровные парды не знают смирения. Мы во всем привыкли идти до конца. Поэтому нет ничего удивительного в том, что на занятиях в тот день меня так никто и не увидел.

Спустя пять пирожных и три чашки кофе спустя я уже обладала нужной информацией. Да, формально вход во дворец пардам был закрыт.

По крайней мере на официальные мероприятия, переговоры, приемы и праздники, но...

Мы же кошки! Кошки гуляют сами по себе и там, где приспичит, а значит, лазейки на замковую территорию уже давно известны и помечены верстовыми столбами с когтистыми отметками. Другое дело, что гордые парды сами не торопятся налаживать отношения.

Уж не знаю, чего мы там ждем. Вероятно, письменного указа короля Эддара, ползающего по пятам за представителями кланов, уговоров и высокопарных речей. Хотя нет, Эддар никогда не сможет побороть королевскую гордыню, то ли дело Джером.

Эх, надо уже скорее сажать его на престол, а то парды никогда не выкарабкаются из немилости.

Оставшееся до праздника время я вынашивала коварно-гениальный план по проникновению на торжество в обход преподавателей и бдительной стражи. В конце концов, я тоже праздника хочу!

Нет, не так.

Я заслужила этот праздник и возможность вернуться туда, где прошло детство, а значит, награда должна найти своего героя.

Но не иначе как кошачьи боги подслушали мысли своего неразумного хвостатого чада, пришли в ужас от плана «перекинуться, а потом протащить в зубах вечернее платье» и решили в кои-то веки вмешаться.

Накануне отбытия во дворец Ши-Ван выгнал Шархая, Джерома, ну и меня за компанию (нечего тебе шляться по коридорам без дела) на внеплановую тренировку. Принц Райвиль совсем не по — королевски удирает от четырехлапой погони. Запыхавшиеся оборотни гоняли шустрого, гибкого и грациозного недоэльфа по парку, с целью догнать и повалить на землю, а в это время Ши-Ван предавался созерцанию.

— Ненавижу осень! — недовольно ворчал он, надвигая капюшон плаща до самого носа. — Ощущение, что все вокруг погибает и никак не может сдохнуть.

Тот факт, что в эту самую минуту подышали мы трое, Ши-Вана, конечно же, не тревожил.

Тренировочный процесс прервался при появлении хмурого, аки небо над нами, Итона-Бенедикта. Ректор пришел со сногшибательной новостью: «король Эддар хочет видеть на празднике всех (это слово было дважды подчеркнуто) друзей принца Райвиля, в том числе и парду Ноэми Вейрис».

Итон не оставлял попыток отговорить меня ехать весь вчерашний день и вечер. Я делала большие глаза, дескать, как можно игнорировать

приглашение короля, Джером искренне радовался, Памела — кипела от негодования, остальные восприняли весть ровно — ну едет парда с нами, и что с того?

Вначале через портал перенеслась гора из наших сумок и ридикюлей (все же не на один день едем), а после к порталу двинулись ребята, уже разбившиеся на четверки.

Спохватившись, что забыла сделать кое-что очень важное, я выпустила локоть своего спутника, крикнула:

— Я на минутку! — и умчалась прочь по коридору.

Да, поступок был опрометчивым. Да, я глупая парда и готова признаться в этом. Но в ту секунду непоседливая и крайне любопытная кошачья натура взяла вверх над здравым смыслом и потащила меня на поиски ответов.

Источник, способный насытить внезапно проснувшийся информационный голод, нашелся в одном из классов первого этажа. Одетый в простой домашний халат, фланелевые штаны и тапки, он сидел в глубоком кресле напротив окна и громко от души хохотал, читая учебник по истории.

— Алекс, у меня вопрос. И если я не получу на него ответ вот прямо сейчас, то буду дергаться все эти дни, — с порога заявила всеми позабытому дворфу-основателю этого места.

— В чем дело, Ноэми?

Глядя на то, как собеседник утирает выступившие от смеха слезы и неприлично хрюкает от еле сдерживаемого порыва захохотать снова, я ощутила себя чуток неловко. Человек столько удовольствия от чтения получал, а тут я со своими вопросами.

Впрочем, терзалась недолго.

— Алекс, я про наше домашнее задание... Ну про то, что вы нам в амфитеатре дали. — Собеседник отложил книгу и кивнул, показывая, что понял, о чем идет речь. — Вы сказали, что тролли, драконы и пустынные — это вымершие королевские ветви. Так?

— Так.

— Но ведь король Эддар не имеет наследников мужского пола, — победно улыбнулась я. — Значит, нагов тоже можно вычеркнуть из общего списка?

Алекс одобритительно кивнул.

— Хороший вопрос, Ноэми.

Я вопросительно подняла брови, ожидая подтверждения, продолжения, но нет... На лице собеседника появилась лучезарная улыбка,

мол, думайте сами, пардончик, говорят, это полезно.

— Алекс, я уже весь мозг сломала, пытаюсь вычислить, кто есть кто. Ну, подскажите, чего вам стоит? — взмолилась я, хлопая ресничками, но дворфу было откровенно плевать на мое природное обаяние и голубые глазки.

Настроение как-то разом ухнуло вниз, словно санки с крутой горки. Кошачья сущность выбралась из глубин души, где тихо-мирно дрыхла все это время, и неодобрительно покачала головой. Как вечер начнется, так и пройдет его остаток. И по всему выходило, что ждут меня сплошные разочарования и крайне несговорчивые мужчины.

Видимо, мысли транслировались на моем лбу крупными буквами, потому что Алекс встал и неожиданно предложил:

— Ноэми, хотите, я дам вам совет, как вести себя сегодня?

Он был ниже почти на голову, но каким — то немислимым образом умудрялся смотреть на окружающих сверху вниз. А ещё в заблуждение вводило очень юное лицо без единой морщинки.

Мудрость выдавали глаза — темно-серые бездонные омуты знаний.

— Неважно, что вы делаете. Важно, кто вы.

Медленно кивнув и мысленно повторив фразу про себя, развернулась и вышла. Какой — то откровенно хреновый совет дал дворф. Во дворце всем плевать, кто мы такие, лишь бы не позорились и вели себя прилично. Собственно, все это время из нас вытравливали «нас» и лепили нечто благородное, достойное для вхождения в высший круг общества. В моем случае безрезультатно, но все же...

Разочарованно хмурясь, вернулась в холл, а тут — сюрприз, сюрприз! — никого. Ни ребят, ни портала, ни ректора.

Сволочь! Нет, ну какой Итон все-таки негодяй! Не смог отговорить, поэтому бросил, да? Так не переживайте, ректор, я ради этой поездки плюну на принципы и не побоюсь замочить под дождем ноги. Надо будет, не пожалею платья, обернусь, запрыгну на мобиль и приеду во дворец на крыше.

М-да, представляю, как округлятся глаза у стражников при виде мобили с принцем Райвилем, на крыше которого с ослепительным оскалом восседает чистокровная парда в боевой форме. Но в конце — то концов, уроки Ши-Вана должны же хоть где-то пригодиться.

Нет, ну как они могли так со мной поступить! Настоящий удар в спину! И ладно Дерен: я уже давно и крепко разубедилась в наличии у него хоть одной добродетели, но Итон...

Поплотнее запахнув полы плаща, прямо скажем, носящего больше

декоративную, нежели практическую функцию, я дернула на себя дверь, впуская в западную пристройку запах дождя, прохладу непогоды, и нос к носу столкнулась с ректором.

Точнее, мой нос столкнулся с мощной грудью Итона-Бенедикта, приятно пахнувшей соленым ветром свободы и южным солнцем, но кого волнуют такие подробности, когда в душе все клокочет от гнева?

— Двуличный! — моментально накинулась на него. — Почему не позвал? Ведь знал, что я хочу поехать! Знал и сделал все по — своему!

Лицо Итона превратилось в ледяную маску, в глазах полыхнул незнакомый прежде холодный огонь гнева. Сейчас назвать его мягким смог бы только разве что самоубийца.

— Начнем с того, обучающаяся, что я старше и являюсь ректором этой Академии, а значит, панибратский тон и обращение на «ты» недопустимы.

— Но я думала...

Сильные руки легли на мои плечи, словно два тяжелых мешка, и до боли сжали.

— Следующее, что вы должны запомнить — я всегда держу свое слово.

Голос ректора был холоден и спокоен. Он отчитывал меня так же, как любого другого обучающегося Академии, но в глазах цвета свежей хвои плескался такой спектр эмоций, что я невольно попятилась. Попятилась, и этот неосознанный побег спровоцировал запертого в Итоне хищника.

Меня поймали, крепко обняли, видать, напрочь позабыв про озвученную ранее претензию насчет панибратского отношения, прижались щекой к волосам.

— Прическа! — истошно взвыла я.

На голове и так нечто, что «добрая» Гуля окрестила «гнездо из локонов», страшно в зеркало смотреть, не то что трогать.

Игнорируя мое крайне недовольное сопение, Итон продолжал меня удерживать в кольце своих рук. Было тепло, удивительно приятно, а еще чуточку волнительно. Бесстыжее воображение тотчас подсунуло картинку того, как сильные пальцы мужчины зарываются в мои волосы, окончательно и бесповоротно руша композицию из шпилек и волос, заставляют мою голову отклониться назад, и теплые губы со сладковатым вкусом сминают мои в беспощадном и жестком поцелуе.

Словно отрезвляя поплывшую от собственных фантазий пардочку, за воротник плаща шлепнулась огромная холодная капля и медленно, со знанием дела поползла по шее вниз. Я передернула плечами, стараясь прогнать мерзкое ощущение щекотки, и услышала еле слышный шепот:

— Останься со мной...

Мне это просто послышалось в шуме дождя, или он и вправду попросил остаться? С той ночи, когда Итон закрыл меня своей силой антимага и помог побороть магию чернил, мы не оставались вместе даже на короткое время.

Подняла голову и заглянула ему в глаза.

— Что?

Если он попросит еще раз, то я останусь. Останусь вопреки навязчивому желанию поехать на праздник вместе с остальными. Останусь, чтобы сидеть с ним на кухне, пить чай и украдкой наблюдать за тем, как он уничтожает гору свежей выпечки. Останусь, что бы любоваться игрой света в камине гостиной, пока Итон шуршит бумагами и хмурит брови, вчитываясь в очередной нелепый указ от министерства образования. Останусь, что бы лечь спать, держа его руку. Останусь...

Лишь бы он попросил еще раз. Всерьез.

Но бывший капитан корабля и новоиспеченный ректор молчал, жадно глядя на мое лицо. Всего на секунду его объятья, и так, между прочим, крепкие, стали удушающими. Я сдавленно кашлянула, чувствуя, как трещат под корсажем платья ребра. Хватка ослабла, также резко и неожиданно, и меня выпустили.

— Опаздываем.

Итон-Бенедикт галантно распахнул двери в пристройку и слегка подтолкнул замешкавшуюся парду в спину, я же испытала острое чувство несправедливости, потому что теперь в холле стояли «господин ректор» и «обучающаяся Вейрис», а мне хотелось...

Покусанный каннис, да я сама не знаю, чего хочу!

Нет, ну почему в моей жизни все так непросто?! Кошачьи боги, на какой развилке я свернула не туда и все так запутала?

— Вы? — Маккалич был сильно удивлен нашему внезапному появлению в домике сторожа. — Я думал, что...

— Планы поменялись, — сухо ответил ректор, закрывая портал.

Первый меч королевства громко хмыкнул, подмигнул и протянул мне руку.

— Не переживай, она в надежных руках, — заверил он ректора.

В ответ тот скривился с таким видом, словно у него разом прорезались все четыре зуба мудрости.

— Веди себя идеально, — тон Итона явственно намекал, что за иное поведение одну милую, послушную парду будут бить по попе, но я почему-то не устрашилась.

И зря...

* * *

— Госпожа Ноэми Вейрис, — передо мной с бесконечно вежливой улыбкой замер слуга, — вам выпала великая честь...

Тааак. Что — то мне уже нехорошо.

— ...честь быть приглашенной к королевскому столу.

Ну все! Прощай, спокойный вечер. Да здравствует полный триндец!

— Прошу следовать за мной.

Я затравленно оглянулась на переминающихся рядом друзей, попыталась отыскать глазами высокую фигуру Дерена, но мой спутник как сквозь землю провалился, и с мольбой посмотрела на слугу.

— А может, притворимся, что вы меня не нашли?

Далее наступила минута молчания. Как говорится, помянем хорошую идею.

Пришлось мысленно цыкнуть на охватившую меня робость, расправить плечи и с гордым видом... споткнуться о ноги какого-то толстячка.

Ну супер! Теперь все видели, как чистокровная парда, образчик ловкости и координации, едва не загремела на паркетный пол обеденного зала. Воистину, как встретишь вечер, так его и проведешь!

Выровнявшись, ослепительно улыбнулась толстячку, чьи конечности так несвоевременно попались на моем пути, и пока тот рассыпался в извинениях, бросила в сторону Шархая встревоженный взгляд.

Ну нельзя мне к королю! Нельзя! Я же такого учудить могу, про наговорить вообще молчу...

Тигр панику в моем взгляде уловил, но на помощь прийти не пожелал (трус несчастный!), вместо этого улыбнулся, аки добродушный удав перед поеданием глупого мышонка, вынул из кармашка белый платочек и демонстративно помахал.

Ррр! А я ведь этого полосатого другом считала!

— Я провожу.

Голос, холодный и резкий, как барабанный бой дождя за окнами дворца, был незнаком. Слуга сдержанно поклонился и ушел, я же обернулась, чтобы окинуть пристальным взглядом своего спасителя и мысленно скривиться.

Не было у парды печали, так нате — ещё один принц нарисовался!

— Какая встреча, Викард! — воскликнула я, старательно имитируя радость, а после сделала большие глаза и прошептала:

— Или мне следует обращаться полным титулом?

Наследник средней королевской ветви дружелюбно оскалился, демонстрируя миру щербатые зубы. Мир в моем лице не оценил, но виду не подал.

— Ну что ты, Ноэми. Какие титулы между старыми друзьями?

Уберегите, кошачьи боги, от таких друзей! Уж лучше сразу проститься со всеми и медленно топтать на кладбище, в семейный склеп, ибо «друзья» Викарда долго не живут. Может, поэтому он так настойчиво «растит» свою армию Бешеных?

— Должен отметить, Ноэми, ты очень изменилась. В этом зале нет девушки, способной сравниться с тобой по красоте.

— Благодарю, — сдержанно ответила я и мысленно добавила:

«А вот ты, колобок на ножках, ни капли».

Викард был старше Джерома на полгода, но на фоне Светлого принца невысокий юноша, чьи упитанные телеса с трудом поместились в бархатный костюм цвета бордо, с круглым, чуть масляным лицом и пухлыми ручками, смотрелся как младший брат. Наследник средней королевской ветви вселял в души собеседников обманчивое впечатление простоты и добродушия, но в действительности это был еще тот жук!

Хотя нет, не хочу обижать жуков сравнением с принцем.

— Ноэми, пойми меня правильно, — чуть понизив голос, начал собеседник, — мне просто безумно любопытно. Расскажи старому другу, как так вышло...

— Добрый вечер!

Вот честно, еще никогда не радовалась мамочкиному высочеству так сильно, как сейчас. Викард же при виде младшего наследника повторил мой недавний маневр, то есть сымитировал радость от встречи.

— Джером! Как учеба? Как родители?

— Прости, Викард, но сейчас не выйдет поболтать, — быстро проговорил Джером и, не дав никому опомниться, увлек меня в сторону. — Прости, не уследил, — повинился он, лавируя среди немногочисленных гостей. — Памела плачет в туалете, потому что леди Лонгри нелестно отозвалась о ее наряде. Лиам задел столик и уколошил какую — то жутко дорогую вазу. На Дерена налетела бывшая фаворитка...

Ну теперь понятно, куда запропастился мой сопровождающийся. Надеюсь, ревнивая барышня не примет меня за конкурентку. Простого вечера никто не ожидал, но разгневанная бывшая пассия декана — это уже

как — то чересчур.

— А меня король позвал за стол, — покаялась я и сжала руку приятеля. — Ты же меня не бросишь?

Джером остановился, развернул меня лицом к себе и мягко улыбнулся.

— Никогда.

И мне почему-то так легко и спокойно стало. Правда, ненадолго. Быстро глянув куда-то поверх моего плеча, Джером чертыхнулся, приказал стоять и сливаться с гардиной, а сам умчался куда-то. Подозреваю, что кто-то из наших вновь набедокурил.

Решив, что в кои-то веки можно побыть послушной девочкой, я отступила к гардине и обнаружила, что за темно-зеленой парчой скрывается дверь, ведущая на балкон. Дождливая хмарь показалась более привлекательной, чем общение ещё с кем-то из придворных, поэтому я незаметно выскользнула на свежий воздух и с удивлением обнаружила там...

— Глошад?!

Он сидел в кресле, заботливо укрытый пледом, и отсутствующим взглядом тарачился на укрытый стеной дождя парк. Глошад очень изменился. Угрюмый подросток бесследно исчез, уступив место привлекательному мужчине. Красивое лицо с удивительно правильными чертами, густая шапка темных волос, широкие плечи. Печально, что такая яркая, завораживающая взгляд внешность досталась слабоумному.

— Глошад... — позвала еще раз.

Он не отреагировал, даже головы не повернул.

Интересно, как ему жилось все это время? Придворные, собравшиеся в зале, давно разучились прощать одиночество, а прощать чужое уродство никогда и не умели.

Немного помявшись на пороге, я уверенно шагнула вперед, подхватила за спинку еще один стул, стоявший поодаль, присела рядом.

— Давно хотела сказать да все никак не могла собраться с духом, — начала я и с чувством выпалила:

— Глошад, ты меня бесишь! Знаю, — подняла руки, как бы признаваясь в собственной ошибке, — не самая дружелюбная фраза, что бы завязать разговор, но ты никогда не обижался на правду, поэтому слушай...

Старший наследник не отреагировал, оставаясь сидеть все в той же позе. Сомневаюсь, что он вообще меня слышал. Сейчас Глошад больше походил на красивую скульптуру, лишённую жизненной силы. Этакая мраморная статуя в цвете. Но даже это не помешало мне говорить с ним откровенно.

— В детстве ты бесил меня так сильно, что у меня начинали дрожать пальцы каждый раз, когда ты появлялся, — призналась ему. — Я никогда не видела, что бы ты играл, дурачился или просто смеялся над чьей-то шуткой. Нужно было быть книгой, каким-нибудь жутко старым и нудным фолиантом, что бы привлечь твоё внимание. Но знаешь, что бесило больше всего?

Я подалась вперед и, глядя в прекрасный профиль принца (хоть сейчас на монетах чекань), выпалила:

— Ты никогда не смотрел на меня!

Прозвучало до того обиженно, что я сама себе удивилась. Впрочем, удивление не помешало продолжить:

— Точнее, смотрел, но не так, как Джером, мои братья, стражники... как смотрели на меня другие. Ты словно не замечал моего присутствия. — Я эмоционально вплеснула руками и тихо фыркнула. — И ведь ничего же не поменялось. Ты снова игнорируешь меня, и это вот прям... беесит!

Глошад чуть вздрогнул от моего полного негодования вопля, но остался сидеть все с тем же отсутствующим выражением на лице.

Я сделала парочку глубоких вдохов и решительно встала.

— Ладно, я чего пришла? Просто хотела сообщить, что... верила в тебя, Глош. Верила до последнего. Даже после того, как Маккалич рассказал, что после покушения ты впал в глубокое детство. Просто, ну ты же такой хитрожоп... — Осеклась и уже более спокойно закончила: — Я почему-то была убеждена, что уж кто-кто, а ты найдешь способ выкрутиться.

Мда, как, оказывается, сложно признавать, что ошибалась.

Только теперь почувствовав холод, зябко обняла себя за плечи, но, прежде чем убежать в тепло гостиной, сказала:

— Это прозвучит жестоко, но, Глошад, мне искренне жаль, что тебя не убили. Лучше вообще не жить, чем жить вот так...

Хотела сказать ещё что-то, но внезапно каменное спокойствие Глошада дало трещину. Я, на минуточку оборотень с обостренными инстинктами и реакцией, даже глазом моргнуть не успела, как передо мной выросла гороподобная фигура, загородив практически весь обзор.

— И! — вырвалось у чистокровной парды, когда сильная рука сжала горло и притянула к себе.

Лицо Глошада оказалось так близко, что теперь я без труда могла различить черные круги под глазами, пробивающуюся на щеках щетину и вполне себе осмысленный взгляд. При этом смотрел принц Вариэль так сердито, что захотелось, вот прям, не сходя с этого места, осуществить

прорыв в магии и придумать заклинание возврата во времени, метнуться в прошлое и прикусить свой длинный язык до того, как он начнет говорить гадости.

С другой стороны, я оказалась права! Этот хитрый жучара только изображал слабоумие, но никак им не страдал. Правда, ликовать и отплясывать победные танцы желания не возникло. Стало страшно.

Пугал не грозный лик Глошада, и даже не сильные пальцы, сжимающие горло, а тот факт, что я не могла запустить трансформацию и выпустить когти. Да я вообще не чувствовала черной пушистой кошечки, что жила со мной с самого детства!

Как? Да как такое возможно?!

Если только...

Взгляд метнулся к запястью Глошада, и я увидела до боли знакомый тонкий ободок браслета, блокирующего вторую сущность. Видимо, артефакт оказался настолько мощным, что действовал не только на принца, но и на меня.

Но к каннису под хвост этот артефакт!

Выходит, старший наследник престола — оборотень?! Глош — оборотень?! Мать моя кошка...

Старший наследник престола и по совместительству самый лучший актер Аристалии склонился ещё ниже, и меня начало мелко потряхивать. Просто тут ведь все очевидно — раз за столько лет никто секретов Глошада не узнал, то какой напрашивается вывод? Правильно, свидетелей в живых не осталось. А раз так, то сейчас чистокровной пардочке тихонько свернут шею и скинут с балкона.

Мол, девочка перегуляла на празднике, вышла на балкон подышать свежим воздухом, облокотилась на перила и... ах, какая трагическая случайность!

И что с того, что кошки всегда приземляются на лапы? Да мало ли какие «случайности» могли случиться со мной в полете! Исключения только подтверждают общее правило.

Глошад приоткрыл рот, чтобы выплюнуть мне какую-нибудь злую фразу в духе всех злодеев, но вместо «Сдохни, тварь!» или «Ты мне никогда не нравилась», с губ сорвалось хриплое мычание.

— Мими! Ты здесь?!

Боги, благословите Джерома.

Я на полном серьезе. Он дважды за вечер спас меня от плохой компании. Да за такое награды выдавать полагается!

Глош медленно убрал руку с моей шеи.

Не скажу, что стало легче. Просто сам Глошад никуда не отодвинулся, и на фоне его значительной и большой фигуры я вдруг почувствовала себя такой маленькой, такой беззащитной. Ну прямо не чистокровная парда из северного клана, а новорожденный котенок!

Отскочив в сторону, я перепуганной козочкой поскакала к Джерому, а потом и вовсе трусливо спряталась за его спиной. На фоне старшего принца приятель казался недокормленным воробьем против сокола, что не мешало воробушку быть храбрым.

— Что случилось? Он тебя обидел? — грозно насупив светлые брови, спросил принц Райвиль.

Глошад наклонился, поднял и перевернул стул, на котором я сидела, зачем-то укрыл его пледом и вернулся на свое место.

— Придурок! — тихо и беззлобно ругнулся Джером.

Прозвучало больше как констатация факта, чем оскорбление, но я-то знала: уж кем-кем, а придурком Глошад точно не был.

— Ну и кто отличился на этот раз? — уточнила у мрачного Джерома, едва мы оказались в освещенном, набитом пресыщенными жизнью аристократами зале.

— Проще перечислить тех, кто не отличился! — буркнул Светлый принц, незаметно касаясь моей руки, а потом неожиданно нахмурился. — Как-то подозрительно долго нет Маккалича.

— А ты как хотел?! — весело фыркнула в ответ и принялась загибать пальцы. — Скандал, обвинения «кобель» и «мерзавец», слезливая вариация «я тебе верила, а ты...», звонкая пощечина... Все это, знаешь ли, требует времени.

— И его прошло достаточно... — медленно проговорил Джером, напряженно замер и оглянулся.

Стыдно признать, но в этот раз кошачья чуйка на неприятности подвела свою хозяйку. Сознание затопила какофония звуков вспыхнувшей драки, и я с удивлением обнаружила, насколько музыкальным может оказаться банальное мордобитье.

Вступительной партией к основному действию стал приятный перезвон хрустальной люстры, поспешившей на экстренное свидание с полом, оборвавшийся горестным «брямц». Этот звук подхватил гулкий рев незнакомого рожка, призывающего к атаке. Под аккомпанемент торопливого перестука каблуков и туфель перепуганной толпы из-за портьер повыскакивали странного вида личности.

Личности были одеты в ярко-оранжевые балахоны (наверное, других в ближайшей комиссионке не нашлось), с желтыми повязками поперек лба и

ярко подведенными глазами (видать, для пущего устрашения). Синхронно проорав «Смерть неугодному» (может, обиделись, что их не позвали на праздник. Причем сильно!), ребята с саблями наголо рванули в сторону... Да, в нашу с Джеромом сторону они рванули!

— Ну наконец-то! А то я чуть со скуки не умер.

Я покосилась на Шархая, невесть как оказавшегося прямо перед нами, мысленно покрутила пальцем у виска и частично трансформировала руки. Джер хмыкнул, перетек в боевую стойку и словно из воздуха вытянул длинный меч с узким лезвием.

Топ-топ... Брямц! Топ-топ... Брямц! — звучала основная партия. То бишь гости спешно улепетывали из опасного места, немногочисленная стража, которая присутствовала в зале лишь для галочки, спешно пыталась остановить незваных гостей, но проигрывала по причине банального меньшинства. Примчавшаяся на выручку подмога застряла в дверях, сбита желаящими поскорее вырваться с этого праздника жизни.

Перекрывая своим звучанием основную партию, в уши ударил истошный женский визг. Наморщив нос, я оглянулась, нашла глазами солистку и приоткрыла от удивления рот. Просто это не солистка, это солист оказался. Да не абы какой, а сам королевский маг собственной сидящей персоной. Выпучив глаза, мужчина держался обеими руками за причинное место и завывал не хуже сирены. Правда, сладкоголосым певуном его можно было назвать с большой натяжкой.

Мага охватило салатовое сияние начавшего работу амулета восстановления, и визг наконец оборвался. Вновь повернув голову, я была вынуждена помянуть Ши-Вана. В этот раз, вопреки уже сложившейся традиции, добрым словом. Какими бы варварскими и обидными не казались его методы воспитания из нас нормальных бойцов, свое дело этот рыжий язвительный тип знал. И знал хорошо.

Поразительно, но мы справлялись!

Шархай, будучи лучшим бойцом в отсутствии Дерена, бился с двумя нападающими, уже успев где-то раздобыть короткий кинжал и меч. Лиам, обернувшись в белого волка, носился между нападающими, внося дополнительный переполох в ряды неприятеля. Взявшись за руки, близнецы Райч быстро читали заклинание из раздела иллюзий, и, хотя для окружающих все оставалось как прежде, я точно знала, что теперь ребята в балахонах видят чудесное личико Джерома в каждом из нашей команды. Тройка аристократов уже была за дверью в числе спасенных и пыталась пробиться к королю Эддару. Лиас, взобравшись на подоконник для лучшего обзора, зорко следил за тем, каким составом гости покидают праздник.

Бьюсь об заклад, хитрый лис уже успел вычислить сторонников средних наследников престола — Толляна и Викарда, а также, что для нас более существенно, «свободных игроков».

Подбежав к лису, дернула парня за штанину и взглядом указала в сторону дерущихся. Оборотень понял меня без слов, секунду всматривался в ряды оранжевых балахонов и наконец ткнул в сторону главаря:

— Тот. Со шрамом.

Найдя взглядом добычу, я шустро отцепила юбку (надеюсь, все, кого могли смутить чулки в сеточку и крайне приличные трусики телесного цвета, уже успели выбежать из зала) и бросилась вперед.

— Раз пошла на дело молодая парда... — неожиданно промурлыкала я и захохотала.

Дожила! Уже перепеваю гимн всех наемников и воров.

Все также тихонько хихикая и улыбаясь, незаметной тенью проскочила мимо опрокинутых журнальных столиков, дуновением ветра пронеслась между на секунду отскочившими друг от друга противниками, словно уж, просочилась сквозь гущу драки и по касательной ударила трансформированной рукой главаря. Мужчина со шрамом рефлекторно отшатнулся, но острые коготки парды уже сделали свое черное дело. Глава банды «Подведенные глазки» глянул на распоротый рукав балахона, затем проводил удивленным взглядом экстренно удирающую полуголую девицу и едва не проморгал удар стражника.

Отбежав подальше, я быстро нырнула за опрокинутое кем-то из гостей кресло, плюхнулась на попу, с мученическим видом слизнула капельки крови с когтей, скривилась и ушла в работу.

И все-таки не устаю петь дифирамбы магии крови в целом и буйной бабушкиной фантазии в частности. Нет, ну вот как она умудрилась додуматься до того, что можно дать команду своеобразного возврата во времени и отследить, где эта капля была в последние пару часов?! А ведь где капля, там и пять-шесть литров ее подружек, то бишь целый человек. В нашем случае предводитель этой странной оранжевой шайки. Но основное удобство заключалось в том, что для слежки не было необходимости долго и кропотливо взламывать структуру чужой крови.

Воспроизведя карту, я наложила на нее передвижение капли, пометила воображаемыми флажками места, где главарь находился подозрительно долго, и победно улыбнулась. Просто пришли наши молодцы не из клана наемников или бункеров, где воспитывал свою армию Бешеных средний наследник престола, а из храма, расположенного где-то в восточной части города.

Странные балахоны экстремальной расцветки создавали естественный заслон от традиционных заклинаний (вот почему королевский маг так верещал, его ударило откатом от посланного в нападающего заклятия) и позволяли беспрепятственно проходить сквозь любую магическую защиту (это к вопросу, как им удалось просочиться на территорию дворца). То, что храмовники никогда не пользовались своими возможностями и вообще крайне положительно относились к существующему порядку вещей, в том числе и власти, дело другое. Разбираться, какая блоха укусила служителей храма, будем позже, сейчас главное — отбиться с минимальными потерями.

Сохранив слепок карты, осторожно выглянула из-за своего укрытия и тихо выругалась. Нет, ну ничегошеньки без меня не могут!

Оправдывая народную любовь и данное ему прозвище «Светлый принц», Джером, прекрасный и смертоносный, кружил по залу, легко и грациозно отбиваясь от нападающего храмовника в оранжевой мантии. Показушник хренов! Нет, чтоб по сторонам посмотреть!

Вскочив на ноги, я бросилась вперед, за два мощных рывка преодолела расстояние до противоположной гардины, дернула ткань...

— Бу!

Засевший там храмовник, с виду обычный пацан с нелепым макияжем, вздрогнул и кинул заготовленным для удара заклятием. С учетом криков «Смерть негодному» летящий в меня сгусток фиолетовой мерзости — это не заклятие щекотки.

— Нет!!! — метнулся под своды зала отчаянный крик Джерома, но было поздно.

Фиолетовая мерзость с омерзительным чпокающим звуком ударила меня в центр груди, пахнула гарью и шлепнулась к ногам, оставив на корсаже некрасивую фиолетовую кляксу.

Наступила траурная тишина.

— Это было мое любимое платье! — скорбно выпалила я в лицо пораженному храмовнику и ударила.

Смертоносные когти рассекли воздух, намереваясь вырвать храмовнику кадык, но в последний момент во мне разыграло великодушие, я сжала пальцы и ударила по горлу костяшками. Мальчишка повалился на пол, хрипя и сжимая руками горло, а я недовольно скривилась и отступила.

Какая-то неправильная из меня парда получается. Машине для убийств не пристало жалеть преступников. Не важно, сколько свечей на праздничном пироге он задул. Выпади ему шанс, парень без всяких колебаний убил бы Джерома.

Кстати, надо проверить, как там мамочкино высочество. Как бы его удар от стресса не хватил.

Я оглянулась... и гулко сглотнула.

Просто никто больше не дрался. Все смотрели на всю из себя такую маленькую и милую пардочку, вытаращив от удивления глаза. Глупее всего выглядел Глошад, выскочивший с балкона в разгар схватки да так тут и оставшийся. В отличие от остальных, вооруженных до зубов мужчин, этот бережно сжимал в руках юбку от моего платья. Как он планировал защищаться им от сабли, так и оставалось загадкой.

— «Карающая длань»... — свистящим шепотом сообщил королевский маг. — Это была «карающая длань». Необратимое заклинание мгновенной смерти. — Мужчина затряс седеющей головой. — Не могу поверить...

Старательно игнорируя пристальные взгляды окружающих, я деловито пожала плечами и поспешила объяснить ситуацию:

— Так они храмовники! Магия храма весьма специфична, крайне опасна, но не действует на невинных дев, ибо, по заверению служителей, чистую деву ещё можно обратить на путь праведный.

Судя по лицу мага, он прекрасно знал это и без моей проникновенной речи.

— Не могу поверить... — продолжил он все с тем же потрясенным видом. — Впервые вижу невинную парду.

У меня отпала челюсть. Вот прямо взяла и уехала вниз. Просто судя по удивлению на лицах окружающих, для тех я тоже была в диковинку. И ладно стража, люди темные, но Джером-то почему стоит с открытой варежкой!!!

Шок был настолько глубоким, что я даже не сразу нашлась, что сказать, а когда обрела утерянные дар речи и челюсть, всплеснула руками и возмущенно рыкнула:

— Ну знаете ли!

Психанув, подошла и отобрала у застывшего Глошада свою юбку, встряхнула и приладила ткань на место, а потом с непрошибаемым видом изобразила реверанс и радушно пропела:

— С днем рождения!

Покидала место схватки с одной единственной мыслью: «чем больше изучаю людские нравы, тем меньше понимаю их».

Глава 5. Неучтенный принц

Мы сидели в гостиной, жарко натопленной по случаю непогоды. Ребята обсуждали нападение, то и дело срываясь на громкий хохот, я же сидела в самом дальнем кресле и показательно дулась на весь мир.

Можно было с чувством хлопнуть дверью о косяк и подняться к себе, благо в гостевом домике семейства Райвиль хватало комнат и не на такую ораву гостей, но это не так забавно, как остаться и транслировать свои чувства с помощью тяжелых взглядов, скорбно поджатых губ и судорожных (вот прямо сейчас разревусь от обиды) вздохов.

И ведь прониклись все! Памела тайком сунула мне в руку шоколадку, ее братец — сладкий бублик (сразу видно, что семейка), ребята сочувственно улыбались, Шархай дружески похлопал по плечу, едва это самое плечо не выбив из сустава, лис «утешил» фразой: «а завтра-послезавтра придворные будут делать ставки на твоего первого мужчину», за что получил от меня по лбу, расхохотался и ушел.

Даже Маккалич, раненный ядовитым клинком еще до нападения храмовников в балахонах, передал записку, призванную поддержать опозоренную парду в эту тяжелую для нее минуту.

Единственным, кто остался безучастным к горю невинной девы, оказался Светлый принц, чтоб его канниси за самое ценное покусали, а еще лучше вообще это самое ценное сожрали. Прижимая к разбитой губе кусочек льда, Джером экстренно связался с ректором, после чего собрал нас здесь и стал внимательно слушать, изредка что-то быстро записывая карандашом в блокнот размерами с ладонь.

Горький опыт подсказывал, что ловить здесь нечего. Принц кидаться к моим ногам и рассыпаться благодарностями за спасение мамочкиного высочества не планирует. Сыпать угрозами вызвать на поединок каждого, кто про меня хоть слово мякнет — тоже. Опыт оказался прав.

Безнадежно повздыхав еще пару минут, я поднялась и вышла. Дверь ещё даже не успела встать в паз дверного косяка, а члены нашей банды издали коллективный выдох.

У-у, злыдни!

Постояв какое-то время в коридоре, я проказливо улыбнулась и нырнула в соседнюю комнату. Стянула платье, безвозвратно испорченное пятном от смертельного заклинания (нет, все-таки за такое мальчишке следовало вырвать кадык), сложила белье в аккуратную стопочку, дернула

оконную раму и вскочила на подоконник.

Оборачивалась прямо в полете. Вот и получилось, что ещё мгновение назад на подоконнике стояла черноволосая девушка, а через миг на мокрую от дождя дорожку приземлилась уже смертоносная парда. Встряхнулась, вдохнула влажным носом холодный воздух и бросилась прочь.

Королевский сад я знала как собственные четыре лапы, поэтому пробежать между натыканными тут и там охранниками не составило труда. Даже не стала уходить в дебри. Зачем? Ночь и естественные тени, отбрасываемые кустами, деревьями, фигурами и иной архитектурой парка позволяли прекрасно маскироваться от любопытного взора страдающего бессонницей придворного.

Незаметно прокравшись к стенам замка, заметила хорошо знакомый еще по детским проказам уголок, примерилась и полезла наверх.

Эх, вот помню, как мы с Джеромом играли в «узурпатора и освободителей». И так как узурпатором быть никто из нас не захотел, то пришлось брать кандидата со стороны. Королевский маг игрой не впечатлился, особенно бурно возмущаясь против связывания его тела и, кажется, именно с того дня крепкий и спортивный мужичок начал неумолимо сесть.

А после была подвижная игра «укради корону» (причем крали символ королевской власти в момент встречи послов из Тармина), загадка «почему дипломаты зашивают золотые в порты» (оказалось, что это не заначка, а символ удачи), прятки от стражников, покушение на праздничный торт и детская народная забава «алхимики атакуют». Кто ж знал, что невинные ангелочки способны соорудить взрывоопасную смесь из имеющихся на кухне ингредиентов? Бабахнуло так, что печь, где томился наш алхимический декокт, вылетела на улицу вместе с приличным куском стены.

Вот так, предаваясь веселым воспоминаниям бурного детства, я добралась до третьего этажа, с грацией воздушной акробатки пробежала по узкой полоске выступающего вперед кирпича, завернула за угол и оказалась пред окнами, ведущими в покои старшего наследника престола.

Надеюсь, будить никого не придется?

Очень, знаете ли, не хотелось бы вместо «здрасти» получить по лбу ночным горшком, пущенным спросонья.

Наудачу воззвав к кошачьи богам, я поддела когтем задвижку, чуть навалилась... Оконная створка распахнулась так неожиданно, что я, не успев среагировать, ввалилась внутрь комнаты, поскользнулась на влажном подоконнике и рухнула вниз, пребольно стукнувшись копчиком о что-то в

процессе.

Вот тебе и хваленая кошачья грация...

— Покусанные канниси! — Вырвалось помимо воли.

подавив болезненное кряхтение, ибо несолидно, перекинулась, вскочила с видом «это у меня такой запатентованный способ приходить в гости» и наткнулась взглядом на сидящего в кресле Глошада. Если принц и был удивлен моим внезапным появлением, то виду, как обычно, не подал.

Ничуть не обиженная столь холодным приемом, я нагло прошлепала голыми ступнями к противоположному креслу, бесцеремонно скинула лежавшие там вещи и плюхнулась на вельветовую обивку.

— Ну давай, — поторопила собеседника, с истинно кошачьей красотой движений закидывая ногу на ногу. — Рассказывай, как докатился до жизни такой.

Глошад отложил лежавшую на коленях книгу, встал и скрылся за неприметной с виду дверью, оставив даму гадать, ушел ли кавалер за стражей или просто по малой нужде.

Оставшись без внимания, уже профессионально огляделась, отметив выставленные на просушку перед камином ботинки и растянутый между двумя стульями, аки черный парус, плащ. Припомнила влажный подоконник, нахмурилась. Кажется, на прогулке была не только я. Пуститься в размышления, кто, каннис его побери, такой Глошад, не дал вернувшийся в комнату хозяин.

В руках принца оказалась ярко-красная шелковая тряпка.

— Что это? — брезгливо морща нос, спросила я, расправляя принесенную вещицу.

Это оказался очень симпатичный женский халатик. Соблазнительно-симпатичный. Натуральный флаг разврата.

Но что самое паршивое, от халатика едва уловимо несло посторонней девицей.

— Я не стану донашивать вещички твоих бывших. Нет, и не проси! — решительно заявила, возвращая вещицу обратно.

Глошад постоял, подумал и криво улыбнулся. Серьезное лицо мужчины стало по-мальчишески прекрасным. Глош откинул халатик в сторону, резким движением стянул через голову собственную рубашку и, не дав опешившей парде даже «мяу» сказать, натянул на мою голову.

Рубашка приятно холодила разгоряченное после пробежки и высотной акробатики тело, а ещё пахла мятным чаем и своим хозяином, чем привела кошачью сущность в восторг на грани экстаза, но я все равно ехидно буркнула:

— А чистые вещи ты из вредности не предлагаешь?

Старший наследник престола пожал голыми плечами, дождался, пока я, недовольно сопя и путаясь в складках, просуну руки в рукава, а после приблизился и обхватил мое лицо ладонями.

Вот честно, ожидала чего угодно, начиная от крайне обидной угрозы до жаркого поцелуя (а чем каннис не шутит?), но никак не заикающегося:

— М-м-м... м-м-м... Ми-ми-ми...

Голос старшего наследника оказался хриплым, низким и... каким-то будоражающим, что ли. Не мне, на меня-то это мычание не произвело никакого эффекта, а вот кошачья сущность подобралась и заинтересованно поблескивала глазами.

— М-м-м...

Но даже это хриплое заикание давалось Глошаду с явным трудом. На высоком лбу выступили капельки пота, желваки чуть подрагивали от усердия, а руки, удерживающие мое лицо, заметно похолодели. На очередной попытке выдавить из себя что-то вразумительное Глошад резко отпрянул и в сердцах пнул журнальный столик. И вроде несильно пнул, я видела, там небольшой замах был, а несчастный предмет мебели улетел в противоположную стену комнаты и завалился на бок.

Не выдержав, я тихонько фыркнула.

— Впервые вижу, как весь из себя такой идеальный старший наследник престола... психует! — пояснила в ответ на вопросительный взгляд Глоша и плюхнулась обратно в кресло. — То есть говорить ты совсем не можешь... — подытожила задумчиво. — Общаться с помощью эпистолярного жанра тоже небось не выходит?

Глош отрицательно качнул головой, а я окончательно приуныла. Налицо магическое вмешательство, какое-нибудь мерзкое, но очень эффективное заклятие с основой неразглашения, которое так любят применять тайные службы короля.

Как-то все очень хреново!

— Ладно, последний вопрос, и я пойду, — постукивая коготками по подлокотнику, промурлыкала я и, откинув притворство, резко подалась вперед:

— На тебя напал пард?

Собеседник скрестил руки на груди, всем видом демонстрируя, что правду из него надо вытаскивать раскаленными клещами.

— Ой, вот только давай без этого, — поморщилась я. — На тебя нападают неизвестные, и в тот же день нашу семью, а следом и всех черных леопардов выдворяют из столицы. Фактически отправляют в

ссылку на земли прайда. Вариантов два: либо нас подставили, либо напал кто-то из нас.

Глошад закатил глаза и беззвучно фыркнул, мол, небеса, чем я так прогневал вас, что вы подослали вот эту приставучую кошку? Его вопрос остался без ответа, зато я, кажется, свой получила. Через всю грудь наследника, пересекая ее от левого плеча до правого бока, шли четыре глубоких борозды застаревших шрамов. Сперва я приняла это за «вмятинки», остающиеся на коже под утро после долгого лежания носом в подушку, но теперь отчетливо поняла — следы когтей.

Вопросы как-то сами собой отпали, и стало кристально ясно, что делиться информацией, а уж тем более своей кровью Глошад не станет.

Ну, не хочет как хочет! Какие ко мне претензии?

— Ладно! — Я поднялась и протянула руку. — Приятно было поболтать.

Старший наследник покосился на меня с нескрываемым сомнением «Как? Уже уходишь? И даже пилить не станешь?», но руку дал. Пожимая сильную ладонь самоуверенного принца, я на миг крепко сжала его пальцы и придвинулась совсем ближе.

— И вот еще...

Мой взгляд прошелся по лицу принца, по выразительным скулам, чуть задержался на прикрытых губах, пахнущих мятным чаем, скользнул ниже и задержался на широкой мужской груди.

— Ты бы привел себя в порядок, — едко посоветовала я. — Выглядишь как сын булочника, а не как прекрасный принц.

Нет, толстым он не выглядел, просто ровный торс, без выраженного рельефа, но мне нужна была вспышка злости, и я ее получила. Глаза Глошада вспыхнули от плохо скрываемой ярости несправедливо задетого человека. Воспользовавшись моментом, я выпустила коготь на указательном пальце и царапнула сжатую ладонь. Гнев заглушил боль, позволив мне взять образец, выпустить руку и, не прощаясь, свалить.

Нет, толстым Глош не выглядел, просто ровный торс, без выраженного рельефа, но мне нужна была вспышка злости, и я ее получила.

Можно сказать, что сбылась детская мечта хвостатой идиотки. Глошад посмотрел на меня. Точнее, заметил.

Глаза «собеседника» вспыхнули от плохо скрываемой ярости несправедливо задетого человека. Воспользовавшись моментом, я выпустила коготь на указательном пальце и царапнула сжатую ладонь. Гнев заглушил боль, позволив мне взять образец, выпустить руку и, не прощаясь, свалить.

Даже жаль, что не успела.

Одним мощным рывком Глошад дернул мое тело назад, закрывая собой, словно я не боевая парда, а кисейная барышня, отлетающая в глубокий обморок при виде крохотной полевой мыши.

— Эй! — возмущенно высказала я широкой спине.

Сказала бы больше, но тут слух уловил подозрительные шорохи, доносящиеся со стороны окна, к которому я так спешила. Створка недовольно скрипнула, пропуская очередных ночных гостей в покои, пахло мокрой псиной, и к нашим ногам вывалился злой комок шерсти. Лиам по-собачьи отряхнулся, одновременно меняя облик, и тут же отскочил, что бы пропустить Джерома.

Появление эльфийского полукровки выглядело менее зрелищно, чем оборотня. Светловолосый юноша грациозно взмахнул руками, удерживая равновесие. Не удержал. И с емким словом «блин!» рухнул королевской попой на мокрый подоконник.

Секунду я стояла, до глубины потрясенная явлением канниси и Джерома, но все-таки вышла из-за спины Глоша.

— Ребят, а вы что тут делаете?

— Пришли узнать, что тут делаешь ты, — буркнул Джером, спрыгивая на пол и в несколько широких шагов оказываясь рядом. — И как это понимать, Мими?

Я с независимым видом уставилась мимо младшего наследника престола. Кошачья сущность повалилась на живот и прикрыла лапами черную морду. Вот уж угораздило нас так угораздило!

* * *

— Хорошо, что день рожденья только раз в году... — еле слышно пробубнила я.

После вчерашнего, когда белобрысый гад на пару с хвостатым практически силком выволокли меня из покоев старшего наследника, а потом еще полчаса пытали и стыдили, я объявила его белобрысому величеству самый жесткий и суровый бойкот, после чего демонстративно зевнула и отправилась спать. К слову, в объятая сладкой неги бог сновидений меня так и не забрал.

О, как же я злилась! Пинала ногами одеяло, душила в объятых подушку, рычала и спонтанно оборачивалась в черную и не менее взбешенную кошку. Ближе к рассвету я вспомнила, что комнаты парней, а

значит, и маменькиного высочества, расположены где-то подо мной, вскочила с постели и начала мерить туфли. Точнее, сперва я вытряхнула из чемодана взятые про запас три пары обуви (не, ну а вдруг что случится, а я без сменки?), примерила, которая из пар издает больше шума, а уже потом начала дефилировать из угла в угол. Потом немного помаршировала. Следом отрепетировала ритм боевых барабанов идущих в битву орков. Далее был дикий пляс. Ну а после вконец распоясавшаяся парда распахнула створки настежь, откашлялась и дала волю инстинктам.

И неважно, что сейчас не сезон! Может, у меня на нервной почве гормоны слегка расшалились. Ага, и совесть окочурилась.

Угомонилась я вместе с рассветом, когда к моему душераздирающему, въедливому мяуканью присоединились офигевшие от столь славного концерта коты. Увидев под окнами собравшихся кавалеров, моя вторая сущность позорно бежала, оставив человека разбираться с поклонниками. Человек в моем лице счел, что благоразумнее в такой ситуации крикнуть «кыш!», забаррикадировать окна и двери, а после свалить в душ.

Увы, но даже прохладная водичка не смогла унять клокочущую в душе ярость. Просто из-за Джерома я опоздала, капля крови, добытая с таким трудом, успела свернуться и застыть тонкой пленкой. Образец был безвозвратно испорчен, то есть фигурки мне, а не ответы на вопросы.

От завтрака демонстративно отказалась, не без ехидства заметив, что черные круги невероятно колоритно смотрятся на не выпавшемся личике Светлого принца, и уселась в гостиной. Помимо меня, здесь уже сидели близнецы Райч и тройка высокородных подпевал принца.

Речь шла о возросших процентах с торговли, нехватке офицерского состава в приграничных зонах и потонувшей яхте какого-то незнакомого мне богатея. Беседа была до ужаса скучной, пока Оливер Пим не воскликнул:

— Совсем забыл. Морлоков ограбили!

— Да ну! — изумился Гуд Кромвель.

Вполне искренне удивился, поэтому я тоже насторожилась и, на время забыв про обидки на великовозрастного принца и объявленный бойкот, обратилась в слух.

— Погоди-ка, — вступил в разговор Энтони Хемпден, откладывая тетрадь с конспектом по общим магическим исчислениям (праздник праздником, а завтрашние занятия никто не отменял). — Чета Морлоков проживает в «Черных когтях», самом безопасном и охраняемом замке Севера. Как вора удалось туда пробраться?

А кстати, действительно, как? О «Черных когтях» ходили легенды.

Замок строился более ста двадцати четырех лет. Основательно. Продуманно. Дворфами. А это, ну сами понимаете, знак высочайшего качества.

«Черные когти» штурмовали более сотни раз, осаждали, атаковали магией тотального уничтожения, но безрезультатно. Тогдашний король, шутки ради, учредил специальный денежный приз тому, кто сможет пробиться сквозь оборону замка, но и по сей день приз хранился в банке.

Почувствовав наше внимание, Оливер Пим широко улыбнулся.

— Очередное подтверждение правила: «все гениальное просто», — напустив побольше таинственности, доверительно сообщил парень. — Воры не стали штурмовать замок. Они выждали момент, когда Морлоки отправятся на прием к своим соседям, залегли у дороги и... напали.

— Грязная работа, — неодобрительно поморщился Кромвель, словно был не аристократом в каннис знает каком поколении, а главой воровской гильдии.

— И какой суммой разжились наглые воришки?

Я с удивлением глянула на Энтони, задавшего этот вопрос. Просто логично предположить, что аристократическая чета, отправляющаяся на прием к соседям, нацепит на себя максимум побрякушек, чтобы, так сказать, блеснуть в обществе других снобов. Естественно, никто в здравом уме да с таким количеством украшений без охраны и носа из замка не высунет, а потому напрашивается вопрос: «сколько человек погибло в битве?», но Энтони волновала исключительно материальная сторона вопроса.

Узнав приблизительную (по самым скромным прикидкам) сумму, Гуд Кромвель присвистнул, Энтони Хемпден ушел в себя, я же просто застыла с открытым ртом. Кошачья сущность попыталась перевести озвученную сумму в горы золота, сбилась на десятой и, неодобрительно фыркнув, занялась более важным делом — вылизыванием эффектно задранной задней лапы.

— Ноэми. — Я вздрогнула от неожиданности и потерянно глянула на появившегося в гостиной Джерома. — Есть разговор.

Изобразив на лице вселенскую скуку, я тяжело вздохнула и с видимой неохотой пошла следом за приятелем. Я искренне верила, что после случившегося на празднике возмущенно фыркать и бить посуду полагается мне, а никак не Светлому принцу.

— Ты издеваешься?!

Секунду подумала, мысленно конструируя фразу так, чтобы и дерзко, и хлестко, и до ужаса обидно, но вспомнила про объявленный накануне

бойкот и сдержанно кивнула.

— Мими, что за ребячество! — Впервые на меня орали шепотом. — Когда мы ехали сюда, я знал, я догадывался, что нас ждет. Косяки ребят, интриги придворных, даже нападение храмовников не стало для меня таким уж сюрпризом! Но я и подумать не мог, что самую большую рану нанесешь мне ты!

Это он сейчас про что? Какая к каннису рана? Это я пострадавшая сторона! Я!

— Я про Глошада, — видя мое недоумение, сухо пояснил Джером. — Думаешь, мне мало того, что между нами всегда стоит тень прошлой дружбы, которая не дает отношениям сдвинуться дальше? Думаешь, мне легко бороться за крупницы твоего внимания? Думаешь, так просто иметь в конкурентах Итона, Дерена, кота твоего облезлого?

Кошачья сущность возмущенно зашипела, категорически несогласная с тем, что бы кто-то плохо отзывался про шкуру нашего леопарда. И ни сантиметра она не облезая! Вот годочков так через десять, когда человеческая сущность нагуляется и вернется в клан к истинной паре проедать супругу плешь, вот тогда оценим качество шубейки, а сейчас ни-ни!

— Я не ожидал, Мими, не ожидал, что в рядах конкурентов появится еще и Глошад. — Джером приблизился. Его нежное гладкое лицо исказилось от ревности. — Кому, как не мне, знать, какие сильные чувства оставляет первая любовь.

— Минуточку, — выпалила я, позабыв про бойкот. — Мне никогда не нравился Глош!

— Да неужели! — Джером саркастически хмыкнул и скрестил руки на груди. — А давай-ка вспомним детство. Как-то раз Глош пришел в беседку, где мы играли, и позвал леди Марику пройтись с ним до фонтана. Помнишь, что ты сделала?

— Этот была случайность! Мы играли, и я совершенно случайно...

— Поставила ей подножку, в результате чего Марика разбила нос и убежала в замок, — закончил за меня Джером. — А еще ты швырнула лягушкой в Элизу, когда увидела, как они с наследником целуются.

— Это было весело! — воскликнула я, чувствуя, что краснею. — Ты, между прочим, хрюкал от смеха...

— Когда Лола заболела, и Глош стал приходить в вашу комнату, что бы почитать ей сказки, ты разрисовала сестре лицо зеленкой, — обвинительно наступал друг детства с феноменальной памятью.

— Да что ты знаешь про наши внутриклановые приколы. Нужно быть

оборотнем, что бы понять!

— А еще...

— Кхе-кхе!

В пылу ссоры мы с Джеромом подошли друг к другу так близко, что, услышав деликатное покашливание, резко повернули головы к дверям и коснулись друг друга щеками. Я тотчас отпрянула от младшего наследника и склонилась в низком поклоне. Младший наследник престола вежливо поклонился. От прежнего Джерома, который собачился со мной пару мгновений назад, не осталось и следа.

— Доброе утро, — поприветствовал нас король Эддар, входя в гостиную. — Хотел застать младшего претендента до его отъезда, а увидел нечто куда более занимательное...

Глаза мужчины смеялись, но лицо оставалось холодно-надменным. Я не сводила с короля глаз, и чем больше смотрела, тем сильнее хмурилась. Горделивый лик Эддара был помещен в каждом учебнике истории, а на стене у деканата висела огромная магическая картина с портретом нынешнего правителя. Я видела эти черты сотни, а то и тысячи раз, но вот теперь, столкнувшись с монархом вживую, да ещё так близко, уловила нечто очень знакомое. Нечто, что я не просто видела где-то раньше, а знала так же хорошо, как собственное отражение или внешний вид моей второй ипостаси.

Смуглое лицо... Осанка... Разворот плеч...

Меня прошиб холодный пот и мелко задрожали руки. Кошачья сущность жадно принялась, подтвердила мои опасения и от греха подальше спряталась в самый дальний закуток сознания. Судорожно сглотнув, я торопливо извинилась и выскочила в коридор.

* * *

— Родненькие вы мои! Криворукенькие вы мои! — приветственно вопила Гуля с козырька над крыльцом, ведущего в западную пристройку. — А похудели-то как! А побледнели-то как! А почему с синяками да шишками? Ох, плохо, плохо вас Ши-Ван гонят.

На горгулью уставилось двенадцать озлобленных студентов факультета закрытых знаний, после чего крылатая зараза вспорхнула вниз и переключилась на другую мишень.

— Батюшки, нет, вы токмо гляньте, как нашему декану идут эти кривые царапины на щеке. Неужто молитвы брошенных девиц долетели

куда надо, и лучший любовник двора получил заслуженную кару? Полноте кидать в меня ножами! — обиделась Гуля, ловко уворачиваясь от пролетающих мимо клинков. — Скажи спасибо, что отделался царапинами, а не венерическими заболеваниями!

Все еще не оправившийся после нападения Маккалич тихо ругнулся, осторожно вынул из перевязи пострадавшую руку и запустил в языкастую горгулью заклинанием стазиса. Гуля ловко поднырнула под сгусток брошенной магии, с нескрываемым весельем показала первому мечу королевства язык и испуганно ойкнула. Пульсирующий зеленоватым светом шарик оказался самонаводящимся.

— На мыло злостных угнетателей! — кричала она, камнем пикируя на землю. — Декана на борщ! Систему, попирающую права живых существ, на пельмени! А людей без чувства юмора — на соленья! Даешь свободу слова!!!

Проследив за тем, как обездвиженная горгулья шмякается в глубокую лужу с тонкой корочкой льда по краям и уже оттуда продолжает призывать общественность к антисоциальным действиям, я незаметно от остальных зашла за мобили и скрылась в ближайших кустах. Вчерашний дождь сменился заморозками, почва стала тверже, деревья и кусты сонно притихли, птицы суетливо сновали по округе, отыскивая еду, а юркие белки продолжали таскать запасы.

Пробежав по тропинке, я свернула к знакомому домику ректора, взбежала по ступенькам на крыльцо и замолотила кулаком в дверь. Хозяин открыл не сразу, заставив меня отбить руку и потерять остатки терпения, коего и так было мало. Встрепанный и сонный, Итон удивленно посмотрел на переминающуюся с ноги на ногу от нетерпения парду, недюжинной силой воли поборол рвущийся зевок и поприветствовал:

— Доброе утро, обучающая Вейрис. Чем обязан столь раннему...

— Я видела вашего отца! — не в силах сдержаться, выпалила я.

Реакция последовала незамедлительно. Меня схватили за руку, втянули внутрь теплого дома и прижали спиной к захлопнутой двери.

— Повтори, — приказал декан, и по спине побежали мурашки.

Как-то не так я себе представляла его реакцию на мое заявление.

* * *

Глошад медленно повернул голову и сощурился от яркого света. На коленях принца лежала рубашка, пожертвованная для ночной гостьи, в

правой руке зажата деревянная фигурка маленького котенка, запутавшегося в клубке ниток. Тонкая трещина расколола игрушку сбоку, но неведомый мастер сумел залить трещину прозрачным лаком так, что пальцы не ощущали неровности.

Молодой мужчина поднес фигурку к лицу, и взгляд его потеплел.

Старший наследник никогда не любил собственный день рождения. Даже больше. С некоторых пор он ненавидел эту дату. День, когда именинника окружают любящие его люди, уже давно обернулся фарсом. Праздник был нужен Эддару только как предлог, что бы придворные интриганы встретились и, словно скорпионы в банке, принялись жалить друг друга словами и поступками. Любящих Глошада людей на праздник не пригласили. Даже родители не сочли нужны приехать и встретиться с сыном.

Но она пришла...

Глошад почувствовал ее запах задолго до того, как она под руку с Дереном Маккаличем вошла в зал, но, едва увидев, потерял годами тренированное самообладание. С момента, как парда впервые поднялась по ступенькам западной пристройки, он видел Мими сотни, а то и тысячи раз, но только теперь заметил, как похорошела их малышка.

Ноэми выжила.

Видимо, народная молва права, и у кошек есть в запасе девять жизней. Глошад испытал невероятное облегчение и радость, но едва Маккалич — первый в постели и на дуэли — наклонился и принялся что-то шептать мечтательно улыбающейся девушке, принц с трудом сдержал инстинкты.

Спрятавшись от посторонних взглядов на балконе, старший наследник престола пытался унять взбесившего зверя. Вторая ипостась рычала, недовольно скалилась и била хвостом, красочно описывая, что сделает с любым, кто прикоснется к их малышке. Глошад думал, глядя на мокрый и недовольный после дождя парк.

Дальнейшее, за исключением фразы «Давно хотела сказать, да все никак не могла собраться с духом... Глошад, ты меня бесишь!», прошло строго по плану. Он дал парде подсказки, незаметно вылез из покоев и разыскал выброшенную коробку — подарок его величества, а после тихо позвал.

После магического всплеска, вызванного вследствие сильного эмоционального потрясения из-за смерти Ноэми, сгорела не только беседа с остальными фигурками-игроками, но и предохранитель, запирающий врожденные таланты принца. Сейчас его власть над оборотнями стала в разы сильнее, чем до этого.

Итон и Джером допустили серьезную ошибку, приблизив к себе Мими. Глошаду будет достаточно отдать приказ, и рожденная для убийства парда выполнит любую его прихоть. Но едва Ноэми оказалась перед ним, старший наследник престола понял, что просчитался. Перед ним, переминаясь с ноги на ногу на холодном полу, голая и абсолютно беззащитная, стояла не машина для убийства, а невинная и хрупкая девушка...

В соседних комнатах тихо скрипнула дверь — старая Дезире уже пришла в покои, чтобы разбудить и накормить принца. Нянюшке было известно, что принц не станет есть на праздничном ужине, а значит, утром будет голоден и раздражен.

Это было правдой. Глошад действительно чувствовал голод и раздражение, но еда тут была ни при чем.

Молодой мужчина быстро поднялся на ноги. Он просидел в кресле всю ночь в раздумьях, но усталости не ощущал. Подойдя к кровати, принц присел на корточки, сунул открытую ладонь под свисающий край покрывала. Раздался тихий писк, и на ладонь скользнул маленький теплый комочек. Глошад вытащил мышонка, кончиком указательного пальца погладил зверька по голове, и тот с готовностью поднялся на задние лапки.

* * *

— Да неужели?

Король Эддар позволил себе снисходительную усмешку. Сидящий напротив храмовник со спокойствием выдержал взгляд разгневанного монарха и вежливо кивнул.

— Ваше величество, я всецело понимаю ваше негодование, — поставленным, проникающим вглубь души голосом отозвался храмовник. — Да, наш храм дал согласие проводить испытание для наследников, но никем не оговаривалось, что кандидата должен назначать король.

Эддар сжал потертые подлокотники старенького, но еще очень удобного кресла. Храм не подчинялся приказам сменяющих друг друга монархов, предпочитая держать нейтралитет, но условия проверки соблюдал всегда. До вчерашнего дня.

— Должен напомнить, — мрачно произнес Эддар, — я все ещё у власти, и списывать действующего правителя Аристалии несколько опрометчиво со стороны служителей храма.

— Что вы, ваше величество! — с преувеличенной поспешностью воскликнул собеседник. — Наш храм чтит престол и традиции Аристалии.

— Так, может, хватит ходить вокруг да около. Объясните свой поступок. — Король терял терпение. — Мы договаривались, что кандидатом проверки станет один из средних принцев, но вы напали на младшего. Почему?

Храмовник, одетый в простой серый костюм и светлый плащ, заменяющий рясу, подался чуть вперед и негромко кашлянул. Казалось, он сам немного смущен возникшим самоуправством.

— Перед тем, как братья покинули храм, одному из них было дано видение. По словам послушника, он видел нового монарха Аристалии. В грядущей борьбе за престол победит...

— Я не верю в откровения и пророчества, — резко оборвал храмовника король.

Собеседник покорно умолк и смиренно опустил голову. Не в его правилах было делиться драгоценными крупицами знаний с теми, кто отвернулся от веры.

Подписав распоряжение отпустить послушников и отослав храмовника восвояси, Эддар пересек кабинет и приблизился к шахматному столику с игроками. Король не верил предсказаниям, потому что знал — каждое из таких откровений, дарованных якобы свыше, можно легко обойти, используя собственный ум и кошачью изворотливость.

— Катрин.

Щелкнула пружина, открывающая потайной ход, деревянная панель отъехала в сторону, и в кабинет неслышно вошла женщина с черными густыми волосами, рассыпавшимися по плечам. Парда остановилась рядом с королем и почтительно склонила голову.

— Ваше величество.

— Ты закончила?

— Джед полностью в моей власти. Еще пару декад, и результат не сможет перебить даже связь с истинной парой.

Голос женщины казался спокойным, но Эддар заметил триумф в глубине синих глаз своей верной помощницы. Но если парда ждала одобрения, то просчиталась.

— Предупреди Ильсора и остальных. Через три декады все должно быть готово, — приказал король, выставляя на шахматное поле все новые и новые фигурки.

— Но... — попыталась возмутиться Катрин.

— Три декады. Больше ждать не имеет смысла.

Женщина сверкнула глазами, с возмущением сжала кулаки и, не обмолвившись более ни словом, поспешила к тайному проходу.

Глава 6. Романтики с большой дороги

Зима наступила неожиданно. По ощущениям — прямо на меня.

Вместе с жгучим холодком и снежными заморозками примчалась раскрасневшаяся госпожа ангина и на манер женщины в черном балахоне принялась косить нестройные ряды обучающихся Академии. Первой приближающуюся беду почувствовала медсестра Эллочка. Спohватившись, что так и не отгуляла свой отпуск, миловидная блондинка сделала всем ручкой, подхватила спешно собранный чемодан и умчалась в неизвестном направлении. Первокурсники, толпившиеся у проходной в ожидании грузового мобиля с новой партией учебников, клялись, что территорию Академии Эллочка покидала, с трудом сдерживая злорадный хохот.

А вот нам было не до смеха...

Коридоры сотрясались от громогласных чихов студентов, преподаватели прерывали лекции для коллективного сморкания, успеваемость на практических занятиях резко подскочила, ибо в чередe одинаково-гнусовых голосов учителя просто не могли разобрать, кто кому подсказывает и за кого отвечает. Женское общежитие перестало быть оным и передислоцировалось в госпиталь для тяжело больных. Причем первый этаж практиковал исключительно традиционно-магическую медицину, второй — лечился народными способами, активно налегая на чеснок, ингаляции и сидение над вареной картошкой. Обитатели третьего этажа тайно собрали самогонный аппарат и практиковали растирание спиртовыми настойками. Употреблять внутрь Гуля, патрулирующая помещения, категорически запрещала, не гнушаясь снять капельку-другую пробы с каждой партии. Впрочем, некоторым юным организмам, чей иммунитет и сопротивляемость оказались подорваны болезнью, хватало паров.

Отрезанные от основного коллектива, простуженные и злые, ученики факультета закрытых знаний с завистью косились на окна общежития, где кипела жизнь и под действием лечебных паров вспыхивали спонтанные вечеринки с хриплыми подвываниями аж до самого утра.

— Скуш-ш-шно, — заметил Ши-Ван за завтраком.

— Мр-р-рак! — Согласно кивнула Айрис Руколо.

Эту парочку даже ангина свалить не посмела.

— Может, вывезем этот сопливый детский сад на прогулку?

— Сменим обстановку, подлечимся, развеемся... — неожиданно

поддержала преподавателя по ОФП госпожа Руколо, и парочка, не сговариваясь, пристально глянула на декана, устало помешивающего ложечкой чай.

— Хм... — выдал декан факультета, задумчиво побарабанил пальцами по столешнице и после долгой паузы решился:

— А давайте!

Предложение встретили одобрительным гулом, который тотчас перетек в протяжный разочарованный стон, едва «добрый» Дерен сообщил, что ехать предстоит не на теплое побережье, а в ближайший лесок.

— И что мы там будем делать? — отважно уточнил Лиам, хлюпя носом.

— Как что?! — неподдельно изумился Маккалич, быстрым движением намазывая вишневый джем на поджаристую корочку тоста. — Разбойников гонять!

Мы застонали еще более жалостливо. Ши-Ван с Айрис победно улыбнулись друг другу.

Но на деле «гонять» никого не пришлось.

Злые, сопливые и замерзшие, мы с часок побродили в подлеске, опасаясь заходить глубже в незнакомый лес, а потом залегли в кустах у дороги и стали ждать. Кого? Вариантов оказалось много: преподавателей, решивших смилостивиться над кучкой проголодавшихся студентов; разгневанного ректора, которого, как выяснилось, никто не поставил в известие о нашей отлучке; разбойников, офигевших от наглости «конкурентов».

Одетая в тысячу одежек, в лисьей шапке, нахлобученной по самые брови, и в толстых рукавицах, я тихо фыркала, чувствуя себя снежной бабой, слепленной пьяными троллями да так и позабытой на обочине.

И как в таком виде гонять разбойников?

— Друзья, дайте мне градусник! Подайте горчичник! Выпейте со мной на брудершафт... микстуру от кашля! — стонала Гуля, гулко сморкаясь в носовой платок размером с детскую пеленку.

Горгулю приставили к нам в качестве соглядатая, но что-то подсказывало, Маккаличу просто надоело ночи напролет слушать матерные частушки под собственными окнами. Нет, доказать, что это Гуля надрывает глотку, первый меч королевства так и не смог, но наделенным властью не всегда нужны пресловутые доказательства.

Каменная вредина сидела на стволе поваленной сосны, зябко обняв себя лапками за плечи, словно большой нахохлившийся рассадник бацилл. Остальные выглядели ничуть не лучше. Джером забрался на ближайшее

дерево и вот уже с полчаса как не показывался. То ли осуществлял разведку, то ли просто застрял, а покричать, чтобы ему помогли спуститься, посчитал выше своего королевского достоинства.

Лис с волчонком обернулись и скользнули в лес. Шархай тоже перешел во вторую ипостась, но, в отличие от волка, лазать по сомнительным сугробам не захотел и развалился под ближайшей елочкой. А вот мне тонкая черная шубейка, рассчитанная на более теплые места обитания, не позволяла сделать подобного. Кошачья сущность только презрительно фыркнула, мол, ищите других идиотов, а я лучше в тепле посижу.

Через дорогу от меня засели аристократы, греясь пресловутыми заклинаниями обогрева одежды, черпая силу из резервных накопителей. Чуть поодаль, на повороте, на лапнике сидели энтри, травя друг другу байки и забавные истории из жизни.

Близнецы Райч на отлов разбойников вообще не явились. И если мы мучились от холода, пробирающегося даже сквозь слои одежды, то брат и сестра сгорали от жара.

Мерно и тихо падали крупные снежинки, над верхушками вековых сосен виднелось непроглядно-черное небо, а далеко на горизонте виднелись красные шпили башен легендарной крепости «Черные когти». Да-да, той самой, где обитала ограбленная чета Морлоков.

Подумав, что все могло быть и хуже, и вместо разбойников нам пришлось бы идти на штурм крепости, я грустно шмыгнула носом, укуталась поплотнее и вспомнила наш с Итоном разговор.

— Повтори!

Я посильнее вжалась в дверь, неосознанно нашаривая ручку, вот только сбежать мне никто не позволил. Ректор схватил меня за плечи и дернул мою несопротивляющуюся тушку. Расстояние между нами сократилось до вытянутой руки, опора исчезла, а вот страх нарастал с каждым биением сердца.

При одном взгляде на суровый лик декана кошачья сущность попятилась, стыдливо пряча хвост меж задних лап, а вместе с ней попятилась и моя уверенность. Итон-Бенедикт был зол, как полосатая гарпия, опасен, как разбуженный посреди спячки огнехвост, и беспощаден, как марконский живоглот.

М-да, надо было не горячиться. Набрать корзинку сладостей, задобрить ректорский желудок, дождаться, когда глюкозка приведет собеседника в благодушное настроение, и только тогда делиться догадками. А не так, как я, с порога и сразу хрясь своей догадкой. Глупая, глупая парда!

— Ну же! — рявкнул хозяин дома, надо заметить, не слишком гостеприимный. — Наберись мужества!

Сглотнув, и мысленно попросив кошачьих богов о снисхождении, тихо прошептала:

— Я догадалась, чей вы сын.

Ой, глуууупая, глупая парда!

Короткий замах и удар заставили дверь жалобно грохнуть и чуть покоситься, но эта внезапная вспышка не принесла Итону ожидаемой разрядки.

— Ноэми, да ты издеваешься!

Врет тот, кто считает, будто чистосердечное признание отменяет наказание. Ничего подобного! В некоторых ситуациях безопаснее закрыть рот и проглотить свои догадки. Итон ослабился, отчего выражение его загорелого лица стало неприятным и даже отталкивающим. Черный человеческий зрачок дернулся и начал менять форму.

— Ну почему ты всегда лезешь куда не просят? — прошипел мужчина, пугая вертикальными зрачками.

Зажмурившись, чтобы не травмировать хрупкую кошачью сущность видом разгневанного ректора, я втянула голову в плечи и мелко задрожала. Впрочем, ни дрожь, ни панический ужас не помешали мне уточнить:

— Так я в самом деле права?

На секунду почудилось змеиное шипение и характерный шелест трещотки на кончике хвоста. Он что, там во вторую ипостась перешел? Любопытство перевесило страх, и я приоткрыла левый глаз ради беглой разведки. Итон стоял посреди прихожей, скрестив руки на груди, в халате и домашнем костюме, больше смахивающем на пижаму, хмурился, играл желваками, но... грозным не выглядел.

Расхрабрившись, я приоткрыла и второй глаз, а потом вообще обнаглела от безнаказанности:

— Может, позавтракаем?

Итон-Бенедикт на секунду заколебался, обдумывая предложение, и отложив решение отшлепать чересчур догадливую пардочку до лучших времен, махнул рукой. Приободрившись, я быстро скинула верхнюю одежду и поспешила за хозяином.

— Я буду омлет из трех яиц и два бутерброда с мясом. Завари чай с земляничкой и, пожалуйста, не шарь по кабинету, — кинул через плечо Итон-Бенедикт, поднимаясь по лестнице.

— Не больно-то и хотелось! — оскорбленно крикнула в ректорскую спину, и только тут до меня дошла вторая часть фразы. — Минуточку! Мне

что, еще и готовить для вас?

— Ну ты же хочешь знать подробности?

Я сжала кулаки от негодования, а потом расплылась в проказливой улыбке. Значит, завтрак вам подавай. Захотелось омлет и земляничный чай с бутербродами. Ну, раз сам попросил...

— О, боги! — выдавил хозяин дома, появляясь на кухне уже в темно-сером джемпере и черных штанах.

Как по мне, пижама начальству Академии шла больше, чем строгий костюм, но вслух говорить о таком не стала. Хватит с него и завтрака, приготовленного очень ловкой и хозяйственной пардочкой.

— Ноэми, что это?

Итон не то возмутился самоуправством, не то удивился моей расторопности, но посмотрел так строго, что я поспешила сделать приглашающий жест в сторону накрытого стола и с достоинством пояснить:

— Ваш завтрак, господин ректор.

На огромном серебряном блюде, оставшемся ещё от прошлого директора, в россыпи белых крошек лежали два криво отрезанных куска хлеба толщиной в три моих пальца. Сверху сиротливо возлежали кусочки сыра, до того тонкие, словно с головки сыра снимали стружку или терли теркой, а потом побросали получившееся на хлеб. Еще хуже выглядела яичница.

Технически это был уже омлет, так как желтки растеклись и смешались с белками. Пришлось подойти к делу творчески и украсить получившийся блин специями. Вышло восхитительно! Аккуратные круги черного перца и паприки, а в центре искрошенные листья (специально, что бы кое-кто чересчур находчивый не смог вынуть их из блюда пальцами) жгучетравы. Блюдо подавалось в деревенском стиле, то есть как было: в сковородке на деревянной подставке, накрытое прозрачной крышкой.

Итон смело поднял вышеупомянутую, самонадеянно втянул воздух носом и... рванулся к окну. Предусмотрительно зажав нос руками, я украдкой наблюдала, как ректор распахивает оконные створки, роняя горшок с засохшей геранью, и жадно втягивает в легкие свежий воздух.

— Обучающаяся, это не завтрак, а... оружие уничтожения ректоров!

— Уж простите, — вздохнула я, беспомощно разводя руками. — Сказывается отсутствие практики. Вот если бы вы попросили меня устроить покушение или сбить с дерева белку, находясь на крыше движущегося по буеракам мобиля...

Итон хмыкнул, прикрыл окно и, издевательски буркнув «хозяюшка»,

пошел проявлять самостоятельность. Присев к столу, я цапнула приготовленный для неблагодарного мужчины бутерброд и начала отщипывать от него небольшие кусочки.

— Я жажду подробностей, — напомнила хозяйину дома, склонившегося над ящиком в поисках другой сковороды.

— Подробностей... — задумчиво повторил Итон.

Сковорода находится отказывалась, поэтому повар оценивающе осматривал кастрюли и ковши, видимо, решив обойтись на завтрак вареными яйцами.

— Их не так много, как тебе хотелось бы. Будучи ребенком, мой дядя учился на королевской яхте морскому делу. Во время прогулки по заливу принц Эддар едва не вывалился за борт, но Ильсор его спас. В благодарность молодой наследник приблизил юного моряка. Несмотря на очевидную разницу в положении, они дружили, долго. И даже, когда моя мама забеременела и родила на свет меня, никто из домашних не подумал обвинить в этом принца. И хотя я считался бастардом, позорным пятном на репутации рода, дядя настоял, чтобы по традиции меня, как и остальных мужчин семьи, отдали на флот.

Итон суетился возле плиты, стоя ко мне спиной и только изредка поворачиваясь боком, а я внимательно слушала, окончательно убедившись в том, что, испортив завтрак, поступила разумно. Говорить о чем-то серьезном и болезненном вот так, между делом, было намного проще, чем с глазу на глаз. Ему не было нужды ловить мои сочувственные взгляды, а мне скрывать клокочущие внутри чувства.

Щелчком пальцев выключив огонь, господин ректор снял все ещё весело посвистывающий чайник. Кипяток тонкой струйкой устремился в стеклянный заварной чайник, чайники заплясали в воде, а по комнате поплыл аромат земляничных листьев и безмятежности лета.

— Эддар победил в схватке, стал королем Аристалии, и ему очень быстро подобрали подходящую по статусу жену. Мама не показывала, каким ударом это для нее стало. Никому. Я был в плаванье, когда она сильно заболела и за несколько месяцев окончательно угасла. Вернулся я уже к похоронам... Вот и все, что мне известно.

Прозвучало буднично и отстраненно, но я почувствовала за этими словами всю его боль, одиночество и... бессилие. Разлив по чашкам заварившийся чай и переложив на тарелки сварившиеся яйца, а также новые бутерброды (не чета моим), Итон в полном молчании заново накрыл на стол и сел напротив.

— И вы никогда не говорили с отцом об этом? Не просили признать?

Король вообще в курсе?! — потрясенно выпалила я.

— Отчего же, — откликнулся Итон, с куда большим энтузиазмом счищая скорлупу, чем участвуя в диалоге. — Мама вела дневники, которые после своей смерти велела отправить Эддару. Когда я вернулся, меня ждала официальная бумага, подтверждающая мой новый статус и указ переехать в королевский дворец. Я порвал и сжег обе бумаги, написал королю записку и снова уплыл в скитания.

— Но почему?!

Воображение уже пыталось представить, что было бы, появись в королевском саду принц Итон. Представляю, как вытянулись бы лица средних наследников и как засопел от досады Джером! Наверное, из всех нас только Глош смог бы подружиться с королевским бастардом, но то Глош...

— Мне это было не нужно.

Спокойный и ровный голос ректора заставил воображение угомониться.

Мой собеседник умолк, занятый быстрым поглощением еды, а я вертела горячую чашку, пытаюсь решить, стоит ли задавать следующий вопрос или нет, пока все-таки не решилась.

В конце концов, когда ещё по моей улице проедет парад откровенности?

— Вы отказались от рода своего отца, но принял ли король отказ?

С виду Итон не изменился. На лице было все тоже голодное благодушие, рука, накладывающая в чай пять ложек сахара (и как у него не слипнется от такого количества сладкого?), не проронила ни крупинки.

— В ту ночь у анти источника...

Я заколебалась. Желания вспоминать свою, пусть и несостоявшуюся, но все-таки кончину, не было. Ректор, кажется, это понял, поднял на меня глаза и хитро улыбнулся.

— Когда я тебя спас?

— Когда вы едва меня не утопили! — возмущенно выпалила я, сердито глядя на мужчину. — Вы тогда сказали: «Не смей умирать у меня на руках»... Я видела ее в ваших воспоминаниях, когда мы слились. Ей вы сказали то же самое...

Не нужно было быть эмпатом или менталистом, чтобы увидеть его боль от потери. Опустив голову, Итон поднес чашку к губам и сделал большой глоток.

— Эддар не привык, чтобы ему перечили. — Чашка опустилась на стол с глухим звуком, похожим на тот, с которым опускает молоточек

судья. — Он счел мою невесту недостойной королевского бастарда и отдал соответствующий приказ. И так будет с любым дорогим мне человеком, куда я не смирюсь со своей участью.

— Участью быть новым королем?

— Участью быть марионеткой.

Откинувшись на спинку стула, я глубокой в задумчивости смотрела на опрокинутую с подоконника герань. Сейчас у Эддара только дочери, но признай он Итона своим сыном, королевская ветвь получила бы продолжение. Для чистоты линии ректора женили бы на одной из сестер (генетические мутации уже давно научились блокировать магическим путем, так что уродов или безумцев можно было бы не опасаться). Согласись Итон сразу, и, возможно, никакой команды принца Джерома не было бы и в помине. Как пить дать, Эддар продвигал бы на престол сына. Кстати...

— А как вы оказались здесь, на ректорском посту? — спросила то, что уже давно не давало покоя. — С чего вообще возникло желание помочь принцу Райвилю заполучить престол?

— Я был обязан родителям Джерома, — просто, словно дело шло не о королевских интригах, а о минувшем дожде и заморозках, отозвался Итон-Бенедикт. — Чета Райвилей помогла вытащить Ши-Вана из очень неприятной заварушки, взяв с меня обещание помочь их единственному сыну.

Уж лучше бы Ши-Вана никто не выручал...

— Я поклялся подготовить Джерома и сделать все от меня зависящее, чтобы младший наследник взошел на престол.

— А вы не уточнили сроки? — неожиданно выпалила я, и хозяин дома почему-то напрягся. — В смысле, я, конечно, хочу, чтобы мы победили, но...

— Но?

Подперев голову рукой, я вздохнула и призналась:

— Мы не тянем. И что-то подсказывает, что через два года, когда состоится битва за престол, мало что изменится. Джер хороший, добрый... временами умный, временами дуб дубом! И мне страшно представить, как он будет править всей Аристалией. Особенно имея в советчиках кого-то из нас!

— Грядут темные времена? — шутливо подначил хозяин дома, а потом напомнил:

— Ноэми, я обещал.

Я пожалала плечами. Ну обещал так обещал. Не я брала с него это слово,

не мне менять условия. Уже вставая из-за стола, чтобы помочь прибраться, я клятвенно пообещала поговорить на эту тему с Джеромом, ибо да. Как-то мне стремно при мысли, что великой Аристалией будет управлять кучка охламонов вроде нас.

Больше ни о чем серьезном мы с Итоном-Бенедиктом не говорили. Предупреждать, чтобы я держала язык за зубами, не требовалось. Я же умная пардочка и жить хочу долго и желательно счастливо.

Распрощавшись и порывисто обняв господина ректора на прощанье (он попытался было включить суровое начальство и напомнить о субординации, но прозвучало не слишком убедительно), я оделась и выскочила за порог домика.

До западной пристройки оставалось где-то шагов сто, когда чуткий слух оборотня уловил женский визг. По привычке помянув всех каннисов, я рванулась в пристройку, заменившую нам во всех смыслах дом родной, ворвалась в просторный холл и бросилась к лестнице.

— Иии! — вопила Памела, кубарем слетая вниз и врезаясь в меня.

— Что?! Что случилось!

Продолжая голосить, девушка неожиданно сильно оттолкнула меня в сторону и побежала по коридору прочь. Недолго думая, я рванула вверх, ища источник паники своей соседки. Что я там совсем недавно решила? Я же умная пардочка? Я жить хочу долго и желательно счастливо? Когда же слово перестанет расходиться с делом!

Проклиная инстинкты боевой парды (ой, да кого я обманываю! Инстинкты любопытной бабы), я стрелой взлетела вверх и заметила распахнутую дверь, ведущую в нашу комнату. В нос ударил едкий мышинный душок, в душе заворочалось подозрение.

Ну, если эти хвостатые вредители в отместку нагадили мне в постель, спущусь в подвал и загрызу всех, кто на глаза попадетсЯ. Нет, лапой прибью! Зачем тянуть в пасть всякую гадость?

— Блош! Это твои проделки? — влетая в комнату, рыкнула я и осеклась.

Серое братство заполонило собой всю комнату. Они были везде: на полу, на кроватях, на тумбочках, подоконнике, а парочка так вообще болталась на люстре, но удивило меня не количество серых, а завернутое в плотный кокон из моего одеяла тело неизвестного мужчины. Брюнет с наколкой шмеля на левом виске (вот только наемника из банды Шершня мне для полного счастья и не хватало) находился без сознания. Глаз подбит и наливаются краснотой, а из носа вниз по щеке бежит струйка крови (хоть пробирку подставляй, чтобы материал не пропал). Блош, все такой же

огромный и наглый, восседал на лбу неизвестного и с деловым видом утрамбовывал в рот пострадавшему кляп. Приглядевшись, опознала в сомнительной с виду тряпке любимую пару носков своей соседки и одобрительно присвистнула.

— Мыши, я вас боюсь!

Кошачья сущность устала на меня как на ненормальную и, продемонстрировав роскошный филей, ушла в подполье. Вот еще! Кошки не благодарят мышей. Даже если серые комочки ловят в ее комнате наемного убийцу.

— И что тут у нас? — любопытствовал появившийся за моей спиной декан факультета закрытых знаний.

— Операция «перехват», — пошутила я, но Маккалич даже не улыбнулся.

Осторожно ступая, чтобы ненароком не придавить какого-нибудь зазевавшегося и не успевшего убраться в сторонку представителя мышиногo братства, первый меч королевства присел перед пойманным наемником и протянул руку. Что он там делал, рассмотреть не удалось, в коридоре послышался топот, а следом меня сжал в тревожных объятьях уже сам Джером.

— С тобой все в порядке?

Я закатила глаза. Кошачьи боги, когда уже маменькино высочество запомнит, что дружит с боевой пардой? Шпаргалку ему, что ли, написали?

— Джером, подойди, — позвал Маккалич, и принц тут же шагнул в комнату.

Любопытство зашкаливало, но я на какое-то время замешкалась на пороге, рассматривая фигуры склонившихся над поверженным наемником. Широкоплечий воин и худощавый юноша. Они были разными. Вековой дуб, познавший жизнь и уставший от нее, и текучий, вечно меняющийся звонкий ручей. Светловолосый принц и темноволосый телохранитель. Их связывало нечто большее, чем просто долг, но что именно?

В свете недавней догадки я уже начала прикидывать, может ли Дерен быть внебрачным ребенком четы Райвиль, как вдруг кто-то куснул меня за икру. Ахнув, я дернула ногой, сбрасывая Блоша, но тот и сам понял, чем ему грозит покушение на парду, и быстро отскочил.

— Спятил? Или подхватил от наемника бешенство?

Мышиный батя выразительно глянул черными бусинками-глазами, потом не менее выразительно покрутил пальцем у виска. Пришлось рыкнуть на него и продемонстрировать когти. С насмешливым выражением «ой, боюсь-боюсь», мышонок поманил меня за собой и кинулся к лестнице.

Решив, что максимум мышинового вредительства — это ещё один пакетик убойной смеси валерьянки и мяты, я пожала плечами и побежала следом.

По пути наткнулась на поднимающегося Шархая. Приятель был в плаще, судя по голым ногам, выглядывающим из-под полы, наброшенном на голое тело. Раскрасневшийся, с довольно поблескивающими глазами. Я потянула носом воздух, опознав знакомый запах, и невольно улыбнулась.

— Помирились?

— Ну как сказать... — протянул оборотень и только теперь заметил моего провожатого. — А...

— Не спрашивай!

Что может быть хуже, чем быть обязанной мышам за спасение от наемника? Выслушивать насмешки от собрата-оборотня, а то, что тигр будет насмехаться, очевидно. Тут и к бабке не ходи.

Спустившись в подвал, мы с провожатым дошли до входа в логово, и мышиный батя ненадолго скрылся. Постукивая от нетерпения носком сапога по деревянным доскам, я терпеливо ждала хвостатого, гадая, какой еще подставы ждать от духа, покровительствующего мышам, как вдруг проем осветился фиолетовой вспышкой, и Блош вынес цветок на коротком стебле.

— О-фи-геть! — выпалила я, падая на колени.

КМ-15. Он же консерватор магии, или «кома», или просто «консерва». Об этом заклинании знали все студенты, даже самые рьяные прогульщики, опоздуны и двоечники. Его изображение и подробное описание были на развороте к учебнику «Магия архимагов». На предзащите дипломов ныне бывший директор Варениус любил козырнуть фразой «милок, это вам не КМ-15 колдовать. Вот помню...» «Консервой» грезил большая часть студентов, мечтающих о славе архимагов, входящих в сотню сильнейших. «Кому» тайком тренировали, объединяя в тройки и четверки, чтобы закачать в заклятье силу.

Правда, максимум, что из этого вышло — взорванная лаборатория в центральном корпусе. Надо заметить, с концами взорванная, так как ни финансов, ни рабочего энтузиазма для восстановительных работ у школы не нашлось, а нынешний ректор Академии и слыхом не слыхивал, что когда-то у школы был оборудованный и зачарованный для опытов подвал. Помня, что делает инициатива с ее инициаторами, преподавательский состав нагло умолчал о рванувшей прошлой весной лаборатории.

Дрожащими от возбуждения пальцами я подняла цветок, мерцающий фиолетовым, секунду любовалась, запечатлевая в памяти детали заклинания, а затем с сожалением смяла цветок и поспешно разжала

ладонь.

«Консерва» накладывалась на любой объект, вне зависимости от размера, веса или природы. В одном романе я даже прочитала, что архимаг законсервировал морской бриз, чтобы насладиться им много лет спустя в особо жаркий и сухой полдень. Выдумка, конечно, сил на такое не хватит ни у кого из ныне рожденных магов, но обилие вариантов применения «комы» будоражило любопытную кошачью сущность.

Глаза ослепила вспышка, а проморгавшись, с удивлением обнаружила на полу надпись. Буквы с кривыми краями складывались в послание:

«Надо было просто попросить».

Рядом валялась запечатанная мензурка с алой жидкостью...

* * *

— Ноэми, ты слушаешь?

— А?

Я встрепенулась, поспешно выплывая из воспоминаний, и уставилась на покрасневшее от холода лицо энтри. Вот тебе и хваленые инстинкты боевой парды!

— Я говорю, надо поменять план действий, — повторил Салли Грэм, как-то очень понимающе улыбнувшись. — Если этот лес и дорога когда-то видели разбойников, то ждать появления вооруженной шайки сейчас немного глупо. Ни один здравомыслящий бандит не выйдет на дело без точных сведений.

— И что предлагаешь?

Салли Грэм мне нравился. Умный, но без выпендрежа. Ушастый и большеротый, но в целом гармонично-симпатичный. В меру стеснительный и крайне наблюдательный парень считался мозговым центром нашей банды повязанных на крови. Жаль, что перед тем, как выдать гениальную идею, Салли требовалось все хорошенько обмозговать...

Грэм придвинулся ближе и зачастил:

— Пусть кто-то сбегает в соседний поселок, наймет экипаж и телегу, между делом пустив слух о карете младшего наследника престола, груженной таким количеством добра, что лопнули обода у колес. Обязательно обмолвиться, что сам принц с телохранителем не стали мерзнуть на обочине и отправились в «Черные когти»...

Я непроизвольно кивнула, ведь психов связываться с лучшим

мечником или быть обвиненными в покушении на представителя королевского рода среди разбойников наверняка бы не нашлось, а так есть неплохие шансы поймать добычу на живца.

— ...заляжем на соседнем повороте, — продолжал Салли, поправляя меховую шапку, сползшую почти до бровей. — Устроим на дороге и в ближайших кустах пару ловушек, отправим обратной в патруль, на случай если разбойники выйдут из леса, а не из деревни. Том сотворит иллюзию, ты с Оливером подпитаешь ее магией...

Опять киваю, мы с Оливером не ахти какие боевые маги, поэтому предпочитаем физический бой, так что нам потерять резерв не так страшно, как другим.

— ...Гуд перенастраивает семейный артефакт для переноса к «Черным когтям». Энтони лично знаком с Морлоками, поэтому против нашего появления у ворот замка никто возражать не будет, а уж если с нами перенесется парочка нерасторопных разбойников, то и по морде дать помогут.

В этот раз я не кивала, я с подозрением косилась на Салли, нутром чуя притаившийся подвох. Ну не может все быть так гладко! Не с нами так точно!

«Мозговой центр», кажется, понял мое недоверие и деловито уточнил:

— Список написать или так запомнишь?

— Зачем? — не поняла я.

— Ну как же! — искренне удивился Салли. — Тебе же сейчас лезть на дерево и пересказывать все Джерому. Или рассчитываешь на память?

Представила, как выбираюсь из теплой одежды, оборачиваюсь и карабкаюсь на дерево. Как там, среди скользких веток, ищу Джерома, как, дрожа от холода, пересказываю гениальный план, и окончательно сникла.

— Салли, а иди-ка ты со своей просьбой... к Шархану! У него и мех, и шкура потолще моей, и пофигизм, возведенный в превосходную степень.

— А может, ты...

— А я хрупкая девушка! — отчеканила с таким видом, что «мозговой центр» не стал больше спорить и уговаривать.

Тихонько бурча себе что-то под нос, Салли пополз к развалившемуся у дерева тигру, я же посмотрела на темнеющее над головой небо с кругляшом луны и поплотнее закуталась. Романтический квартет — парда, сугроб, луна и насморк — разбил внезапно вылезший из кустов бородатый мужик.

Глава 7. Зимняя практика

Опешили оба. Причем настолько, что мужик приветливо кивнул (видать, принял за своего), а я в кои-то веки вспомнила о воспитании и поднялась из сугроба, чтобы изобразить реверанс. Со стороны пируэт представлял собой жалкое зрелище. Мешали многочисленные слои одежды, к тому же сидение на одном месте ради экономии тепла привело к тому, что ноги затекли и наотрез отказались распрямляться.

— А чтоб тебя! — рыкнула я, падая обратно.

— Подсобить? — участливо предложил бородач.

— Да ни! — неожиданно прорезался во мне деревенский говорок. — Малек пострадаю и само отпустит.

Собеседник покивал, соглашаясь с ходом моих мыслей. Одетый в толстый тулуп, с притороченным к поясу топориком, ватные штаны и снегоступы, привязанные к валенкам, он походил на сказочного «дядько Морозку» из сказки, если бы не хитро поблескивающие глаза и легкий дух пива. Сомневаюсь, что сказочные герои детства коротают вечера в корчме.

Отбросив бредовые мысли, я свежим взглядом окинула бородача и по кривой нашивке поваленной елочки на правом плече признала в нем местного егеря, тот в свою очередь принял меня за потеряшку, но справедливо решил: раз помощи не просит, то можно идти по своим делам. Мы уже подошли к той черте разговора, за которой следует прощание с последующим расставанием, когда морозную тишину вечера прорезал тоскливый волчий вой, оборвавшийся испуганным тьяканьем. Я даже удивиться не успела, с чего вдруг в Лиаме прорезался истеричный щенок, как с ближайшей ветки на мужика обрушился сугроб.

— Ноэми, в сторону! — крикнул сугроб голосом Джерома, но я даже не шелохнулась, потрясенно глядя на приятеля.

Батюшки! Эк нашего Светлого принца снегом занесло и сосульками приморозило! А все почему? Потому что не фиг шляться где попало вместо того, чтобы сидеть с коллективом в засаде.

Кряхтя и охая, егеря попытался спихнуть с себя тщедушного юношу, но малость просчитался, и кулак в толстой варежке ударил принца Райвиля под дых. Младший наследник ахнул от неожиданности, но засидевшиеся мученики факультета закрытых знаний посчитали, что это сигнал к действию, и бросились на помощь.

Вот я уже давно поняла, что помощь бывает двух видов: «спасибо,

выручил» и «уж лучше бы я сам». Утробно рыча, из кустов вылетел Шархай, намереваясь одним мощным ударом лапы прибить бородатого обидчика. Полосатый просто не мог предвидеть, что кто-то из подпевал принца зашвырнет в нашу сторону парализующим заклинанием, то срикошетит о ствол и ударит точнехонько по оборотню. Сдавленно мяукнув, тигр отлетел в сторону и неподвижным кулем рухнул в снег.

— Я иду! — выкрикнул Том Митчел, проламываясь сквозь кусты орешника.

Даже ветки сообразили, что соваться в гущу событий не следует, но не Митчел. Всегда полусонные глаза парня горели азартом и чувством подвига, в руках стремительно формировалось заклинание. Шархай считал его лучшим боевым магом из нас. Уж лучше бы Том считался еще одним умником в команде, а погляжу, мозгов нам просто катастрофически не достаёт. Почему я так сурова? Потому что только идиот станет колдовать, предварительно не сняв с рук перчатки!

Вырвавшееся заклинание заметалось над нашими головами голубой молнией, прошибая толстенные стволы, словно тонкий картон, ища и не находя жертвы.

— Ложись! — крикнул Том, падая на землю и предусмотрительно прикрывая голову руками.

— Прибью! — пообещал Джером.

— ...! — выругался егерь, от испуга вцепившись в лежащего на нем принца.

— Полный ...!!! — присоединилась я, падая и перекатываясь в сторону, чтобы не попасть под падающее дерево.

Надо отдать Митчелу должное. Боевик из него получился и в самом деле очень сильный. Голубая молния расчистила подлесок, где мы столь опрометчиво устроили засаду на разбойников. Поваленные деревья образовывали полукруг, в центре которого торчала одинокая березка, под ней, отчаянно цепляясь друг за друга, лежали несчастный егерь и злой, как полосатая гарпия, принц.

— Все живы? — уточнил Том, выползающий из-под кроны поваленной сосны.

— Все! — рывкнул вскочивший на ноги Джером. — Но, кажется, кое-кого сейчас не досчитаемся.

Митчел попятился, споткнулся о ветку и осел в снег. Вовремя. Описав кривую дугу, аккуратно в том месте, где еще недавно была голова Тома, в воздухе мелькнула зеленая клякса и с шипением плюхнулась на землю, протопив снег до коричневого слоя опавшей листвы. Мы даже в себя

прийти не успели, как следом за явно кислотным плевком на только что образовавшуюся полянку выскочил некогда белый, а теперь грязный и местами в подпалинах волк.

— Что случилось?

Но Лиам не ответил. За него это сделала появившаяся из леса тварь.

Создавая эту особь, кто-то из богов решил поэкспериментировать. Причем эксперимент творился с большого бодуна, ведь только это могло объяснить, почему богу пришло в голову смешать в одной пробирке гены паука, королевской кобры, крокодила и волка. От паука существу достались четыре пары членистоногих ножек, от волка — тело, от крокодила — клыкастая голова, от кобры — извивающийся полосатый хвост и привычка плевать ядом. Хотя, возможно, что последнее качество бог позаимствовал у любимой свекрови...

Объявив собравшимся о своем присутствии громким ревом, неизвестная науке тварь рванулась вперед. Метнувшийся наперерез Том с присущей аристократам грацией ласточкой полетел на поваленную крону. Кто-то пнул в монстра огнем, но огонь просто стек с волчьей шкуры, не причинив гадине вреда, а вот тот, кто догадался метнуть в несущуюся тварь банальную сеть, не прогадал. Длинные лапки запутались в ячейках сетки, и тварюшка была вынуждена сменить стремительный бег на попытки перегрызть веревочные пути.

— Милочка, да по тебе бестиарий плачет! — заявила Гуля, кружа над врагом.

«Милочка» обиделась, запальчиво вскинула клыкастую пасть и метко плюнула, и я, конечно, не эксперт в крокодильей мимике, но готова поклясться хвостом Шархая (а что? он же все равно в отключке), что на зеленой морде отразилось презрение. Мол, крылатая и говорящая каменюка, уж ты-то бы могла и промолчать про бестиарий!

Перекатившись под защиту кроны, я начала поспешную трансформацию, срывая с себя тридцать три одежды, поддетые ради утепления, как вдруг заметила, что змеиный хвост ведет себя крайне подозрительно. Вместо того, чтобы бить кончиком по земле от предвкушения и азарта охоты, как это бывает у кошек, или стоять торчком, как у агрессивных кобелей, или причудливо изгибаться, как и положено приличным кобрам, хвост безвольно болтался.

Нет, приличные части тела себя так не ведут. Остановив трансформацию и дергание ногами, в попытке снять валенки без помощи рук, я пригляделась и таки заметила ещё парочку нестыковок в поведении противника, а уж когда тот под сдвоенной атакой кого-то из парней пошел

едва заметной рябью, то вообще встала, отряхнула налипший снег и преспокойно уселась на стол.

Гуля спикировала с неба и деловито устроилась рядом.

— Нет, я и раньше знала, что долгое бездействие крайне негативно влияет на интеллектуальные способности, но чтобы настолько отупеть...

Я пожала плечами и вспомнила, что в кармане завалилась пачка печенья.

* * *

В комнату без стука вошел высокий воин с тонким золотым ободком, скрепляющим темные волосы, беззвучно прикрыл дверь и застыл, глядя на хозяина кабинета. Не поднимая головы от документов, Итон щелкнул пальцами, отсылая секретарю просьбу принести кофе на две персоны, и буркнул:

— Постучать забыл.

Декан факультета закрытых знаний издал язвительный смешок.

— Зачем? Ты же слышишь звон моих любовных побрякушек за версту.

— Слышу. — Ректор кивнул. — И эта немзыкальная какофония жутко меня нервирует.

— Потерпишь, — отмахнулся Маккалич, проходя и устало опираясь на спинку кресла локтями.

Первый меч королевства не изменил своей привычке выглядеть безукоризненно в любой ситуации. Несмотря на три полубессонные ночи, многочасовые тренировки с Джеромом, и общее переутомление, Дерен выглядел идеально. Темно-синий костюм, белоснежная рубашка с шейным платком цвета стали и запах дорогого парфюма.

— Дети в относительной безопасности.

Итон отложил документы и нахмурился.

— Относительной?

— Прости, Итон, но я не верю, что под надзором Ши-Вана и Гули дети будут в полной безопасности, — с улыбкой пояснил декан факультета закрытых знаний, обходя и устраиваясь в кресле.

— Не волнуйся, Айрис за всеми присмотрит, — «утешил» собеседника Итон, проигнорировал выражение крайнего скепсиса на лице телохранителя принца и уточнил: — с Морлоками проблем не возникло?

Маккалич чуть поморщился, снял с рукава видимый только ему волос, и сухо отчитался:

— Проблем не было. Как только Морлоки узнали, по чьей просьбе я прибыл, то на радостях предоставили не только крыло замка, но и собственную охрану. В крепости усилят и выставят дополнительные отряды дозорных, казармы пополнятся воинами из запаса, в крыле принца перепроверят не только уровень комфорта, но и магические контуры. Зная скупость и ту неохоту, с которой представители этой известной в Аристалии фамилии идут навстречу королевским семьям, у меня назрел вопрос — что такого ты сделал для Морлоков, раз они так расстарались?

— Спас жизнь наследнику.

Итон сказал об этом, как о ничего не значащем и даже досадном инциденте, случившемся в далеком прошлом, вот только Маккалич все равно напрягся. Сколько ещё семей Аристалии бывший капитан королевского флота успел выручить или спасти? И что будет, если однажды ему придёт в голову потребовать вернуть долг у всех разом?

— Что с лицом, Дерен? Еще немного, и я поверю, что у тебя острое отравление.

Ректор пытался запихнуть пухлую папку с кривой пометкой «бухгалтерия» в верхний ящик стола. Папка категорически не хотела вписываться в тесное нутро, Итон с упрямством руководителя настаивал. И вот в этот крайне напряженный для начальства момент Дерен заявил:

— Я хочу вывести Памелу из команды.

Итон замер, перевел на собеседника тяжелый взгляд и вкрадчиво поинтересовался:

— Спятил? Она невеста принца. Будущая королева.

— Она не переживет еще одного покушения! — неожиданно вышел из себя первый меч королевства, славившийся на все королевство постельными утехами, мастерством владения холодным оружием и стопроцентной выдержкой.

Видя, что последнее дало трещину, Итон отложил на время помилованную папку и кивнул:

— Хорошо, я подумаю.

* * *

— М-да... — протянула я, глядя на то, как очухавшийся Шархай, воинственно рыча, кидается на монстра, едва не сбив Джерома с ног. — С такой командой и наемники не нужны.

— Укокошат и не заметят, — согласно кивнула каменная вредина.

Пока остальные бились не на жизнь, а на смерть с фантомом, мы с Гулей прохладжались в сторонке, методично уничтожая печенье и ехидно комментируя происходящее.

— Ваааа! — взревел фантом, а я с уважением уставилась на монстра.

— Открой я так широко пасть, заработала бы вывих, — с нескрываемой завистью шепнула зависшей рядом Гули.

Словно услышав комментарий, пауко-волко-кобр развернулся к нам.

Зверюга раззявила крокодилюю пасть и плотоядно скалилась во все сотни три клыков. Нет, возможно, я и обсчиталась на десяток-другой, но на общем впечатлении это не сказалось. Кошачьи боги, это сколько же терпенья должно быть у стоматолога, чтобы принять такого нервного пациента?

Пока я предавалась задумчивому созерцанию чужой челюсти, Джером ударился в панику.

— Ноэми, в сторону! — зло проорало маменькино величество.

Ага, вот прям бегу и падаю.

Я грациозно поднялась, величественно кивнула горгулье и уставилась на фантом.

— Плохой! Плохой котик!

Монстр поперхнулся рыком, возмущённо глянул на охамевшую добычу (видать, не особо обрадовался званию «котика»), и метко плюнул. Быть оплеванной я наотрез отказалась, успев отскочить и закатиться зверюге под брюхо, а дальше... Дальше удача отвернулась от черной кошки и переметнулась в стан врага. Поправ все законы природы, эта гадина умудрилась извернуть заднюю конечность под немислимым углом и наподдать гордой и отважной парде по мягкому месту.

— И! — совсем по-девчачьи взвизгнула «гордая и отважная», проехав по снегу метр и тюкнувшись буйной головушкой о поваленный ствол.

Подхватив валяющийся на снегу сук, не глядя зашвырнула назад, а услышав характерный хруст дерева, с недоумением обернулась. Неужели попала?

Монстр, до глубины души пораженный моим коварством, выплюнул невкусную каку, освобождая пасть для свежего мяса, и взревев, бросился в атаку.

Выждав момент, я подпрыгнула и, используя членистую ногу в качестве опоры, красивой ласточкой взлетела на спину зверя. По уму фантом уничтожался точно так же, как его живой аналог. То есть будь перед нами паук-переросток, достаточно замахнуть тапком, но как уничтожить пауко-волко-кобра с башкой крокодила?

— Меч! Мне нужен меч! — крикнула Джерому, атакующему тварь, и тут же пожалела, так как на просьбу откликнулись все присутствующие на поляне воины и даже те, кто просто прятался за стволами деревьев.

Испуганно вжалась в мохнатую спину твари и, переждав, свист пролетающих над головой мечей, топора и одного отравленного кинжала, выпрямилась и зло рявкнула:

— Идиоты!

— Вааа!!! — поддержал меня противник и загарцевал, аки ретивый бычок по весне.

Чертыхнувшись и инстинктивно сжав ногами волчьего бока, я выпустила когти. Бритвенно-острые, они с легкостью пропороли кожу, очень тонкую в стыке крокодильей головушки и мохнатой шеи. Подоспевший на подмогу Джером перерубил паучьи лапки, и монстр брякнулся на снег, а рядом, орошая белое полотно ярко-алой кровью, упала открученная голова. Стряхнув с пальцев кровь и на всякий случай протерев ладони снегом (мало ли что ещё у этой тварюшки отравлено), сползла с поверженного врага и на мелко подрагивающих от перенапряжения ногах побрела к ребятам.

— Ты в порядке? — уточнил наш бравый принц, обнимая и прижимая меня к своему теплему боку.

— Как видишь! — усмехнулась я, рассматривая растущую прямо на глазах шишку аккуратно посередине высокого лба младшего наследника престола.

Салли присел рядом с неизвестным бестиариям видом, поднял руки над остывающим телом и запустил сканирование.

— Ребята, да это же фантом! — потрясенно выкрикнул он через полминуты.

— А ты думал, мы вам настоящую зверушку подсунем? — язвительно уточнила зависающая в воздухе горгулья, хохотнула и позвала:

— Марти-и-ик, выходи!

И он вышел. Очень высокий. Опасный. И хохочущий во всю мощь немаленьких легких!

— Ох, видели бы вы свои рожи со стороны! — утирая выступившие слезы, выдавил маг. — Пардочка, а ты просто во!

Я оценила поднятый вверх большой палец и улыбнулась. С этим здоровяком мы точно подружимся. А вот остальные моего теплого чувства к магу не разделяли. Заподозрив в нем очередного тирана и садиста, скрывающегося под словосочетанием «новый преподаватель», понурая и сопливая команда принца сгрудилась в кучку вокруг Джерома и

укоризненно поглядывала на отщепенцев: горгулью (эта крылатая вредина перекочевала на плечо здоровяка и принялась что-то отмечать на листочке со страшным словом «ведомость»), лесничего (мужичок от страха перед доселе не виданным в исхоженных лесах зверем умудрился вкопаться в сугроб и теперь пребывал в сомнениях — вылезать или дожидаться, пока чокнутые студенты свалят куда подальше) и, конечно же, меня.

Тихонько мурлыкая и жмурясь от удовольствия, я предавалась мечтам, как выпытаю у Мартика структуру такой стабильной иллюзии. Нет, такую огромную зверюгу я со своим скудным резервом не потяну, но сотворить миниатюрного пауко-волко-кобра с башкой крокодила вполне себе в состоянии. В конце концов в рукаве каждой женщины должен быть козырной туз на случай срочной мести конкурентке. И пусть конкуренток пока даже на горизонте нет, но перестраховаться не грех. Инстинкты подсказывали, что особенно наивные и легкомысленные парды долго не живут, а я привыкла верить кошачьей сущности.

Пока я думала, можно ли избавиться от змеиного хвоста (уж больно противный) или фантом стабилен только с таким набором, Мартик придирчиво оглядел нашу разношерстную группу и нахмурился.

— Гуля, да этих соплежув не учить, а лечить нужно!

— Не парься, я знаю чудесного некроманта с обширной практикой работы, — отмахнулась горгулья. — До ужина всего-то час остался, подумай, чуток погуляют на свежем воздухе, разомнутся...

— Садистка! — с чувством выдал Мартик, заслужив в моих глазах плюс пять баллов к карме.

Не слушая увещевания Гули, что мы «ого-го какие выносливые» и «да на этих симулянтах пахать и пахать можно», здоровяк велел нам построиться и открыл портал.

«Черные когти» встретили нас высокими воротами, неприступными стенами и отрядом воинов, до того мрачных, что даже я малость струхнула, что уж говорить про остальных. Лучше всего держались Джером со своей тройкой подпевал. Аристократы, что с них взять? Эти рождаются с непробиваемыми щитами из надменности и высокомерия.

Пришедшие из портала последними Мартик с Гулей громко спорили.

— Не балуй мне молодежь! — возмущалась горгулья. — Им еще сегодня контрольную по природным ядам писать.

«Молодежь» издала дружный стон. Мысленно, ибо позориться перед чужой стражей никто не хотел, и непроизвольно покосилась на нового знакомого.

— Напишут они твою контрольную, не переживай, — со смешком

выдал тот. — Но сперва примут ванную, разложат вещи и переоденутся.

Крылатая хотела было возразить, но не успела, мы дружно поддержали предложение Мартика и со счастливыми улыбками бросились следом за магом к замку.

Выделенная мне комната оказалась маленькой, темной, зато с глубокой ванной на ножках и широким, удобным для чтения и работы подоконником. Сумки с учебниками и одеждой уже стояли рядом с дверцами встроенного шкафа, а на невысокой кровати лежали две стопочки с чистыми полотенцами и мягким пледом. Стянув с себя большую часть одежды, я схватила полотенца и рванула в ванну. Горячая вода, душистое мыло и полчаса относительного спокойствия привели меня в благодушное состояние духа, которое тотчас улетучилось, едва я, замотанная в одно полотенце, с мокрыми волосами, разметавшими по голым плечам, покинула ванну.

— А ты что тут делаешь?!

От моего возмущенного вопля задрожали стекла, испуганно шелохнулась занавеска, утихли слуги, прибирающие в коридоре, и поджал листочки магический гримуар. А вот Лиаму хоть бы хны! Развалился на светло-коричневом покрывале предназначенной мне кровати, подушечки (старательно взбитые горничными опять-таки для меня) под голову подложил и с самым независимым видом читает конспект по природным ядам. Я скосила глаза на распотрошенную сумку с учебниками, которую зачаровала от взлома вот такими вот наглыми и беспринципными личностями, но кое-кто обошел защиту.

Джером как-то обмолвился, что, в отличие от кошек, ценящих независимость, волкам необходима стая. Это их стержень, магнит и сила. Лиаму не повезло, он родился в приговоренной стае. Всех соплеменников хвостатого казнили по решению суда, но новорожденного волчонка пощадили. Обычно каннисы без стаи достаточно быстро чахнут и умирают. Но не Лиам.

Волчонок оказался магом крови. Сильным и... упрямым. Собственный дар удерживает его в этом мире, вопреки инстинктам. Поэтому инстинкты подстраиваются под хозяина.

— Думаю, что в итоге инстинкт возьмет вверх над разумом, и Лиам станет считать своей стаей нашу разношерстую компанию. Всех нас.

Услышав эту дикость, я хохотала минут десять. Зато теперь, увидев развалившегося на моей кровати волчонка, напряглась. Что если инстинкты хвостатого уже приняли меня в стаю? Ну там троюродной сестренкой по бабушкиной линии. Или внучатая племянница единоутробной сестры

двоюродного дяди.

Свят, свят, свят! Уберегите, кошачьи боги, меня от такой перспективы!

— Лиам!!!

И если вопль волчонок проигнорировал, то игнорировать рык взбешенной парды не стал.

— Ноэми, не рычи, а то денег не будет, — дружелюбно оскалился он.

Я закатила глаза, демонстрируя весь спектр эмоций, подошла к кровати, выдернула из рук оборотня тетрадь и подняла брови.

— Ну? Зачем пожаловал?

Лиам сел и развел руками.

— Повторить по твоему конспекту...

— Пф! Волчонок, кому ты сказки рассказываешь? Благодаря нюху и инстинктам оборотни прекрасно разбираются в растительных ядах.

— Эмм... Хотел списать лабораторку по чарованию камней?

— И снова мимо! Ты свою сдал еще четыре дня назад. Откуда знаю? Так мне ее в качестве образца подсунули, чтобы я могла переделать свою.

Лиам вздохнул, поковырял прореху на коленке вытянутых домашних штанов и через силу выдавил:

— Хотел выкрасть одну из записных книжек твоей бабушки.

Секунду я буравила взглядом его короткий ежик волос на опущенной голове и поникшие плечи. Оценила глубоко несчастное выражение праведника, покаявшегося в неблаговидном поступке, отметила великолепную актерскую игру и фыркнула.

— Ой, оставь эту малобюджетную игру для театрального кружка! Просто и четко: зачем приперся?

Лиам вскинул голову, сердито блеснул глазами и буркнул:

— Хотел тебя понюхать.

Абсурд, но вот эта версия звучит вполне логично.

— Просто так? — Я подозрительно сощурилась. — Или есть причина?

Волчонок поднялся с кровати, но подойти ближе не решился и с видом гонца, принесшего дурную весть, сообщил:

— У тебя изменился запах.

До боли прикусив губу, я закрыла глаза и сделала глубокий вдох. Спокойно, Ноэми, без паники. Еще ничего не точно. Один нос не доказательство. Но какое там. Руки, придерживающие край полотенца, внезапно задрожали, а к глазам подкатила обжигающая волна слез.

— Давно? — хрипло выдавила после продолжительной паузы.

— Сегодня крайняя фаза.

Я резко отвернулась, чтобы каннис не увидел двух влажных дорожек,

побежавшим по моим щекам. Парды не плачут. Парды с достоинством принимают как подарки судьбы, так и тот факт, что рано или поздно смерть отнимет у тебя близких. Нет, парды не плачут. Даже если умирают их половинки. Истинные пары.

Воздух над моим правым плечом едва ощутимо колыхнулся, словно стоящий за моей спиной каннис хотел дружески тронуть меня, но в последнюю секунду передумав, отдернул руку.

— Хочешь... Хочешь, я позову кого-нибудь? — тихо предложил Лиам, но я покачала головой.

Дверь в комнату открылась и тихо щелкнула, оставляя меня наедине с моим горем. Что делают расстроенные девушки, потеряв любимого кота? Правильно, падают на кровать и глушат рыдания, уткнув лицо в подушку. Что сделала я? Вытерла слезы и полезла к сумке с вещами. Где-то там на случай внезапной депрессии была заныканная шоколадка. Горькая, как и мое горе.

Щелкнув замочком, я заглянула в отделение сумки и непроизвольно пропоролла края когтями.

Блош с достоинством приподнялся на задних лапках, приветливо махнул рукой и, пользуясь тем, что шокированная его мышшиной наглостью парда застыла на месте, выбрался из сумки и спрыгнул на пол. Деловито оглядев комнату, этот наглый дух (кто его только к «добрым» причислил!) промаршировал к сумке с учебниками, пошуршал страничками тетрадей и выкатил пузырек с кровью Глошада.

— Пи! — укоризненно заявил хвостатый.

С трудом отцепив когти от пропоротой ткани, я с сожалением глянула на испорченную сумку и в сердцах бросила ее в Блоша. Сволочь. Даже поплакать не дал!

* * *

— Нет, Джед до почетного звания «мой идеал» не дотягивал по всем фронтам... — вдохновенно изливала я душу. — Вечно ворчал, пытался командовать, а пока жили в клане, так вообще продыху не давал из-за своей глупой ревности... И с ним же невозможно было общаться! Он игнорировал мое мнение, словно я безмозглая девчонка. Фикус на подоконнике. Решал и брал ответственность за двоих. Блош, да ты хоть представляешь, КАК это бесит?!

Дух молчал, демонстрируя такое уникальное для моего окружения

качество, как благоразумие.

— Я ведь поэтому и сбежала... — Печальный выдох. Вспышка миновала, и настроение снова вернулось к отметке «вселенская тоска с навязчивым желанием побиться головой об стену». — Эгоистка хренова. Хотела приключений. Хотела глотка свободы. Хотела узнать, чего стою, прежде чем вернуться к своему леопарду и зажить долго и счастливо, а теперь... Теперь мне не к кому возвращаться.

Отхлебнув из широкого горлышка бутылки домашнее вино, я облизнула губы и вопросительно уставилась на мышонка.

— Блош, как думаешь, если бы я позволила Джеду забрать меня домой, когда он приезжал, мой кот остался бы жив?

Мышиный батя, утомившийся и оголодавший не меньше моего, восседал на верхушке уложенных друг на друга сырных кругов и громко чавкал, с наслаждением вгрызаясь в дармовое лакомство.

На мой вопрос он прекратил жевать и сыто икнул.

— Вот и я не знаю.

Отсалютовав собеседнику пыльной бутылкой, я зажмурилась и сделала еще пару глотков.

Спасаясь от осознания потери Джеда, я с головой нырнула в структурный анализ крови Глошада. Побег удался на славу. Уж не знаю, каким точно заклинанием приложили старшего принца во время покушения, но его суть заключалась в том, чтобы максимально ослабить концентрацию в процессе общения. То есть вот ты прекрасно соображаешь, но как только приходит время открыть рот и высказаться — бах! — и полный ступор.

На эту идею меня натолкнула наша коротенькая встреча в покоях принца. Глошад не сводил с меня взгляд, пытаюсь выдавить злосчастное: «Мими». Думаю, доверься Глош придворным магам, те, попыхтев, достаточно быстро вычислили бы и устранили проблему, но принц все эти годы партизанил. То ли имел причины не доверять, то ли там ещё какой неочевидный пока мотив.

Зная, где искать, я очень быстро обнаружила магический блокиратор, действующий на нужные зоны коры головного мозга, и с превеликой осторожностью сняла стопор.

— Ну, надеюсь, все получилось, — сказала вслух, потом глянула в чернильный мрак глубокой ночи за окном и вспомнила, что, заработавшись, пропустила ужин.

— Блош, ты кушать хочешь?

Собственно, с этой фразы и начался наш ночной рейд.

Кладовку, где хранились запасы сыра и вина, мы обнаружили случайно. Вообще-то изначально шли мы на кухню с благородной миссией спасти от одиночества оставленные там продукты, но заглянув сюда, переглянулись и решили больше не блуждать в гулких коридорах замка.

Блош посеменил к пирамидке из заморских сыров (хочется верить, что бледно-синяя плесень — это все-таки признак эксклюзивности, а не что-то похуже), я же танцующей походкой босоногой парды пошлепала к ящикам с винами.

Поддев когтями деревянную крышку ближайшего, придирчиво оглядела пузатые бока бутылок, заботливо переложенных соломой и душистыми травами, вспомнила, что не разбираюсь в этом добре, соответственно, насыщенность послевкусия оценить буду не в состоянии, и решила чуток побыть приличной кошкой. То есть ударом кулака приколотила крышку обратно и пошла на поиски чего попроще, а обнаружив в самом уголке кладовки полку с пыльным рядком домашнего самопала, прихватила пару бутылок и села на покосившийся ящик.

Нет, достойной алкогольвицы из меня никогда не получится. Пить я не то чтобы не умею, скорее, не хочу. Обратни более чувствительны к алкоголю, но если кому-то вкус крепких напитков нравится или оставляет равнодушным, то меня каждый раз воротит от этого жуткого привкуса и горечи.

Но я отнеслась к красноватому напитку как к лекарству. Горькое, зато помогает. И действительно, помогло, всего десять глотков на голодный желудок, и парду понесло...

Я говорила и говорила. Вспоминала шутки Джеда, его улыбку и запах, от которого подгибались колени и кружилась голова. Рычала и скребла когтями по бутылке, едва в веренице образов оказывались сцены ревности, недоверия и упрямства моего пятнистого ухажера. Но не плакала...

В какой-то момент Блош спохватился, что молодой и голодный организм не сможет дать достойный отпор алкоголю, и стал таскать мне кусочки сыра на закуску, но оказалось, что поздно. Меня уже потянуло на подвиги.

— Я должна найти его! Точнее, его убийц, и покарать этих мерзавцев! — Язык заплетался, но я была полна решимости. — Точно, вот прямо сейчас пойду к Джерому и отпрошусь на недельку-другую. Вендетта важнее какой-то там подготовки.

Подкрепляя слова делом, я вскочила, покачнулась, едва не завалившись обратно, но все-таки устояла. Блош громко запищал, вертясь под ногами.

— Сам дурак! — рявкнула я и, прихватив для храбрости початую бутылку, двинулась к выходу.

Однако после десяти минут блужданий по пустынному коридору пришлось капитулировать и привалиться спиной к статуе какой-то крылатой девицы. Не то богиня, не то нимфа, не то муза. В темноте хрен поймешь!

Допив вино, я покрутила пустую тару в руках и, хихикая, начала творить непотребства. Вот прислуга и хозяева замка изумятся, узрев с утра пораньше в руке каменной девы бутылку. Блош, влезший на макушку статуи, что-то осуждающе вещал, явно не одобряя мой творческий порыв, но я абстрагировалась от въедливого писка и следовала пьяному порыву души.

— Изысканно. И как раз в твоём духе, Мими.

Выглянув из-за головы статуи, я сосредоточилась на силуэте приближающегося мужчины. Кого там так некстати нелегкая принесла? Плечи широкие, рост высокий, шаг мягкий. Из-за правого плеча торчит рукоять меча, к поясу пристегнут крюк со смотанными витками веревки.

Маккалич? Ши-ван? Мартик? Эмм... Итон-Бенедикт?!

Легкий сквозняк, донесший до меня слабый аромат знакомого запаха, расставил все на свои полочки, заставив оглушительно завизжать и броситься вперед.

— Джед!!!

Я с разбегу запрыгнула на него, обняв руками за шею и крепко сжав ногами бедра. Уткнувшись в шею, уловила до боли знакомый запах с нотками корицы, тут же подняла голову и с жадной внимательностью уставилась в золотистые глаза и радостно улыбнулась.

Нет, ну ничегошеньки меня жизнь не учит. Да мало ли что там Лиаму почудилось. Он же каннис. С него станется «подшутить» над доверчивой кошкой.

Джед, живой и невредимый, лукаво улыбнулся и тихо шепнул хорошо знакомое:

— Мне нравилась твоя улыбка.

Я была так рада, что даже не сразу обратила внимание на прошедшее время, скользнувшее в его фразе. Джед сжал меня в объятьях, но вместо кокетливого мурлыканья кошачья сущность оскалилась и зашипела. Моя человеческая составляющая еще тупо хлопала ресницами, глядя в хорошо знакомое лицо любимого кота, а звериное подсознание уже запустило трансформацию в боевую форму.

— Хватит играть! Уходим, — послышался за спиной резкий оклик.

Голос принадлежал молодой женщине и казался смутно знакомым, я как раз чуть повернула голову, чтобы разглядеть, кто же там, но не успела. Джед перехватил мое горло и сжал.

Руки любимого не могут предать — так я думала раньше. Каким бы опасным не считали Джеда окружающие, мне он никогда не причинит вреда — полагала я. Его любовь ко мне безусловна — верила я.

Покусанный каннис, как же я была наивна!

Лицо оборотня стало жестче, черты заострились, в глазах застыл холод. Я смотрела в лицо профессионального убийцы, а не любимого кота.

— Джед! — испуганно выдохнула, не веря глазам.

— Ничего не могу поделать, дорогая, — оскалился тот. — Приказ есть приказ.

Пальцы сжались в тиски, я засипела, машинально хватаясь за его руку в попытке убрать, но в подобной ситуации даже у муравья, на которого сел слон, больше шансов выжить, чем у парды, оказавшейся в руках Устранителя.

Я билась и сопротивлялась до последнего, пока темнота забвенья окончательно не прибрала меня в свои объятия, и маленькой черной кошечки Ноэми Вейрис не стало...

Глава 8. А тот, кто много говорит, на самом деле ничего не знает и всё узнаёт на горьком опыте

Катрин презрительно глянула на мертвое тело своего покорного любовника, отточенным жестом откинула тяжелые волосы глубокого черного цвета за спину и усмехнулась.

— Нет, нельзя быть таким доверчивым, — пожурила она мертвеца.

Начальник сторожевого гарнизона слепо таращился в каменный свод башни. Ответить своей любовнице он оказался не в состоянии. Парда расправила плечи, переступила через тело неудачника и пошла по коридору, небрежно подбрасывая на холеной ладони кристалл управления системой безопасности «Черных когтей».

Катрин обожала свою усовершенствованную магию крови. В прошлом хитрую интриганку подвели множество раз: обстоятельства, марионетки, союзники, наемники, любовники, оружие и даже короли, но магия крови — никогда. Женщина представила лицо Лили Вейрис, когда та поймет, что большая часть ее наработок уже давно скопирована и переработана Катрин.

Усмехнувшись, парда уверенно прошла до конца коридора, легко взбежала по ступенькам и вышла в жилое крыло. Нюх подсказывал, что впереди трое стражей, поисковик обнаружил магическую ловушку, здравый смысл — что надо дать возможность Джеду немного поразмяться.

Кошачья сущность утробно рыкнула, ощутив его приближение.

— Почему так долго? — капризно надув губы, спросила женщина.

Новая игрушка нравилась Катрин все больше. Сильный, смертоносный, взрывной и абсолютно покорный ее воле. Да, такой мужчина стоил всех ее усилий по перевоспитанию и разрыву связи истинной пары.

Оборотень приблизился, властно притянул свою госпожу и мягко укусил за нижнюю губу.

— Девочки нет в спальни, — прорычал он, и в этом рыке смешались животная страсть к самке и желание убийства. — Думаю, наш цепной пес Маккалич организовал для Памелы и ее брата местный лазарет и не отходит ни на шаг.

Катрин поморщилась. Главное неудобство при проклятье магически одаренных близнецов заключалось в том, что любая направленная на

одного из них магия делилась пополам, в то время как ответный удар брата и сестры был в четыре раза сильнее. Еще хорошо, что Итон оказался так сильно занят ее поисками и работой, что не присмотрелся к болезни, а лишь послушался совета Маккалича и переправил команду в защищенное место. Ее прошлые любовники даже не догадывались, что у хитрой парды имеется ключик в сердце неприступных «Черных когтей».

Чуть помедлив, Катрин прикинула, сколько времени потребуется для обнаружения захворавшей невесты принца, и решительно отстранилась от сильного тела Джеда.

— Расходимся, — велела кошка. — Найдешь цель, зови меня и открывай портал.

Леопард молча повиновался и скрылся в полутенях длинного коридора. Одно слово — Устранитель.

Парда перешла в боевую форму и бесшумно двинулась в противоположную сторону. Ей удалось обыскать пару этажей и избавиться от десятка свидетелей, прежде чем Джед подал сигнал. Переместившись и заведя девчонку на руках оборотня, Катрин довольно улыбнулась и прикрикнула.

— Хватит играть! Уходим.

Алая дымка портала с готовностью поглотила фигуру мужчины с бесчувственным телом жертвы и бросившуюся следом интриганку. То, что это не их цель, Катрин поняла, только когда они оказались в точке выхода.

— Кого ты принес! — не скрывая охватившего ее бешенства, зарычала женщина. — Это не наш объект!

Не особо церемонясь со своей ношей, оборотень скинул ненавистную Катрин девчонку на кровать и пристегнул к ее запястьям два браслета.

— Джед, ты помнишь мой приказ?! — воскликнула парда, хватая Устранителя за плечо и разворачивая к себе лицом. — Ты должен был найти и доставить сюда Памелу Райч, невесту принца. И я велела тебе убить Ноэми Вейрис, если ты встретишь девчонку на своем пути! В знак нашей любви и твоей преданности.

Оборотень хитро усмехнулся, золотистые глаза блеснули. На миг парде показалась, что ее перехитрили, что связь истинной пары не нарушена, что Джед вышел из-под ее контроля и обрел власть над ситуацией.

— Ничего не могу поделать, госпожа, — в его голосе звучала язвительная насмешка. — Приказ есть приказ.

Обманутая парда задохнулась от возмущения и злости. Кошачья сущность шипела и требовала выцарапать нахалу глаза, а после вырвать

сердце.

— Чей приказ? — беря себя в руки, нехотя процедила уязвленная женщина.

Устранитель щелкнул пальцами, закрывая Ноэми силовым полем, обошел свою госпожу и только на выходе из комнаты удостоил Катрин ответом:

— Приказ короля.

Женщина прикрыла глаза и грозно зарычала.

* * *

Легенда гласит, что седьмой по счету король Аристалии считался знатным шутником. Он любил переодеваться в простую одежду и бродить по улицам столицы. Особенно сильно монарху нравилось незаметно подсесть к компании пирующих бродяг или изысканно одетых аристократов, внимательно слушать, а после встать и сбросить маску в самый накаленный момент разговора.

Король делал это ради смеха. Эддар делает это ради великой цели.

Сложно оставаться неузнанным, когда твой профиль на каждой монете, еще сложнее незаметно уйти от вездесущей охраны и выбраться из замка.

Ночные улицы города оставались безлюдны и холодны, как сердце монарха. Нет, не годы и острым ум делают правителя закаленным и здоровым. Идеальные монархи получаются из тех королей, у кого внутри холод и пустота.

Выбравшись из нанятого мобиля, Эддар надвинул капюшон плаща ниже и неспешно двинулся вперед. Проходя мимо парковой статуи целующихся херувимов, мужчина внезапно вспомнил Саиру, и внутри все предательски сжалось от боли. Если бы она только осталась жива, если бы все ему рассказала, ему никогда бы не пришлось поступать так, как он планировал поступить.

Без происшествий добравшись до нужного дома, мужчина отворил кованую решетку ограды и поднялся по истертым ступеням. Джед уже ждал у входа, растворив дверь и почтительно склонившись, едва Эддар пересек узкое пространство крыльца.

Мужчины в полном молчании прошли вглубь дома и заговорили только, когда его величество снял теплый плащ и устроился в кресле гостинной.

— Рад встрече, — коротко бросил он оборотню. — Подробности?

Устранитель подобострастно остался стоять, словно мужчины находились не в обычном доме где-то на задворках столицы, а в тронном зале королевского дворца. Свет в доме не зажигали. Оборотням темнота не помеха, а привлекать взгляды ночных гуляк не хотелось.

— Вы, как всегда, оказались правы, — сдержанно начал Джед. — Я забрал Ноэми из Академии, но она отказалась возвращаться в клан и прибегла к силе магии крови. Я ненадолго отключился, а пришел в себя уже в подвале Катрин. Парда не смогла устоять перед соблазном сделать из королевского Устранителя постельную игрушку... Впрочем, вы это и так предвидели.

Король невесело улыбнулся и переплел озябшие после прогулки пальцы. Порой ему надоедало собственное умение просчитывать и предвидеть поступки других.

— Думаю, новость о том, что Катрин предала его светлость, так же не станет сенсацией.

— Я догадывался, что в какой-то момент собственные успехи и амбиции приведут парду к теневым играм. Роль двойного агента была лишь вопросом времени.

— О нет! — Джед коротко хохотнул. — Катрин не просто двойной агент, она троичная дрянь. Эта кошка умудрилась такого наворотить...

Пока оборотень докладывал о провинностях хитрой парды, Эддар пребывал в задумчивости. Казалось, что все преступления и заговоры хвостатой интриганки его не трогали. Волновало короля нечто совершенно иное.

Выслушав подробный отчет, мужчина неожиданно поднялся и приблизился к Устранителю.

— Я хочу задать тебе вопрос, Джед. Я задавал его ранее, но сейчас хочу повторить.

На смуглом лице короля как-то по — особому ярко загорелись глаза, в которых застыла неподдельная тревога и осуждение.

— Джед, ты всегда был лучшим в рядах моего маленького воинства. Преданный и стойкий, ты без колебаний выполнял приказы, оставаясь при этом большим человеком, чем многие чистокровные аристократы. Твои природные жестокость и жажда охоты удивительным образом гармонировали с глубокими чувствами к собственной паре. Каким-то непостижимым для меня образом ветреная упрямая девчонка не позволяла тебе скатиться в пропасть бесчувственного убийцы. И, признаться, я очень удивился твоему согласию подвергнуть эту связь испытаниям. Да, я

предупредил, что, соглашаясь на слезку, ты можешь потерять связующую вас нить. Честно сказал, что Катрин постарается разрушить узы истинной пары и может преуспеть в этом. Но понимал ли ты последствия своего добровольного согласия?

— Понимал, — глухо отозвался оборотень. — И у нее это получилось. Эддар отпрянул. Казалось, он был поражен.

— Вот как...

Джед резко выдохнул.

— Зачем рвать на себе шкуру? — зло выпалил он, на секунду забыв, с кем ведет этот неожиданный разговор по душам. — Зачем стараться привязать ту, что и так должна быть с тобой рядом? Мими сбежала от меня дважды, что доказывает: ее не устроит неволя.

Лицо леопарда приобрело застывшее выражение непоколебимой решительности, какое бывает только у каменных изваяний великих полководцев прошлого.

— Я посчитал, что свобода для нас двоих станет лучшим шансом все исправить, — признался он и добавил:

— Проблема в том, что я по — прежнему ее люблю.

В гостиной повисла минута молчания. Чуткий слух оборотней улавливал завывание ветра, скрипы и шорохи старого дома, а также приглушенные крики Катрин, мечущейся в подвале.

Вздохнув, король поднял руку, трижды похлопал оборотня по плечу и как ни в чем не бывало направился к секретеру.

— Готовься. В полночь к нам прибудет гость.

* * *

Моему пробуждению поспособствовал скандал.

Уж не знаю, что и с кем не поделила Памела, но орала соседка аки поросята в загоне. Нащупав под рукой первый попавшийся предмет, я не глядя швырнула в источник звука. Снаряд пролетел мимо цели (то ли я такая меткая, то ли вечно неповоротливая Памела в кои-то веки успела пригнуться), врезался в стену, отскочил и рухнул на пол.

Как ни странно, но промах возымел положительное действие, и в комнату пришла долгожданная тишина, а вместе с ней и тяжелейшее похмелье.

Кошачьи боги, как же хреново!

Клянусь, если я когда-нибудь вернусь в клан и встречу со своими

племянниками, то первым делом возьму с них честное кошачье, что они никогда-никогда-никогда не станут брать с меня пример. Да-да, вот так прямо и заявлю в очумевшие детские моськи:

— Котятки, ваша тетя тот ещё пример для подражания. В смысле, я, конечно, очень смелая, находчивая и удивительно живучая — тут ладно, тут вы смело можете на меня равняться, но в остальном никогда.

Хотя... лучше вообще не брать меня в качестве примера даже в случаях со смелой и находчивой. Потому что смелые и находчивые никогда не попадут в такую жо... в неприятности.

Жалобно застонав, я попыталась пошевелиться и насладилась всей полнотой гаммы чувств, приходящих после перепоя некачественными винами домашнего приготовления.

— Как же ты меня бесишь.

Судя по голосу, реально бесила. Я даже печально вздохнула. Вот иной раз стараешься, доводишь кого-то до бешенства, а он ну ни в какую. А тут и делать ничего не пришлось!

И как бы плохо мне сейчас не было, но женское тщеславие потребовало узнать неприятеля в лицо.

Реальность не порадовала. Во-первых, было темно, холодно и совершенно не соответствовало комнате в западной пристройке или апартаментам в «Черных когтях». Во-вторых, кошачья сущность как-то уж очень подозрительно молчала, не подавая признаков жизни. Вероятно, тоже отходила от алкогольного шока, ударившего по нашему неокрепшему организму. В-третьих, я ощущала в комнате чье-то присутствие, но хоть убей никак не могла понять, что за неясная тень притаилась в противоположном углу.

— Ты не заслужила такого кота, как Джед, — подала голос «тень». — Ты не заслуживаешь ни одного влюбленного в тебя мужчины.

— Вот чего я точно не заслуживаю, так это слушать с утра пораньше оскорбления в свой адрес. Да еще от всяких...

Окончание фразы оборвалось страдальческим стоном, потому что я предприняла титаническое усилие и осторожно села на постели. Голова тотчас превратилась в чугунный котелок, по которому дубасят палкой, в ушах зашумела кровь, а во рту возник крайне неприятный привкус подступающей тошноты.

Охнув, я обхватила голову руками, концентрируя сознание на скорейшую очистку организма от влитой в него пакости. Магия крови успешно взялась за дело, ускорив метаболизм. Боль немного утихла, зрение прояснилось.

— Пойдите-ка. А ведь мы уже встречались, — невесть чему обрадовалась я, фокусируя взгляд на смазанном из-за полумрака силуэте. — Вы та самая женщина, что пыталась уговорить Лили поделиться с ней своими разработками. Я по голосу узнала. А еще... — Я изобразила проницательный прищур. — Подозреваю, что вы и есть тот самый кукловод, что заставил Маккалича напасть на Джерома. Для справки, я ненавижу, когда меня душат. Нет, не то чтобы это случалось так уж часто, но все же... В следующий раз, когда решитесь на очередную неудачную попытку отправить мне к кошачьим прародителям, то выбирайте иное средство...

А еще при долгожданной встрече с племянками заставлю вызубрить правило: «Не беси взбешенную женщину». Моя соседка сделала несколько порывистых шагов, оказавшись в середине комнаты, и обожгла взглядом.

— Ты мне не нравишься, — последовало очередное заявление. — Тебе слишком везёт, а такие люди непроизвольно вызывают раздражение.

— Сказать по правде, у меня вы тоже не вызываете жгучего восторга, — фыркнула в ответ. — Но я-то не пытаюсь вас убить.

— Кишка тонка! — презрительно выпалила странная дамочка и вновь укрылась в своем уголке.

Ну да и ладно. Мне сейчас тоже не до разговоров.

Последнее, что припомнил пьяный мозг — лицо Джеда, сворачивающего мне шею. Потрогав многострадальную часть тела, убедилась, что все позвонки шейного отдела в первозданной целостности и сохранности, там, где им и положено находиться.

Хм, значит, леопард мне привиделся в пьяном угаре? Но тогда, как я очутилась в этой странной темной комнате с злобно сопящей женщиной в качестве соседки?

На всякий случай просканировала тело на другие скрытые травмы, а то мало ли. Сколько случаев, когда оборотень в пылу сражения не замечал стрелы в плече или копья, навывлет пробившего живот.

К счастью, неприятных сюрпризов не обнаружилось, зато пришло ощущение, что меня невесть как занесло в самый центр глобального побоища, и вот-вот протрубят сигнал «в атаку». Хуже того, запястья холодили два широких браслета из черного металла, подавляющих кошачью сущность, а вокруг кровати мерцал голубыми всполохами купол неизвестного заклятия.

«Как-то все очень паршиво», — невесело подумалось мне.

И, словно в ответ на эту мысль, дверь запела плохо смазанными петлями, впуская широкую полосу света и высокого мужчину. Мне не

потребовались ни кошачий нюх, ни острота зрения, ни притяжение истиной связи, чтобы узнать в нем Джеда. Вот только бурного восторга появление оборотня почему-то не вызвало.

Подобравшись, я неотрывно следила за тем, как Джед с отстраненным выражением лица и глаз пересекает комнату, по щелчку пальцев снимает окружающий меня полог и протягивает руку.

— Идем. Тебя ожидают.

— Кто?

— Увидишь.

Не очень-то похоже на разговор двух влюбленных, верно?

С сомнением глянув на мужскую ладонь, критически оценила свое состояние и решила не ерепениться раньше времени. Сильные пальцы стиснули запястье, рывком подняли и повели к выходу. Я ошарашенно таранилась в спину Джеда и не находила в нем ничего, что так любила раньше. Где сила и нежность, которые мне так нравились в нем? Где страсть и трепет? Где, в конце концов, его шикарная улыбка, от которой золотистые глаза начинали лучиться?

Надо собраться и взять себя в руки! А то ещё немного, и я начну строить фантастические теории о злом брате-близнеце или магических экспериментах с подселением души в мертвое тело!

Я так сильно была взволнована случившейся с Джедом метаморфозой, что не почувствовала ни полный ненависти взгляд воровки бабушкиных секретов, ни позу затаившейся хищницы. Не издав ни единого шороха, женщина бросилась вперед, целясь в мое лицо и горло.

Кошачья сущность зашипела, предупреждая об опасности, тело попыталось уклониться, но, лишенное быстроты реакции, опаздывало. Смертоносные когти противницы неумолимо приближались к цели, сердце отчаянно заколотилось о ребра, здравый смысл подвел итог. Мол, все, не видать тебе, Ноэми, племяшек, в этот раз ты точно добегаешь.

Джед метнулся в сторону, загораживая меня собой. Легко перехватил руку нападающей, играючи выкрутил назад. Пойманная в капкан рук брюнетка зло зашипела и попыталась лягнуть леопарда, но тот лишь усмехнулся, что-то едва слышно прошептал ей в лицо и грубо отшвырнул к стене.

— Ноэми, на выход!

Возражать я не стала.

Уж лучше тет-а-тет со своим похитителем, чем компания этой психованной дамочки. Кстати, а почему ей блокираторы не надели? Это же вообще нечестно!

Тем временем Джед подвел меня к лестнице и помог подняться (ну как помог, толкнул в спину и буркнул «поживее!»). Миновав узкий коридор, мы прошли сквозь арку и оказались в гостиной, освещенной лишь парой магических огоньков, застывших над письменным столом. Мне пришлось сильно сощуриться, чтобы разглядеть склонившуюся фигуру. На светлых волосах играли блики света, смуглая кожа казалась ещё темнее. Столик оказался низким для мужчины, но даже в наклоненной позе его спина оставалась прямой. Каюсь, я даже заподозрила в этой идеальной осанке военную выправку нашего ректора. Ликование длилось ровно три удара взволнованного сердца. Почувствовав чужое присутствие, мужчина поднял голову, вежливо кивнул, и я его узнала.

Надо отдать должное моей выдержке, я не ахнула и даже не выдала предельно бестактное: «вот те на...» Просто застыла с открытым ртом и вытаращенными глазами.

— Доброй ночи, Ноэми, — светским тоном начал король Эддар собственной коронованной персоной. — Прошу простить меня за столь неожиданную встречу, но обстоятельства требуют немедленных действий. А я и так оттягивал этот момент, как мог, но боюсь, что сейчас время играет не на нашей стороне.

— Не стоит извиняться, — в тон ему отозвалась я. — Знаете ли, всегда хотела быть похищена злым чудовищем. Как в сказке.

Джед качнулся в мою сторону, и суровое лицо бывшего сулило хлесткую оплеуху, но был остановлен повелительным жестом короля, не утратившего благодушия и прежней учтивости.

Он откинулся на спинку кресла и чуть заметно улыбнулся, усилив сходство с Итоном-Бенедиктом ещё сильнее.

— Мечтаете быть спасенной прекрасным принцем? — вкрадчиво поинтересовался Эддар.

У них даже интонации оказались одинаковыми! Прямо один в один. Сходство было так сильно, что я представила ректора (сурового снаружи, но доброго внутри) и обнаглела.

— Вообще-то, — со знанием дела начала я, откидывая назад черные густые пряди, — в современных сказках все немного поменялось. Красавицы теперь спасают принцев. Принцы капризничают и встают в позы. Ну, а чудовища... правят королевствами.

Джед выжидательно уставился на короля. Судя по виду, у оборотня давно чесались руки, чтобы отшлепать наглуую пардочку по мягкому месту, но даже на эту дерзкую тираду Эддар отреагировал ровно.

— В тяжелые времена живем, — притворно вздохнул он. — Даже

сказки больше похожи на абсурдный кошмар... Джед. — Оборотень с готовностью выпрямился. — Отведи нашу гостью в кабинет. Мне требуется еще пара минут, чтобы закончить послания. Ноэми, если у вас возникнут просьбы, смело обращайтесь к моему помощнику.

Я глянула на бывшего. Тот на меня. После чего мы пришли к выводу, что просьб не будет, и молча покинули комнату. У противоположной арки оборотень меня обогнал, взял за локоть с таким мученическим выражением, с каким Памела препарировала лягушку на уроке анатомии ЦНС, и повел по коридору прочь.

Мы вышли из дома. Порыв холодного ветра заставил вздрогнуть и поежиться. В отличие от занесенной снегом дороги где-то в окрестностях «Черных когтей» или нашей Академии, сердце столицы — королевский замок и узкое кольцо элитных кварталов для знати — радовало относительным теплом поздней осенней ночи. Радовать-то радовало, но в одних только брюках, темно-синей рубашке и меховом жилете, что красовались на мне во время ночных походов по замку с Блошем, было все-таки зябко.

Поплутав между декоративными кустами, укрытыми от заморозков плотной магической завесой, Джед вышел к дверям просторной пристройки и жестом пригласил внутрь.

Пристройка оказалась гаражом, предназначенным для нескольких автомобилей, но сейчас здесь царил пустота. Помещение заливал яркий свет свисающих с потолочных балок ламп. Взгляд зацепился за громоздкий стол с тремя стульями, стоявший в самом центре, чуть в стороне, ближе к боковой стенке, высился какой-то подозрительный шкаф и покосившейся дверкой. Сама не знаю почему, но обычный с виду предмет мебели напряг даже больше, чем присутствие Устранителя за спиной.

— Садись, — хрипло приказал Джед, отодвигая один из стульев.

Я подошла, но садиться не стала. Замерла перед бывшим и пристально заглянула в хитрые золотистые глаза. Как странно, раньше мне казалось, что если Джеда тяжело ранят или убьют, то мой мир рухнет. Словно необразованный дикарь, который верит, что мир — это плоский блин, что стоит на трех китах и черепахе. Вот только в моей интерпретации это были широкие плечи любимого кота.

Теперь мы стоим друг перед другом совершенно чужие.

— Неужели на этом все? — с горечью прошептала я, упрямо продолжая хвататься за надежду. — Между нами все кончено? Вот так просто?

Джед отвел взгляд и устремил его куда-то поверх моей головы. Быстро

стерев невесть когда набежавшие слезы, я громко шмыгнула носом и призвала себя к порядку. В конце концов, парды не плачут.

— Та женщина... Как ее зовут?

— Катрин.

Ах ну да! Я же слышала это имя у бабушки и, кажется, видела ее в воспоминаниях Итона-Бенедикта при слиянии. Даже странно, что забыла.

— Помимо магии крови, Катрин владеет магией чернил.

Я осторожно взяла Джеда за руки. Тот нахмурился, подозревая какой-то подвох, но я не настолько коварна. Подтянув рукава плотного свитера, придирчиво оглядела кожу и ткнула пальцем в рисунок темнеющих под кожей чернил.

Бывший удивленно хмыкнул, видать, по — прежнему не верил в мои умственные и наблюдательные способности, и поднес руку к лицу, рассматривая темнеющий под кожей рисунок магии.

— Как ты догадалась?

— Видишь ли, я сильно достала эту дамочку, — призналась ему. — Но не настолько же, чтобы бросаться на меня очертя голову. Тем более она знала, что причинить мне серьезный вред не успеет, а навредить очень хотелось, я это сразу поняла, по глазам. В прошлом эта ваша Катрин уже разок едва не укокошила меня своей магией чернил, вот я и предположила, что она повторит свой трюк и одарит меня еще одним разрушительным проклятьем. Вот только эта психованная не подумала, что ты встанешь у нее на пути и перехватишь заклятие...

Джед хмыкнул, облизнул палец и потер им по магическому рисунку. М-да, и после этого у него еще хватает наглости уличать меня в ребячестве.

— У тебя около трех часов, чтобы найти специалиста и нейтрализовать действие печати. В противном случае...

Договорить я не смогла. Отступив, села на предложенный бывшим стул, закинула ногу на ногу и приготовилась ждать, но меня в очередной раз постигло разочарование. Двери бесшумно разъехались в стороны, и к нашей компании присоединился король Эддар.

— Вестники отправлены. Ждем гостей, — произнес он, глядя на помощника, занял стул слева от меня и широко улыбнулся. — Очень скоро сюда явятся ваши друзья, и станет жарко. Если есть желание съязвить, то сделайте это сейчас.

Вот это он зря, конечно, предложил...

Дай мне волю, так я такого в состоянии наговорить, что станет мучительно стыдно... потом. Однако уже придуманная острота застряла поперек горла, застопоренная другим, более насущным вопросом.

— А к кому полетели вестники?

Эддар улыбнулся, но глаза остались холодными. Джед, склонившийся рядом, резко дернул мои запястья, быстро и ловко привязывая их к спинке стула. Будто двух блокираторов им мало!

— Я решил, что в Аристалии есть целых два претендента на престол, которых очень заинтересует жизнь одной маленькой хорошей пардочки, — неспешно проговорил король, каким-то дерганным механическим движением растирая запястья.

На миг манжеты его сорочки обнажили загорелую кожу в странных пигментных пятнах, мелькнул хорошо знакомый серебряный ободок с ярко-зеленым кристаллом. Тайный артефакт всех королей Аристалии, защищающий их ровно шестнадцать положенных для правления лет от всяких неприятностей типа ранней смерти. Откуда я знаю? Так аккурат на прошлой декаде контрольную по этой теме писали.

Джед выпрямился и отступил к шкафу с покосившейся дверкой. Я незаметно подергала узлы веревки, больно вонзившейся в кожу. Эх, жаль практикум у декана прогуляла. Там как раз отрабатывали прием освобождения из вот такой хреновой хреновины.

— А что будет, если никто из них не придёт? — спросила я, незаметно проворачивая кисть так, чтобы Джед со своего наблюдательного пункта ничего не заподозрил.

Король наклонил голову и поцокал языком:

— Впервые встречаю такой глубокий пессимизм в столь юном возрасте.

— О нет. Я-то как раз пытаюсь мыслить позитивно! — нервно хохотнула в ответ и продолжила:

— Логично предположить, что вестники полетели к младшему наследнику престола и нашему многоуважаемому ректору. Если на встречу придёт Джером, и вы потребуете у него выйти из соревнования, то уже завтра у всех кумушек двора появится новая сплетня: «младший наследник и его любовница-парда». Ну, а если сюда заявится ваш сын...

Лицо Эддара застыло. Поперхнувшийся Джед судорожно закашлялся. Кошачья сущность, немного оклемавшаяся после злоупотребления спиртным и подавляющего действия блокираторов, хлопнула себя лапой по морде и обреченно застонала.

Инстинкты нашептывали, что надо закрыть рот и притвориться ветошью, привязанной к стулу. Владующее мной разудалое веселье орало, что надо бы высказаться напоследок так, чтобы подгадить врагу победу. Пальцы, ощупывающие узел, передавали мозгу безрадостную картинку,

больше смахивающую на запутавшиеся нитки пряжи, чем на один из известных мне узлов.

— И не смотрите на меня так удивленно. Я давно обо всем догадалась, — чуток прихвастнула я, намеренно умалчивая, как давно случилось выше озвученное «давно». — Так вот, если Итон придет за мной, то вы поступите точно так же, как поступили ранее. Вы избавите его от слабости. Избавите его от объекта, к которому он способен испытывать чувства. То есть от меня.

Насладившись паузой и видом монарха, тщетно пытающего скрыть свое безмерное удивление от моей просвещенности, я придержала стопой ножку стула, чтобы тот не выдал меня скрипом, и ещё немного дернула связанным запястьем.

Стул, зарраза такая, все-таки скрипнул, поэтому пришлось излишне громко и весело продолжить:

— Вот поэтому мне жизненно важно узнать, что будет, если за мной не явится никто?

Эддар подался вперед, облокотился локтями о полированное дерево столешницы и окинул меня пристальным взглядом.

— В таком случае, я оставил бы вас себе, — заявил этот самоуверенный мужчина. — У нас будет немного времени, чтобы я посвятил вас в курс своих дел, а после торжественно вручил вас тому, кто займет престол. С красным бантиком на шее и моими искренними соболезнованиями.

Какие мы щедрые. Сейчас расплачусь от широты его души.

— Ну, в таком случае я делаю ставку на Итона. Уж лучше смерть, чем необходимость лицезреть заспанную физиономию Джерома или знакомство с вашими делами. Знаете ли, кровь стынет от одной мысли, чем придется заниматься под вашим чутким руководством.

— Чему учат вас на факультете закрытых знаний? — неожиданно сменил тему Эддар.

Много чему, любопытный вы наш. Например, как сгруппироваться таким образом, чтобы одним прыжком и перекатом разломать стул, к которому тебя привязали. Как нейтрализовать оборотня при помощи колотушки и жестяного листа, которые я приглядела у выхода. Под каким углом надо ударить человека, чтобы сломать ему нос и разбить замочек на блокираторе.

Эх, вот выберусь отсюда и закажу для Ши-Вана медальку с надписью «мУчитель года». Шоколадную. Нет, на шоколадную может обидеться. Вот если медальку к бутылочке дорогого коньяка прикрепить...

По-своему истолковав мою задумчивую гримаску, король переплел пальцы и поучающим тоном заговорил:

— Видите ли, Ноэми, иметь парду под рукой очень выгодно. Вы были ещё очень малы, когда проживали в замке, поэтому не поняли самого главного. Аристократы делятся на тех, кто с совестью, и тех, кто с мозгами. Это так же очевидно, как и то, что королевский двор — это болото похоти.

— Дайте угадаю, а я под вашим чутким руководством стала бы главная жабой на кочке? — резко вскинула я подбородок.

Честно говоря, благосклонность, терпение и словоохотливость Эддара всерьез меня тревожили. Если я всего лишь пешка в этой игре, то зачем так распинаться?

— Юности не свойственны компромиссы, я понимаю. Ласковое слово, многообещающий взгляд или надежда на ночь любви открывают для красавиц вроде вас все тайные тропы и дорожки к мужским сердцам и информации.

— Ааа... — благоговейно протянула я, сделав вид, что познала великую тайну. — Значит, мне уготована роль постельной шпионки? Или у вас есть более благозвучный термин для этой непыльной работенки?

Думаю, у его величества были припрятаны достаточно убедительные аргументы, чтобы при желании завербовать даже такую несговорчивую строптивницу, как я, но в этот момент дверца загадочного шкафа скрипнула и распахнулась.

Грозь заработать вывих шеи, я до боли повернула голову, чтобы всмотреться в загадочные недра обычной с виду мебели и даже не сильно удивилась, увидев в темном прямоугольнике гладкие каменные ступени и высокую фигуру, закутанную в плащ.

Ну вот! Кто-то все-таки пришел.

* * *

Неприметная серая птичка с черной окантовкой на крыльях и хвосте описала широкий круг вокруг одного из шпилей башни, проникла в щель воздуховода и, сложив крылья, камнем понеслась вниз по тесной трубе. До цели оставалось еще далеко, но эхо разговора проникало внутрь отдушины и уносилось далеко вперед.

— Шархай, ты уверен?

— Джером, я тебе уже раз семь одно и то же сказал. Клянусь полосками и собственным хвостом! Хочешь, положу лапу на портрет Кики

и повторю ещё разок?

Голоса принадлежали двум юношам. Голос первого был чистым и высоким, как журчащий ручеек, второй собеседник говорил более эмоционально и раскатисто, с хриплым рыком.

— Джед точно умер?

— Да какая разница!!! Главное, что запах Ноэми изменился, и она больше не связана со своим котом. Все! Любовь прошла, завяли хризантемы! Девочка свободна.

— Ладно... Тогда я хочу попросить тебя вот о чем. Здесь недалеко есть старый монастырь, который связывает узами брака малоимущих. Вот стационарный портал. Найди Мими и уговори ее переместиться.

— Джер! Тебя Маккалич по голове не бил, нет? Ты в своем уме?! Никто не разрешит тебе, принцу, заключить брак с пардой! Мы же изгои, отбросы общества, плинтус социальной лестницы!

— Мы оставим все в тайне. О случившемся будут знать только свидетели да мы с тобой. До моей коронации Мими будут считать моей фавориткой, а после... После мне уже никто не указ.

— Парда в королевах! Я ЗА всеми четырьмя лапами!

Вестник вылетел из дыры в тот момент, когда оборотень и младший наследник престола с самыми заговорщицкими лицами пожимали друг другу руки. Птица издала громкий писк и выпустила послание из лап. Небольшой листок бумаги, свернутый в тугую трубочку, упал на пол.

* * *

Просторное помещение тонуло в интимном полумраке, взрывах смеха и звуках музыки. Мужчины пробирались к свободному столику, стараясь оставаться незаметными, но эта задача оказалась невыполнимой. Уже третья встреченная ими хорошенькая девушка резко изменилась в лице и целеустремленно двинулась в сторону подсобных помещений.

Едва мужчины добрались до цели, Алекс с недовольным видом огляделся и задал давно мучающий его вопрос:

— И чем плох оказался твой рабочий кабинет?

— Потому что даже у стен есть уши.

Дворфф отвел взгляд от симпатичной брюнетки, разносящей напитки, и вперил его в собеседника.

— А этот бордель, значит, сконструирован по новым технологиям?

Итон слегка поморщился и быстрым движением расстегнул пуговицы

пиджака.

— Это не бордель... Это гостеприимный дом госпожи Матильды.

В подтверждение этих слов из-за плотной парчовой занавески, отделяющей общий зал от винтовой лестницы на второй этаж, вышла статная дама в кружевах с кривым ножом, заткнутым за атласный пояс ярко-красного платья.

— Что-то по ее лицу не скажешь, что нам тут рады, — дотошно подметил Алекс.

При взгляде на спешащую к их столику госпожу Матильду Итон-Бенедикт непроизвольно скривился. Ночь грозила стать не такой приятной, как мерещилось ему изначально.

— Господа, — Матильда пристально посмотрела сперва на дворфа, затем на бывшего капитана. — На правах хозяйки этого заведения хочу сразу сообщить — здесь вам не рады.

— Ну а я что говорил! — почему-то развеселился Алекс, хлопнув приятеля по плечу, и обратил свой взгляд на застывшую перед ними даму. — А не расскажешь, почему нас так не любят?

— Не вас, господин, его!

Если бы темноволосая хозяйка борделя умела наносить тяжкие физические повреждения взглядом, Итону потребовалась бы экстренная помощь медиков. К счастью для бывшего военного и огромному разочарованию Матильды, незваный гость остался сидеть все в той же расслабленной позе, кривя губы в чуть насмешливой улыбке.

— И когда мой друг стал грозой борделей? — вновь проявил нешуточное любопытство дворф.

Ситуация его откровенно забавляла. За века бессмертия Алекс уже давно понял, что по-настоящему старит скука и неумение посмеяться, поэтому искал повод от души посмеяться при малейшей возможности.

— Многоуважаемый ректор Академии, прославленный офицер и почетный житель столицы устроил пьяный дебош, разнес половину дома госпожи Ильгард и перепугал всех девочек.

Алекс вопросительно глянул на друга, тот с каменным выражением на лице пожал плечами.

— Я компенсировал Ильгарде полученные убытки.

— Вы избили градоправителя! — всплеснула руками госпожа Матильда.

Дворф вновь повернулся к другу. Итон поморщился и скрестил руки на груди.

— Я его не бил. Я пытался достучаться до совести этого продажного

мешка похоти.

Из груди женщины вырвался вопль, больше смахивающий на кудахтанье озабоченной наездки, лицо пошло красноватыми пятнами, правое веко непроизвольно дернулось от возмущения.

— Друг мой, ты заслуживаешь порицания! — покачал головой Алекс и обратился к клокочущей от гнева даме: — Вы не станете возражать, если я прилюдно дам ему по шее?

Судя по огоньку надежды, мелькнувшему в глазах женщины, та не возражала. Напротив, поддерживала инициативу улыбчивого и обходительного дворфа обеими руками. Но дружеской порке не дало было случиться.

Внезапный порыв ветра растворил круглое окошко, расположенное под потолком зала, мощным движением сбил несколько бутылок со столов, запутался среди взметнувшихся женских юбок и потрясенно утих. В поднявшейся суете, кокетливом визге и смехе никто не заметил маленькой птички, влетевшей следом.

Вестник легко отыскал свою цель даже в полумраке, описал широкий круг и выронил послание.

— Что это? — удивился Алекс, первым заметив скрученный в трубочку лист, упавший на полированную поверхность столика.

Хмуρο глядя на послание, Итон быстро развернул записку и пробежал глазами текст. Увидев лицо ректора, Матильда истошно завопила, отскочила и схватилась за нож. Руки ее так тряслись, что извлечь кривое лезвие удалось только с третьей или четвертой попытки. Вопль начали подхватывать и другие дамы, присутствующие рядом. Мужчины начали вскакивать со своих мест, от входа загромыхали тяжелыми сапогами охранники. Паника расходилась от столика, подобно кругам на воде.

К ногам Алекса подкатилась оброненная официанткой бутылка. Дворф нагнулся, деловито осмотрел свою находку и магией выбил пробку.

— Дружище, не хочу тебя расстраивать еще больше, но ты слегка позеленел. — Бессмертный сделал глоток прямо из горла, чуть скосил глаза на неподвижно замершего ректора Академии и решил быть честным до конца. — А еще слегка очешуел.

Итон медленно повернул голову на звук его голоса, сконцентрировал взгляд с пугающе узкими зрачками на друге, зашипел и сорвался.

Алекс пригнулся, чтобы не оказаться на траектории полета откинутого столика, ногой отпихнул толстый змеиный хвост друга, оценил масштаб беды и повернулся к вопящей Матильде.

— Честное слово, мы компенсируем все убытки!

Глава 9. Я не многолик, я без маски остался и не хочу ее больше менять

Видимо, шкаф был стационарным порталом, замаскированным под мебель, потому что в темном нутре я отчетливо угадывала ступени, уходящей вверх лестницы. Укутанный во все черное гость медленно шел, подобно опускающейся на землю ночи, а я мучительно гадала — кто?

Джером? Этому дураку вполне простительна геройская неосмотрительность. Да и потом, на какие только безумства не толкает влюбленного обманчивая надежда, что восплаившая благодарностью пленница ответит утвердительным «да» на все его самые неожиданные мечты. Сомневаюсь, что полуэльф в курсе, что максимум на что хватит моей благодарности — это дружеские обнимашки и одобрительное «не ожидала от тебя такой дурасти, маменькино величество».

К моему величайшему облегчению, фигура в черном была крупнее и выше тщедушного принца, а значит, можно смело вычеркивать.

Итон? Ну тогда это полная безнадега, и можно смело молить кошачьих богов о прощении грехов, ибо живой я из этой комнаты не уйду. В любовь до потери пульса с его стороны я не верю, отсюда вывод — хитрить и изворачиваться ради сохранения жизни скромной пардочки Итон не станет. Не удивлюсь, если бывший и ректор еще и спорить начнут, отстаивая право придушить меня первым.

Мужчина спускался, и с каждым шагом незнакомца меня охватывало ещё большее беспокойство. Просто это не Итон! Ректор ходит как бывший вояка — спина прямая, голова поднята, взгляд устремлен перед собой, шаг широкий. А еще походка у него такая... пружинистая, что ли! Словно не по земле идет, а по доскам раскачивающейся палубы.

Незнакомец преодолел последние несколько ступенек, став полностью видимым, и резким движением отдернул капюшон плаща.

— Ну надо же! — воскликнул Эддар.

— Что за невезуха! — процедила я.

Джед предпочел оставить комментарии при себе. Пользуясь тем, что его сложно заметить, Устранитель сделал рывок, намереваясь перехватить незнакомца. Никто, даже очень крутой оборотень, не успел бы перехватить леопарда. Вот и наш гость не стал.

Не поворачивая головы, Глошад быстро приказал:

— Усни, — и Джед повалился на пол.

Я пребывала в таком глубоком шоке, что даже не сразу поняла главного — Глошад говорит. Значит, Блош очень вовремя подsunул мне склянку с кровью. Значит, у меня получилось снять тот блок.

Ура, я молодец! Я самая умная пардочка на свете!

Так, стоп! А молодец ли я?

Под наши крайне подозрительные взгляды Глошад обошел стол, бросил плащ на спинку стула и занял пустующее место. Поза расслабленная, взгляд чуточку насмешливый, на губах улыбка человека, обыгравшего всех вокруг. Не знаю, что почувствовал король, но мне вдруг захотелось пнуть под столом эту темную лошадку.

— Мы ждали других гостей, — сухо заметил король.

Старший наследник престола кивнул и посмотрел на меня:

— Они не придут за тобой.

Мда... Самое время уныло повесить хвостик.

Обеспокоенная размерами беды, в которую угодила, я пропустила момент, когда король Эддар встал и развернулся, демонстрируя присутствующим королевскую статью и скрещенные за спиной руки. И только когда схваченный за спинку стул подлетел вверх, описал дугу и рассыпался на составные части при ударе об стену, удостоила его величество удивленным взглядом.

— Почему ты так в этом уверен?

Глошад кинул скучающий взгляд на обломки стула и ленивым движением руки прогнал от лица муху, невесть с чего проснувшуюся в такую холодрыгу.

— Итон-Бенедикт так сильно презирал родство с вами, что не обращался на протяжении многих месяцев. Ваше послание спровоцировало вспышку гнева, и в данную минуту ваш сын занят тем, что громит один из борделей в облике нага. Будь с ним в компании Ши-Ван, дело бы закончилось небольшой стычкой, после чего товарищи поползли бы сюда для обмена. Беда в том, что с Итоном пошел бессмертный.

— Дворф?

— Он самый, — качнул головой Глошад и слегка нахмурился, припоминая. — Кажется, Алик или Алекс... Впрочем, это не важно. Дворф имеет несколько иное мнение о поведении джентльмена, даже если у того хвост и чешуя, поэтому погрузил Итона в состояние стазиса и забросил порталом в Академию. Не мне вам рассказывать, что после вспышки и бессознательного оборота у вашего сына будет не то настроение, чтобы мчаться на подвиги ради какой-то там пардочки.

Желание лягнуть этого всезнайку заметно усилилось.

— Джером тоже оказался в плохой компании, — продолжил Глош, игнорируя мой испепеляющий взгляд. — Будь рядом кто-то из его верных сторонников, младший наследник сидел бы на моем месте и торговался за жизнь своей подружки. Но, увы... — Глошад склонил голову набок и хитро улыбнулся. — В момент прилета вестника с мальцом рядом оказался Шархай. Не знаю, что не так с этим тигром, но первой его реакцией стал удар по голове. Переместившийся Маккалич увидел записку, бесчувственного принца, и решил, что Джерому пока лучше не приходить в себя.

Эддар потряс головой, словно отгонял от себя дурные мысли.

— Нет.

— А зачем мне врать? — поднял брови старший наследник престола.

Король со вздохом повернулся.

— Должен отдать тебе должное, Глошад, мысль использовать мышей в качестве своих глаз и ушей была гениальна. — Эддар обошел стол, присел на его край и в упор посмотрел на принца. — Знаешь, почему я тебя не добил в свое время?

Старший наследник престола откинул голову назад, чтобы лучше видеть возвышающегося над ним собеседника, и с очарованием крокодила улыбнулся.

— Потому что не смог?

— И это тоже, — хохотнул Эддар, нашаривая что-то в кармане брюк. — Но главная причина моего милосердия заключалась в том, что ты оказался великолепным игроком. Игроком, которому не важен выигрыш, а нравился лишь сам процесс.

На стол с громким стуком встала деревянная фигурка дракона. Искусно вырезанная, покрытая лаком и отполированная сотнями прикосновений, она чем-то отдаленно походила на шахматного ферзя. Глошад остался все таким же безмятежным и слегка скучающим. А вот я даже порадовалась тому, что меня привязали. Боюсь, что после такого обмена любезностями уже давно бы сверкала пятками в сторону выхода, а так хоть любопытство удовлетворю.

А то ж вообще не понятно, что тут происходит!

— Знаешь, я всегда считал, что это жестоко — иметь мудрость, но не иметь возможность использовать ее в корыстных целях... — Эддар сделал короткую паузу и с нажимом спросил:

— Так почему ты пришел?

Глошад пожал плечами.

— Влюблен в пардочку?

— Не смейся меня.

— Тогда так: Ноэми сняла блокировку, и в знак благодарности...

Эддар усмехнулся.

— Благодарности?

— Согласен, звучит неубедительно.

Глошад поднял руки, немного помолчал и неожиданно подался вперед.

— Это моя пешка. Отдай.

Ну все! С меня, пожалуй, хватит!

Оттолкнувшись ногами от пола, я с ветерком полетела назад. Лягнула столешницу с пристроившимся на ее краешке монаршим задом и резко кувырнулась в сторону. Поднялась, нетерпеливо сдула с лица черные пряди и кинулась к шкафу, который замаскированный портал. За спиной послышался приглушенное шипение его величества (надеюсь, этот гад отбил копчик), а затем приказ:

— Стой!

Проклиная все на свете, я застыла всего в паре шагов от заветных ступенек, круто уходящих вверх. На глазах выступили злые слезы.

Да как же так! Где справедливость? Куда смотрят кошачьи боги? Меня тут разыгрывают, как некозырную шестерку, а они и в ус не дуют! Неужели так сложно молнией разок шарахнуть? На худой конец вызвать острое несварение или приступ подагры!

За спиной послышались шаги, висок обожгло чужое дыхание, но больше всего насторожило ощущение вставшего сзади Глоша.

— Я тебя вытащу. Не бойся. Все под контролем.

От его слов по спине побежали возбужденные мурашки. Мозг тотчас пришел в негодование: «Что значит под контролем? Под чьим контролем? Ага, ты-то, может, меня и вытащишь, но что потребуешь потом? Не бойся?! Да я в ярости!!!»

С кончика языка уже готова была сорваться очень неприличная фраза, указывающая направление того места, куда старшему наследнику надлежало маршировать в темпе улетающего ядра, но Эддар опередил.

— Твои условия?

Глошад обнял за талию, вынуждая повернуться к ним лицом, а потом медленно, взвешивая каждое слово, заговорил:

— Ноэми Вейрис выходит из игры. Ни вы, ни ваши люди, ни люди ваших людей не станут использовать ее в своих целях, пытаться навредить, похитить, причинить моральный, физический или магический вред. Это первое.

Эддар скривился и смерил принца взглядом.

— У тебя хватит наглости требовать еще чего-то?

На загорелом лице проступили темно-зеленые пятна с полупрозрачными чешуйками, вырастающими прямо из-под кожи. Особенно много их было у перехода между кожей на висках и роста линии волос. А ещё глаза стали такими же пугающими, как у ректора.

И вот вопрос, а как давно оборачивался сам король? Сомневаюсь, что в плотном графике есть хоть пятнадцать минут на то, чтобы поползть в змеиной ипостаси. При таком варианте половина придворных должна нервно вздрагивать и заикаться. Да и холодно, а змеи вроде на зиму в спячку впадают. Или у нагов все как-то иначе?

Пока мое воображение рисовало картинку вынужденного оборота доведенного до ручки монарха, Глош окончательно осмелел.

— Хватит, — как ни в чем не бывало ответил он. — Условие второе. Вы предоставляете мне полную информацию о текущем положении дел и точных сроках начала сражения за престол. Третье, вы подписываете соответствующий указ и назначаете меня на должность придворного мага следующего короля Аристалии...

— Не много ли ты просишь!

— Хорошо, — кивнул Глошад, — тогда мне еще нужна Красная башня. Хочу сделать там лабораторию...

— Умолкни! — рявкнул правитель Аристалии.

Кисти его рук видоизменились, на кончиках пальцев выступили толстые темно-зеленые когти, одежда жалобно затрещала эксклюзивными швами.

Ой, мамочка! Да он же сейчас...

— Как ты с-с-смеешь шшшто-то требовать!

Но Глошад (то ли слишком храбрый, то ли идиот конченый, что в принципе одно и то же) оказался равнодушен к ярости собеседника.

— Смею, — сухо и хлестко заявил он, растягивая губы в странной улыбке, от которой лично меня мороз пробрал. — Я смею требовать всего, чего пожелаю, ведь в ответ на мои скромные просьбы вы получите то, о чем так давно мечтаете. Ваш сын займет ваше место.

Воздух с сиплым звуком вырвался из легких могучего нага, взгляд потяжелел, а пространство вокруг заискрилось рядами крохотных молний.

В какой-то иной ситуации мне бы стало страшно. Ой, да чего душой кривить. Я бы уже давно ударилась в панику, потеряв прежнюю браваду и язвительность, и бестолково металась по залу. Наверняка еще и вопила бы

на одной, самой верхней и пронзительной ноте своего далеко не певческого диапазона. Но сейчас близость Глошада, тепло тела, непробиваемая уверенность, исходящая от него, подобно запаху, и мощь существа намного сильнее всех нас вместе взятых делала меня бесстрашной пардой. Ну или очень-очень глупой пардой с атрофированным чувством страха.

— Каким образом?

Хороший вопрос. Я даже скосила глаза на замершего рядом принца.

А действительно, как он планирует переубедить Итона? При нашем последнем разговоре ректор не горел желанием пристроить свои мослы на жесткое кресло престола Аристалии.

— Это мое дело, — мягко, но непреклонно ответил Глош. — Главное, что при вашем содействии Итон-Бенедикт займет положенное ему место и станет следующим правителем.

В повисшей тишине было слышно, как я нервно перебираю заклепки на куртке. На куртке стоящего рядом Глошада. Спohватившись, отдернула руку, поймала хитрый взгляд владельца и сделала самое невинное выражение лица. Даже отойти на шаг попыталась, но не дали. Рука старшего наследника по-прежнему дислоцировалась на моей талии, крепко и бережно прижимая к себе.

После недолгих размышлений его величество медленно кивнул и первым протянул ладонь.

— Будь по — твоему, — сказал он с совершенно неожиданной ноткой смирения.

Глош кивнул и сжал протянутую ладонь. Судя по тому, как скривилось лицо Эддара, крепко. Очень крепко. И на этом мужчины разошлись.

Проходя мимо бесчувственного тела Устранителя, Глош приказал тому проснуться и поторопил меня в портал. Мы уже стояли на середине темной лестницы, когда в прямоугольнике проема показалась высокая и отчего-то мрачная фигура короля.

— Глошад! У тебя нет шансов, — крикнул он с насмешкой.

— Власть мне без надобности. — Глошад даже с шага не сбился.

— Я не имел ввиду престол Аристалии. Я говорю про сердце этой ехидной красавицы.

Я притормозила и оглянулась, желая послушать, что ещё хорошего про меня скажут напоследок.

— Итон может повлиять на нее через связь. Принц Райвиль способен приказать влюбиться в себя... Даже у Джеда все ещё есть шанс. Но не у тебя.

Резким движением Эддар захлопнул дверцы шкафа, отрезая

пространство гаража от перехода.

Как мы очутились на улице? Почему на мне оказался плащ Глошада? Где успели поймать мобиль?

Уже в мобиле Глош внимательно оглядел мои руки, чуть нахмурился, заметив, что большие пальцы выбиты из суставов (а что поделать, если освобождение требует жертв), залечил кровоточащие ссадины от веревок.

— Ты такая хрупкая, — тихо выдохнул он, с осторожностью ювелира отстегивая блокираторы. — Страшно дотронуться.

Он не смотрел на меня, полностью погруженный в процесс, но в его интонациях слышались нотки несвойственной Глошу теплоты и благоговения.

Опаньки! Только ещё одного по уши влюбленного и очарованного принца мне до полной ж... и не хватало!

Выдернув руки из его теплых ладоней, самостоятельно стянула с запястья второй браслет и выбросила в приоткрытое окно. Растерла кожу, стараясь поскорее прогнать ощущение от чужих прикосновений, и хмуро глянула на спасителя.

— Я — парда. На минуточку, смертоносная машина для убийств.

— Нет, Мими. Ты — бунтарка.

Старший наследник престола ослепительно улыбнулся. От такой улыбки падали без чувств влюбленные дамочки, визжали от восторга стоматологи и сжималось сердце даже у старой пуританки, всю жизнь презирающей мужчин. И так как я ни к одной из этих категорий не принадлежала, то просто разозлилась.

— Он прав.

Глошад вопросительно приподнял брови.

— Эддар прав. У тебя действительно нет шанса... — Я подалась вперед, чтобы иметь возможность лучше видеть лицо спасителя. — У тебя нет ни одного даже самого крохотулечного шансика.

— Я недостаточно... хорош?

Я подозрительно прищурилась.

— Ты недостаточно честен.

Принц тоже наклонился, и теперь наши лица были в каких-то десяти сантиметрах друг от друга. Классическая поза для пылкого поцелуя, хлесткой пощечины или удушающего захвата. Иногда всего вместе.

— Я все расскажу, — хрипло проговорил Глош и с трудом сглотнул. — Все не так, как тебе могло показаться. Поверь, все, что я сделал и сказал, было необходимо...

— Вопрос — зачем. А? — Я чувствовала его уязвимость и была на

поражение. — Зачем ты пришел? Хочешь сделать своей шпионкой? Постельной грелкой? — Я фыркнула, даже от этой мысли было смешно. — Или совместить приятное с полезным?

Глошад поднял руку и коснулся моего подбородка, заботливо заправил за ухо черную прядь, выбившуюся вперед, и невесомым движением погладил мою щеку кончиками пальцев.

— Мими... ты мне как сестренка.

Кошачья сущность поперхнулась возмущенным воплем и села на попу. Я удивилась не меньше. Просто это не совсем то, что я ожидала услышать. Вот начини он петь соловьем про любовь или заливать про долг перед народом Аристалии, тут был бы повод продолжить разговор. А это его «ты мне как сестренка» — это не ответ. Это удар под дых какой-то!

Пока я отходила от шока, старший наследник нашарил в кармане черной куртки браслет и подал мне.

— Надень. Не хочу, чтобы нас обнаружили раньше, чем я обдумаю сложившуюся ситуацию.

Теперь настал мой черед давиться и кашлять от неожиданности.

— Так ты блефовал?! — с трудом выдавила я, застегивая артефакт на запястье.

Глошад неопределенно повел плечами и встал.

— Поднимайся, мы уходим через портал.

— Ты спятил! — завопила я, отбиваясь от протянутой руки. — Нельзя пользоваться порталами, находясь на движущихся поверхностях. Вероятность летального исхода... Покусанный каннис, я не помню статистику, но там все очень-очень-очень хреново!!!

— Все будет нормально, — заявил самый беспечный принц на земле, рывком поднял меня на ноги, прижал, и пространство мобиля заполнило голубоватое сияние.

Неуверенно открыв глаза, я подняла голову, встретила с изучающим взглядом темных внимательных глаз, сглотнула подступившую тошноту и попыталась разжать одеревеневшие пальцы, которыми цеплялась за твердые и широкие плечи Глошада. Пальцы отказывались повиноваться, тело била крупная дрожь, а в животе поселилось острое чувство страха, какое возникает, когда падаешь с большой высоты.

— Оклемалась?

Не в силах облечь эмоции в слова, зашипела. Очень красноречиво зашипела. С душой.

— Чудесно! — Этот гад сделал вид, что не понял, как сильно

разгневанная спутница желает разорвать его на полосочки и сплести кривой канат. — Я забронировал комнату. Второй этаж, в конце коридора направо. Сама по лестнице поднимешься?

Какое там! Не уверена, что смогу стоять без опоры. Да что там! Не уверена, что вообще смогу отлепиться от Глоша.

— Ага... — задумчиво протянула «опора».

Сильные пальцы ухватили меня за локти, потянули вниз, а я умилилась.

Вот ведь какой умница. Смог. Оторвал. Ага, вместе с воротом оторвал!

С триумфом глянула на черную полоску воротника, зажатую в руке, и воровато сунула ту в карман жилетки.

— А что такого? — невинно похлопала ресничками в ответ на его осуждающий взгляд. — Будем считать, что это сувенир, так сказать, память о минувшей ночи.

— Ага... — вновь протянул Глошад и подхватил меня на руки.

Что в подобных случаях делают самостоятельные и независимые девушки, не привыкшие показывать слабость? Сопротивляются такому произволу.

Что делают в подобных случаях гордые и свободные парды? Возмущаются! Правда, мысленно. И ровно три секунды, покуда их несут к высокому незнакомцу.

Незнакомец оказался владельцем этой гостиницы. Чуток помятый, видимо, всю ночь караулил гостя, мужчина почтительно кивнул на просьбу принести к нам в комнату ранний завтрак, после чего Глошад поднялся наверх.

— У нас три-четыре часа в запасе, — сообщил старший наследник престола, сгружая меня в кресло. — Надо поесть, обсудить ситуацию и немного поспать, поэтому приходи в себя, а я пока обеспечу нам безопасность.

Пока Глош быстрыми шагами обходил просторную комнату, ставя магические символы в углах, я честно пыталась вспомнить, что это за символы, ну или хотя бы из какой области охранных заклинаний. Осознала бессмысленность данного занятия, осторожно встала и побрела в ванную комнату. Стянув жилетку и закатав рукава, умылась и глянула в сторону небольшой ванны. Больше всего та походила на корытце с высокими бортами, но на безрыбье...

Я даже открыла кран, удостоверилась, что горячая вода бежит без контрастного перебоя, и вспомнила души у себя в комнате. Хорошо, что здесь нет Блоша, которого сыром не корми, дай только поизмываться над

голой и уязвимой пардой, залезшей под душ.

Минуточку! Блош... Глош...

Даже Итон удивлялся тому, как нетипично ведет себя добрый дух. Зачем ему покровительствовать мышам, живущим в бывшем здании архива?

И что там его величество говорило? Что-то про мышей... Кажется, восхищался идеей использовать мышей в качестве своих глаз и ушей.

— Глош!!!

Я вывалилась из ванной в комнату. Глошад сидел на узкой софе, поджав длинные ноги, и раскладывал на журнальном столике деревянные фигурки.

— А скажи-ка, спаситель мой ненаглядный, — сладким голосом практически пропела я, — как ты узнал, что меня похитили?

Принц оторвался от расстановки фигурок, среди которых я заметила котенка и того самого дракончика, что был у короля.

— Я оказался неподалеку.

— Неподалеку? — Я сделала три плавных шага, сокращая расстояние для броска. — Но это не объясняет, как ты узнал о случившемся. Ведь, кроме Джеда и Катрин, рядом никого не было. Никого, кроме наглого, доставучего и омерзительно мышонка!!!

Глош смущенно улыбнулся, а я отодвинула ножкой столик, чтобы не попал под раздачу, встала напротив сидящего принца и поставила руки на пояс. Теперь я не только возвышалась и довлела (надеюсь), но и демонстрировала степень своего возмущения.

— Это ты! — Обвинительно ткнула пальцем в представителя старшей королевской ветви, которая вот-вот могла лишиться продолжателя рода. — Ты науськивал Блоша пакостить мне! Ты приказал ему шпионить! И это была твоя гребаная идея устроить войнушку и высыпать на меня пакетик с валерьянкой и мятой!!!

— Чисто технически я не приказывал, — попытался оправдаться Глошад. — Дело в том, что я и был Блошем...

Комнату огласил воинственный мяв, затрещала не выдержавшая трансформации одежда, и я кинулась на сидящего принца.

— Порву!!! — рычали мы с кошачьей сущностью в один голос.

Любой другой здравомыслящий человек уже давно предпринял бы попытки вскочить и перемахнуть через невысокую спинку софы, чтобы спрятаться за ней от взбесившейся кошки.

Любой другой...

Демонстрируя поразительную выдержку, Глошад остался сидеть на

месте. Выставив трансформировавшиеся руки, я вскочила сверху и полоснула по груди. Убивать, конечно, не планировала (он еще не на все вопросы ответил), но покусать и поцарапать в качестве мести — это святое.

Но тут приключился облом! Где-то в десяти сантиметрах от груди жертвы смертоносные когти вновь стали привычными пальцами с коротким маникюром.

Покусанный каннис! Как я могла забыть про блокиратор самого Глошада.

Впрочем, неудача не остудила пыл.

— Придушу!!! — решительно воскликнули мы со второй ипостасью и сомкнули пальцы на горле жертвы.

Душить я умела и хорошо. Ши-Ван даже отметил меня на практикуме. Правда, тогда мы тренировались с фантомами, но суть процесса та же! Принц даже подбородок приподнял, чтобы облегчить мне задачу, но пальцы упорно не желали сходиться в нужных точках. Я пыхтела и ворчала, но силенок для осуществления задуманного не хватало.

— Защекочу!!! — в итоге решили я и черная кошка.

И это было самое верное и правильное решение, принятое за весь день.

— Мими... Прощу! Не на... — молил Глошад, но я была непреклонна.

Запрокинув голову, мой пленник громко хохотал, пытаясь отбиться от моих пальцев, а я сидела на сотрясающемся от смеха мужчине и получала непередаваемое удовольствие.

Мы так увлеклись происходящим, что в какой-то момент рухнули с софы на пол. Воспользовавшись ситуацией, Глош легко подмял развеселившуюся пардочку своим телом, перехватил главное оружие, то есть руки, и прижал к полу над моей головой. Мы смотрели друг на друга и продолжали ржать как безумные. Задыхались, останавливались на несколько секунд, а потом кто-то не выдерживал и все начиналось по-новому.

А потом приступ смеха резко оборвался. Глош неожиданно посерьезнел, свободной рукой убрал пряди моих волос, упавших на лицо. Такое очень нежное, вызывающее щемящую теплоту действие. Мы смотрели друг другу в глаза, но видели то, что намного глубже. Чертовски сложное чувство, неподвластное тому, чтобы облечь его в слова.

Стук в дверь застал нас врасплох, разрушив очарование момента. Вздрогнувший наследник рывком поднялся и помог мне.

— А вот и наш ужин! — бодро воскликнул он и ринулся открывать.

Пока хозяин гостиницы самолично сгружал с подноса наш завтрак,

больше смахивающий на торжественный ужин, я сбегала в ванну и еще разок умылась. Посмотрела в зеркало, ужаснулась от вида ночь не спавшей, замученной парды и пошла заедать внезапно обрушившееся горе.

— Эй! — возмущенно выкрикнула, прибавляя шаг. — Как порядочный принц, ты должен был дожждаться леди.

Глош с трудом сглотнул огромный кусок, который не успел даже толком прожевать, и вонзил вилку в следующий.

— Будем откровенны, порядочный принц из меня не вышел, — пробубнил он с набитым ртом. — Да и ты не леди.

Я шутливо толкнула его в плечо и присела. Ну и чем тут нас потчевать изволят?

— Фу!!! Что за гадость!

На огромном блюде, злобно хлопая ядовитой пастью, подавала признаки жизни змеиная голова. Желтый глаз с ужасом таращился на остальное тело: нарубленное на кружочки и запеченное в кляре. Глош хлопнул змею по кончику морды, и пока та открывала и закрывала челюсти, демонстрируя аккуратные клыки, наколол на вилку кусок.

— А, по — моему, очень символично, — с намеком на короля Эддара сказал он.

Даже не знаю, кто в этой ситуации испытал большее потрясение: еще живая змея, чье туловище пожирала у нее на глазах, или я, ставшая свидетелем этого акта.

— Фу! Как ты можешь это есть, да ещё причмокивать от удовольствия?! — скривилась я.

Глошад пожал одним плечом и потянулся за очередным куском.

— К местной кухне надо просто немного привыкнуть, госпожа-я-не-охочусь-на-мышей. — И заметив, что я потянулась к маленькой пиале с салатом, покачал головой. — Не советую. Очень остро.

— А где мы? — уточнила между делом, показывая пальцем на миску с кусками красного мяса, завернутого в бурые листья.

— Чересчур кисло. Мы в паре часов езды от Кептарис. Знаешь, где это?

Я важно кивнула, хотя понятия не имела, где находится этот Кипарис (или как там его) и почему тут такая странная кухня.

— А чем плоха Академия или дворец?

— Слишком горько, — подсказал Глошад, когда я ткнула в очередную миску с «не пойми чем». — Пока я не приму решение, как действовать дальше, встречаться с кем-то из игроков чревато. Это тоже не бери, а то живот будет болеть. — Глошад обвел глазами стол и покосился на меня. —

Эээ... Мими, кушай фрукты.

Демонстративно взяв круглое блюдо и переставив его к себе на колени, я взяла сиренево-красный плод с мягкими колючками в основании и понюхала.

— Беее! — скривилась и резко одернула от лица руку. — Пахнет, как забытые в мужской раздевалке носки.

Старший наследник зачерпнул из пиалы ложку забракованного блюда и кивнул на графин.

— Тогда, может, водички?

«Водичка» была мутной, с непонятным осадком на дне и серой пеной сверху. Мысленно поставив зарубку никогда не посещать этого самого Кипариса, а если и ехать, то со своими припасами, я с мученическим видом приняла из рук Глошада стакан и вновь посмотрела на голову змеи.

Та уже не проявляла никаких признаков жизни и безучастно лежала на краю блюда, глядя на мир остекленевшим взглядом.

— Расскажешь, что у вас за дела с Эддаром?

— Да так... — уклончиво ответил Глош, но напоролся на мой красноречивый взгляд и решил не бесить любопытную парду краткими ответами. — Все началось в тот день, когда на меня напали. Их оказалось трое: два боевых мага и пард. Пока твой собрат терзал меня когтями, маги ломали мою личную защиту и охранную сеть родовых артефактов. Проблем у них это не вызвало, отчего я решил, что был предан самыми близкими. Психанул и проклял всех причастных к нападению. Кто ж знал, что у руля окажется король Эддар.

Я аж подпрыгнула на месте, чуть не расплескав мутную водицу, и схватила собеседника за рукав.

— Хочешь сказать...

— Ага, — беспечно улыбнулся Глошад, — мое проклятье уничтожило всех виновных, в том числе и этого гада.

Мы синхронно глянули на уже дохлую и приготовленную змею, после чего я позволила себе усомниться:

— На зомби Эддар не похож... — Вспомнила странные пигментные пятна на коже владыки Аристалии и догадалась:

— Погоди-ка! Королевские артефакты! Они продлевают срок жизни короля, чтобы тот не помер раньше срока от пьянства и чревоугодия. Ровно шестнадцать лет для каждого правителя!

Глошад тепло улыбнулся, вытер губы салфеткой и откинулся назад, закинув руку на спинку софы аккурат за мной.

— Все так. Проклятье сработало, но его действие было отсрочено на

какой-то срок, дав Эддару возможность посидеть на престоле чуточку дольше и проникнуться ко мне уважением. Увы, но я оказался чертовки злым и сильным.

— Хочешь сказать, — мой голос упал до шепота, — что у нас нет в запасе двух лет?

— Три. Может, четыре декады, а потом Эддар будет вынужден созвать внеплановое совещание совета магов и придворных, и уже те объявят наследникам о битве за престол.

Прикрыв глаза, я с ужасом думала, как воспримут эту новость члены кружка «мы дали клятву Джерому». Как вытянется лицо самого принца Райвиля. Как будет орать Ши-Ван. Как отреагирует Итон на известие о скорой кончине глубоко презируемого родителя...

Одну минуточку! А что, если Итон в курсе? Помнится, не далее, как в начале декады Лиам все удивлялся, зачем нас так упорно гоняют в адском режиме без выходных и праздников, если до часа X ещё ого-го сколько времени?

Покусанный каннис, почему я раньше не прислушалась к словам этого блохастика! Волчонок-то все верно говорил!

— Итон в курсе, — подтвердил мои подозрения Глошад. — Более того, Эддар предложил ему содействие в битве за престол, но гордый бастард отказался и взял под крылышко Джерома.

Я вскинулась, готовая выцарапать глаза любому, посмевшему наехать на горячо любимого ректора.

— Не рычи, — с прежним спокойствием отозвался принц. — Мне нравится Итон, он хороший мужик, многое повидал и умеет общаться с командным составом. Пожалуй, из всех кандидатов он самый достойный и опытный. Но поверь... — Глошад покачал головой и взял со стола свой бокал. — От осинки не родятся апельсинки.

Глава 10. Ночь полная тревоги

— Мы что, так и будем сидеть здесь? — прорычал оборотень.

— Это мы сидим, а ты почему зря топчешь казенный паркет, — уточнил Оливер Пим, развалив свое аристократическое тело на диване.

Команда принца Райвиля собралась в одном из кабинетов западной пристройки. Не хватало только Джерома и черной парды Ноэми Вейрис. Лиам с грустью отметил, что отсутствие любого другого члена их маленькой банды осталось бы незамеченным, но не этих двоих. Джером был их стержнем, центром мира, вокруг которого они обязаны были вращаться. Ноэми... Черная парда была всегда сама за себя, вне команды, вне системы, чем привлекала к себе еще больше внимания.

В углу сухо закашлялась Памела Райч, смущенно потупилась и зажала рот рукой, стараясь подавить приступ. Их с братом вытащили из лазарета «Черных когтей» и перебросили сюда, в западную пристройку. Убедившись, что ученики в безопасности, преподаватели заперли Джерома наверху, а сами ушли на экстренное совещание в домике ректора.

Звонко тикали часы, отмеряя минуты, возможно, последние минуты в жизни бунтарки Ноэми Вейрис.

— Нет, я так не могу! — вскочила со своего места Памела. — Поверьте, у меня есть куча поводов злиться на Мими, ведь как-никак, но я ее соседка по комнате. Но мы не можем ее бросить.

— И что предлагает наша пугливая скромница? — со злой усмешкой спросил Энтони Хемпден. — Пойти на штурм королевского дворца?

— Нет, — подхватил Гуд Кромвель. — Лучше встать под окнами королевской опочивальни и слезно умолять его величество вернуть нам нашу подружку.

— Ставлю на то, что стража скрутит нас через десять минут! — подключился к беседе Оливер Пим.

— Маршрут стражи не меняется уже много лет, поэтому ставлю на семь минут и горшок с геранью, который полетит в наши головы, едва мы начнем горланить среди ночи.

— А может, и не один...

Парни переглянулись и криво заулыбались, думая явно о чем-то своем.

Памела, раскрасневшаяся то ли от подскочившей температуры, то ли от возмущения, повернулась к сидящим рядом каннису и лиэсу.

— А вы что думаете?

— Шархай, ты видел записку? — неожиданно переключил внимание всех присутствующих лис.

Оборотень, продолжавший мерить шагами комнату, остановился и привалился на подлокотник кресла, где сидел Том Митчел.

— Ну.

Лис сделал глубокий размеренный выдох и переформулировал:

— Ты прочел адрес места встречи?

— Ну.

Памела схватилась за голову и топнула головой.

— О, всемогущие создатели! Шархай, не тупи. Где это место?

Хмуря брови, Шархай назвал адрес дома, брат Памелы создал проекцию карты города, как учил его дворф, и увеличил нужную улицу.

— Вот наша цель, — ткнул пальцем в сторону дома в самом сердце квартала лиэс. — Если свалим сейчас, пока преподы заняты обсуждением ситуации и поиском подходящего плана, окажемся там первыми.

— И что дальше? — ухмыльнулся Гуд Кромвель. — Выпрыгнем, как самоубийцы, из кустов с криком «Ура»? Да нас ухлопают одной левой.

Салли Грэм встал и задумчиво обошел проекцию.

— Можно устроить поджог в этих двух домах, — предложил он. — Огонь заставит всполошиться всех жителей улицы, приедут пожарные маги и службы спасения.

— При таком скоплении народа можно незаметно проскользнуть на территорию, — одобрительно хмыкнул лис.

— Да... Шанс есть.

— Но мы не готовы! — дернулся всем телом Энтони.

— Мы никогда не будем готовы, если не перестанем сомневаться! — холодно, словно истинная правительница, припечатала Памела.

На минуту в комнате воцарилась тишина принятия решения. Каждый сосредоточенно вглядывался в проекцию карты города, обдумывая детали предстоящей операции спасения парды из лап похитителей. А может, всматривался сам в себя, пытаясь понять, хватит ли ему смелости на этот поступок.

Первым не выдержал Оливер Пим.

— Спасибо, но мне не хочется умирать. Не сегодня.

— Согласен, — поднимаясь следом за ним, сказал Энтони Хемпден. — Я давал клятву Джерому и не готов рискнуть всем ради какой-то парды.

Гуд Кромвель просто молча поднялся и вышел вслед за приятелем.

— Трусливые аристократишки! — презрительно выплюнул Шархай и обвел оставшихся тяжелым взглядом:

— А вы что скажете?

Салли Грэм повернулся к выходу.

— Мне нужны запчасти для пиротехники, — на ходу пробубнил парень, морща высокий лоб. — Том, куда Айрис Руколо убрала склянки с нашей последней лабораторной?

— В шкафу, — крикнул тот уже в удаляющуюся спину друга. — И захвати мешок с кристаллами. Пайп, Памела, вы сможете заложить в кристаллы наши проекции?

Близнецы переглянулись и синхронно кивнули.

— Вот это я понимаю размах организации! — широко улыбнулся тигр. — И раз пошла такая веселуха, пойду взломаю оружейную комнату Ши-Вана. Магия магией, но добрая старая сталь понадежнее будет.

— Я с тобой! — крикнул лис. — Хочу ещё взять пару зелий... Черт! Вот кто бы мог подумать, что наши практические хоть когда-то пригодятся!

Лиам улыбнулся. Впервые на его памяти команда, пусть не и полным составом, вела себя как одна стая.

* * *

Крошечная мерцающая снежинка ворвалась в комнату, облетела сопящую в кресле горгулью, миновала развалившегося на софе широкоплечего мужчину и, наконец, нашла свою цель. С тревожным писком сигналка принялась скакать по спящим в обнимку мужчине с женщиной, жаля обоих холодными краями.

— Твоя очередь... — сонно прошипел мужчина.

— Еще чего! Я вставала в прошлый раз, — не согласилась женщина, отворачиваясь и забирая с собой одеяло.

— Гуля?!

Каменная горгулья с неохотой дернула хвостом и демонстративно накрыла голову крылом.

— Дерен?!

— Заткнись и иди, — не открывая глаз ответил декан факультета закрытых знаний.

Рыжеволосый мужчина резким движением поймал снежинку, сжал в кулак и нехотя поднялся. Тихонько ругая приятеля за чувствительность и дурость, Ши-Ван стянул просторные штаны (полностью голым Айрис наотрез отказалась пускать его к себе на разложенный диван) и обернулся. В тесном пространстве комнаты черный с рыжими подпалинами змей

казался внушительным. Воинственно распушив перьевого воротник, уже хорошенько прореженный из-за постоянных стычек с Итоном, наг пополз в подвал, где был заперт один из виновников их коллективного ночного бдения.

Верткий хвост оборотня еще не успел полностью скрыться за дверью, как в комнату через распахнутое окно ввалился Страж. Издав нечто среднее между печальным уханьем, шипением раскаленной стали при соприкосновении с колодезной водичкой и взрывом из лаборатории, где остались студенты, Лопастик заголосил:

— Прорыв!

Маккалич подорвался со своей узкой лежанки, на ходу умудряясь открывать портал по координатам Стража, поправлять примятую одежду и материть команду принца, переквалифицировавшуюся в команду спасения парды.

Преподавательский состав разделился еще в начале ночи. Ши-Ван был вынужден оборачиваться и воевать с ректором, чья вторая сущность вырвалась из-под контроля. Дворф ушел улаживать проблемы с хозяйкой дома желаний, внезапно ставшей хозяйкой кучи развалин, и еще с десятком горожан, попавшихся на пути разозленного нага. Профессор Тесме умчался в город, крикнув напоследок, что знает, где искать лекарство. Айрис пыталась притвориться ранимой и хрупкой женщиной, но Ши-Ван очень кстати вспомнил о ее врожденной устойчивости к ядам и взял к себе в напарники, качать «неугомонного ребенка», запертого в подвале.

Маккалич, на правах телохранителя принца, и Гуля (сама, дура, вызвалась) решили следить за учениками, внезапно восплававшими надеждой спасти Ноэми Вейрис из ручонок похитителей.

Малолетние идиоты!

— Когда эта ночь уже закончится? — флегматично выдохнула Айрис Руколо, едва декан пропал в ослепительной вспышке портала.

Горгуля вспомнила, как час назад собственными лапами выловила поганцев из парковых кустов, уложила неугомонных заср... учеников по постелям, привязала каждого к ножкам кроватей и строгим голосом велела спать. Ненадолго же хватило ее стараний.

Удивляясь детской неумоимости, Гуля поднялась на лапы, зубами стянула со спинки кресла покрывало и вновь свернулась в компактный клубок.

— Относись к этому как к репетиции, — посоветовала она, глядя на Айрис Руколо, и с намеком добавила:

— Вот появятся у вас собственные дети...

— Спасибо, как-то не тянет.

— И зря! — ухмыльнулась горгулья. — Что может быть прекраснее, чем ор лежа, ор сидя, ор на ручках и хит детской программы — ор столбиком! А как развивается координация, когда ты в ночи крадешься к детской кровати среди разбросанных игрушек, ориентируясь только на звук голосащего спиногрыза. Но и это не все! В программе карапуза безлимит на молочную сиську, экскурсия с элементами квеста по самым травмоопасным местам дома, бессменные хиты «не хочу», «дай», «купи» и круглосуточный бесплатный цирк с мамой в роли клоуна и папой в роли выючного животного.

— Отпад... — как всегда меланхолично отозвалась Айрис и тихо засопела.

Ненадолго.

Пинком распахнув входную дверь, в коридор, а затем и в гостиную ректорского домика влетел помятый, растрепанный и безумно счастливый профессор Тесме.

— Нашел! — закричал он, победно поднимая за горловину холщовый мешок.

— Что нашел? — подозрительно прищурилась горгулья, и даже Айрис приподнялась со своего места.

— Петуха нашел! — радостно заявил профессор Тесме. — Все подпольные клубы обежал, но нашел красавца. Чемпион прошлого сезона в боях тяжеловесов. Там такой гребень... А уж крылья и клюв — мама не горюй! Но главное, голосит, как трубы Иерихона!

И в доказательство своих слов Тесме вытряхнул птицу из мешка.

— Мда... — протянула помощница ректора, оглядывая так называемого «петуха».

Помятый, побитый, блеклый. Если пернатый и был когда-то чемпионом, то очень давно, а теперь птичка вышла на заслуженную пенсию и коротала последние деньки, пока не понадобится чокнутому профессору.

— И зачем нам этот суповой набор? — уточнила Айрис с видом: «старик, ты где так головой стукнулся?»

Петух, до этого клевавший узор на ковре, так же покосился на профессора.

— Как зачем! — возмутился Тесме. — Даже детям известно: заслышав крик петуха, испуганные наги возвращаются в человеческий облик.

— Это известно детям, потому что это детские страшилки, — буркнула Айрис, кутаясь в одеяло.

Глаза профессора заблестели нехорошим блеском экспериментатора со стажем.

— Вот и проверим!

Вытаращив глаза, Гуля молча наблюдала за тем, как неглупый с виду мужчина гоняется за по — прежнему проворным петухом и тащит отчаянно бьющую крыльями птицу в сторону подвала.

— Дурдом! — наконец смирилась с очевидным каменная горгулья и постаралась заснуть.

* * *

Утро началось с провокации.

Глошад смахнул кончиками пальцев волосы от моего ушка и хрипло уточнил:

— Уже влюбилась в меня?

Точнее, не так!

Утро началось с того, что я широко зевнула и пошла спать. Глошад клятвенно уверил, что посягать на единственную в номере кровать не собирается, и вообще, у него в планах сидеть и думать, как склонить Итона-Бенедикта к сотрудничеству. Пожелав горе-интригану удачи, я прошмыгнула в ванную, оставила на бортике одежду и вернулась в комнату уже на четырех лапах.

Грациозно виляя эмм... хвостом, черная красавица продефилировала по комнате, обогнув по широкой дуге софу с погруженным в нелегкие думы принцем, запрыгнула на кровать и, предварительно потоптавшись, легла.

Кошачья сущность не слишком любила гостиничные номера (уж слишком мерзко пахли матрасы сотнями чужих тел), но хвостатая уступила моей просьбе подежурить, дав возможность человеческому телу поспать без нервотрепки. А вдруг кому опять понадобится меня похитить. Или хуже того, в гостиничный номер заявится разгневанный Джером и Ко.

Нет уж, дудки! Пардочка хочет спать.

Где-то через полчаса, презрев принесенную клятву и переступив через собственные уверенья, на край кровати завалился Глошад и громко (это с точки зрения чувствительных кошачьих ушек) засопел. Черная кошка не смогла снести такого вопиющего нарушения территориальных границ и отправилась мстить. Мстя оказалась коварной, но совершенно напрасной. Едва кошка прыгнула на обидчика, как сработал блокиратор, и вместо черной гладкой шкуры на грудь принца легла моя спящая голова.

Глошад что-то сонно проворчал и теснее прижал меня к своему боку. Так мы и продрыхли все оставшиеся до пробудки полтора часа.

Скорее почувствовав, чем расслышав звук будильника, я сонно заворочалась и вцепилась в теплую, восхитительно пахнущую живую подушку. Ибо нет ничего трагичнее, чем расставание. Расставание с крепкими объятьями сна!

А потом Глошад нарушил всю идиллию:

— Уже влюбилась в меня?

Если это такой странный способ поднять девушку с кровати, то он работает. Смахнув с ресниц остатки сна, я громко фыркнула, села и потянулась.

Томно. Сладко. До тихого хруста. Еще и по плечам провела, якобы убирая назад темный густой водопад из волос. Все для Глошада. Точнее, все для того, чтобы этот самоуверенный принц понял, кто и в кого тут должен влюбляться.

С не меньшей грацией спустила ноги на пол и пружинящим шагом отправилась за одеждой. Торжествующей улыбки не скрывала, но в сторону Глоша нарочно не смотрела, чтобы не выйти из роли. С него станется закатить глаза или прыснуть от смеха, потешаясь над моими телодвижениями. И только в дверях ванной позволила себе повернуться и бросить мимолетный взгляд на спасителя.

Уж лучше бы шла себе и шла, не оглядываясь!

Потому что Глошад смотрел. Смотрел с подчеркнутым вниманием. С незнакомой мне жаждой в глубине потемневших глаз. Смотрел замороженно. Смотрел так, что меня бросило в жар.

Он просто смотрел, но это было изысканнее самых неприличных ласк.

Положение спасла кошачья сущность, в коей ещё бурлила нереализованная жажда мести. Дав лапой мне мысленную оплеуху, она скорчила такое выражение, что я поспешно нырнула в ванную, закрыла дверь и даже заперлась.

От греха подальше! А то мало ли на какие эксперименты потянет.

Не его, так меня.

Открыв кран на полную, быстро умылась и подставила руки под струю. Вода успокаивала и вводила в какой-то особый транс, из разряда «и пусть весь мир подождет».

Мир не выдержал столь вопиющей наглости и забарабанил в дверь.

— Мими, хочу заметить, что для представительницы кошачьих ты слишком долго плещешься в воде!

Тон принца был скорее насмешливым, чем недовольным, поэтому я не

стала прерывать занятия.

— Не торопи девушку, мышиный король! — крикнула в ответ. — Я еще не отошла от мысли, что это по твоей милости несчастная парда принимала контрастный душ.

Глошад негромко рассмеялся и ушел, позволив мне вволю поплескаться в раковине и извести половину жидкого мыла с запахом жасмина.

— Кстати, а как так вышло, что ты стал Блошем? — любопытствовала, выходя из ванной уже при полном параде. — Внедрение в тело? Захват сознания? Созданная оболочка?

Глошад, занявший прежнее место, повернул голову и вопросительно поднял темные брови.

— Внедрение. Захват. Оболочка, — медленно повторил он, не скрывая неодобрения. — А чему-нибудь полезному вас учат?

Я вспомнила тренировки Ши-Вана и была вынуждена честно признаться:

— Редко.

Обойдя кровать, притормозила перед зеркалом, придирчиво оглядывая растрепанную черную копну волос.

— Кому-то срочно нужно заняться моим просвещением. В противном случае...

— ...ты скончаешься от любопытства? — закончил Глош.

Пригладив пятерней безнадежно спутанные волосы, я фыркнула и оставила попытки выглядеть чуточку приличнее.

— И не надейся! Я не доставлю такой радости своим врагам. — Обойдя стол с посудой, присела на пуфик и оценивающе оглядела собеседника. — И все-таки, как тебе удалось использовать мышей в качестве шпионов?

Глошад чуть поморщился, словно я вынуждала его признаться в чем-то не слишком приятном.

— После покушения родители очень боялись, что звериная ипостась вырвется на свободу. На меня надели очень сильный блокиратор, — Глошад поднял руку, демонстрируя этот мерзкий с точки зрения оборотня артефакт. — Я не мог пользоваться своей силой, не мог признаться кому-то, что адекватен, поэтому начал развивать в себе дар видящего.

Я выразительно скривилась, транслируя, очевидно — да-да, и этому нас тоже не учили. Ну, может, я прогуляла... Или проспала эту пару. Да, второе более правдоподобно.

— Дар видящего встречается редко, и чаще таких одаренных отдают

служить в храмы или крепости, расположенные на границах с другими королевствами, — ответил Глош, опять-таки с неохотой, словно это признание я из него клещами вырывала. — При должном старании видящий способен видеть глазами других существ. Для этого берется новорожденное существо, и видящий учится проникать в его сознание. После многолетних тренировок одаренный способен переносить часть своего сознания в выбранное животное и уже через него смотреть глазами других. Доподлинно известно, что разные видящие брали в разведчики птиц, летучих мышей, хорьков, некрупные породы собак, бродячих кошек. Эддар использовал в качестве шпионов и посланников птиц, я был вынужден...

Он смущенно умолк, не договорив. А я вдруг встрепенулась, шокированная пришедшей в голову догадкой.

— Глош, а кто ты во второй ипостаси?

Принц чуть опустил голову и набычился.

— Дракон, — с вызовом ответил он и тихо добавил: — В теории.

Секунду я переваривала его ответ, убеждаясь, что это не слуховые галлюцинации, а потом покатила со смеху.

— Дра-кон, — стонала, хватаясь за живот и утирая выступившие слезы. — Повелитель мышей! Ой, не могу! Мать моя кошка! Он — дракон!!!

Представитель семейства крылатых и огнедышащих ящеров спокойно смотрел на хохочущую кошку, лишь изредка качая головой. Мол, не ожидал от тебя такой реакции.

— Ладно, ладно! Не смотри так! — воскликнула я, старательно гася веселье. — А почему в теории-то?

— Потому что я никогда не превращался, — забил последний гвоздь в крышку моего спокойствия принц. — Ой, да ну тебя! — с наигранной обидой буркнул принц, хотя у самого губы тоже подрагивали в улыбке, и ушел умываться.

Мой приступ смеха сменился улыбкой. Подумать только, Глошад — последний представитель драконов. Кстати, а почему последний?

Может, Алекс просто не в курсе, что старший наследник престола здоров и адекватен? Да и потом, как умственные способности, тем более утраченные при жизни из-за магического вмешательства, а не врожденные могут повлиять на продолжение рода?

Ладно, не об этом надо сейчас думать.

Еще неизвестно, что там удумал мышиный покровитель. С этого хитрого недоящера станет использовать меня в качестве предмета

шантажа Итона, а мне быть пешкой в чужих играх больше не хочется.

А еще хорошо бы заранее придумать убедительную формулировку для Итона и Джерома. Что-то вроде: «Не виноватая я! Он сам пришел».

— Мими, — выходя из ванной и вытирая полотенцем мокрые темные пряди, позвал Глошад. — Я могу попросить тебя о небольшом одолжении?

Я аж подскочила со своего места.

— Э, нет! — вспылила, чуя в «небольшом одолжении» глобальную подставу. — С меня хватит этой ночи и «Команды мечты, команды принца»! Я, знаешь ли, ещё от похищения не отошла, чтобы влипнуть во что-то новое. Нет, и не проси! — я даже ногой топнула. — Тебя за язык никто не тянул. Сам дал Эддару слово, вот теперь сам и уговаривай Итона натянуть корону.

— Вообще-то я хотел попросить тебя ни во что не лезть, — с улыбкой признался старший наследник, забрасывая полотенце на плечо. — Подумал, что ты не устоишь и... Мими, ты какая-то неправильная парда.

Я скрестила руки на груди и вскинула подбородок.

— Уж кто бы говорил, ящерка!

* * *

Сколько себя помню в серых и убогих стенах альма-матер, эмоции преподавателей никогда не совпадали с эмоциями учащихся. Так было при прошлом директоре и так же осталось, когда наша философская школа общего магического профиля имени всеми забытого Алекса (кстати, надо будет на досуге разузнать полное имя отца-основателя этого места, а то некрасиво как-то его просто Алексом звать) получила статус Академии.

На экзаменах студенты тряслись от страха перед провалом, преподы украдкой зевали. На немногочисленных вечеринках по случаю праздников учащиеся отрывались на полную, учителя бдили. На практических занятиях молодые умы чувствовали себя первооткрывателями, а в души преподавателей вселялся обоснованный страх перед разрушениями.

Но в тот момент, когда мы с Глошадом вышли из портала, аккурат перед крыльцом западной пристройки, случилось невероятное. Преподавательский состав факультета закрытых знаний и немногочисленные студенты нашли общую точку соприкосновения.

Серьезно, еще никогда не видела на лицах такого коллективного желания прибить одну милую и красивую пардочку на месте.

— Эм... — проямлила я, совершая стратегическое отступление.

Ну хорошо! «Отступлением» мое позорное бегство за широкую спину Глошада это можно было назвать с натяжкой. И что с того, что парды не прячутся за чужие спины? Я бы на вас в похожей ситуации посмотрела!

— Ноэми... Иди-ка сюда, — прошипел кто-то.

Очень неодобрительно и зло прошипел. Естественно, я даже с места не сдвинулась.

— Не пойду! — крикнула, выглядывая из-за плеча Глошада. — У вас такие лица, словно вы всю ночь коллективно планировали принесение парды в жертву богам удачи!

Это было правдой.

На верхней площадке крыльца сидели, связанные спиной друг беддебд к другу, Салли Грэм, Том Митчел, лиэс и Шархай с внушительной шишкой на лбу, плавно переходящей в оплывший глаз. На козырьке крыши зло скалился белый волчонок (и какая нелегкая его туда только занесла), не решаясь съехать вниз по черепичному скату. На траве, привязанные за руки к перилам, стояли близнецы Райч, чей болезненный вид довел бы до слез даже самую бессердечную и опытную медсестру. За их спинами возвышался Дерен Маккалич. Каким-то немислимым образом, даже растрепанный, с царапинами на лице и в разорванной рубашке, он умудрялся выглядеть словно бесстрашный принц, сошедший со страниц любовного романа.

— Ты где, зараза хвостатая, всю ночь шлялась?

Фу, сколько экспрессии и негодования! Еще немного, и я поверю, что бледный декан глаз не сомкнул, переживая о моей блестящей шкурке.

Угу, как бы эту самую шкурку прикарманить и постелить перед камином, в память о надоедливой пардочке.

— Неверно формулируешь! — влезла Гуля, сидящая на перилах крылечка. — Ты с кем всю ночь зажигала?

— А ничего, что меня едва не убили? — со смесью возмущения и обиды выпалила в ответ.

— Такую убьешь... — раздался голос из задних рядов.

Знакомый голос, но, к моему глубокому разочарованию, вычислить автора фразы не удалось. Я обиделась еще сильнее и решила, что больше общаться с этими бесчувственными существами, мнящими себя моими друзьями и соратниками по команде, не стану. Ну их на фиг!

Кусты с правой стороны затрещали, и среди дорожной каши из снега, гниющих листьев и мокрой земли показалась змеиная морда.

— Где она?! — прошипела морда голосом Ши-Вана и встретилась со мной взглядом.

По спине пробежали мурашки, а кошачья сущность в панике зашипела и выгнулась.

— Покус-саю... Придуш-шу... — пообещал преподаватель, который и в человеческой форме был не слишком симпатичным, а уж в обличье нага так вообще жуть!

— Я все сдам! — на автомате выкрикнула я, хватая Глошада за плечи и разворачивая свой живой щит в сторону нового врага. Щит едва заметно дрожал... от страха? Или нет!

Этот наглый мышиный король, ящерица недоделанная, кусал губы, сдерживая рвущийся наружу смех.

Вот ведь... сволочь королевских кровей!

Вскрик сорвавшегося волчонка и противный скрежет когтей заставил на миг отвлечься и поднять голову. Я с нескрываемым наслаждением следила за тем, как матерящийся Лиам скользит вниз, роняя на головы зевак куски черепицы. Нет, все-таки неприязнь к каннисам у кошек в крови.

А когда вновь взглянула на Глошада, то увидела сосредоточенное лицо принца. На его плече сидела неприметная серая птичка. Вестник Эддара.

— У нас пять дней.

Глава 11. О хитростях в подготовке

— Ноэми, найди отмычку, — пыхтя от натуги, попросил волчонок.

— Я похожа на заведующего воровским складом? — рыкнула в ответ.

Лиам вздохнул и раздраженно саданул по оконной раме, отчего шаткая конструкция из поставленных друг на друга бочек, ящичков и стульев, найденных на чердаке западной пристройки, опасно покачнулась.

— Может, когтем поковыряешь? — предложил напарник.

— Может, мозгами пошевелишь? — огрызнулась я.

Стоять приходилось на достаточно узком квадрате, в неприятной близости от Лиамы, а от него, между прочим, псиной несет! Каюсь, после тренировки все члены команды благоухала отнюдь не розами, но каннис раздражал меня даже чистым и наглаженным, а тут хоть нос затыкай.

И зачем я только полезла на эту верхотуру?

— Эй, воздушные акробаты! Вы там уснули?! — подал голос Шархай, придерживающий раскачивающуюся конструкцию от неминуемого падения.

Лиам ещё раз энергично подергал раму и был вынужден признать очевидное:

— Никак.

Мысленно взыв, я медленно развернулась, перехватила руками балку и... повисла безвольным мешком муки, смешно дергая ногами в потугах подтянуться и закрепить успех.

— Так вот ты какая... кошачья грация, — прокомментировал Лиам, за что едва не получил пяткой по носу, а я собралась и влезла наверх.

Проклиная собственную инициативу, предложившую накануне битвы за престол по старинной студенческой традиции призвать на нашу сторону Халяву. Я-то просто пошутила. Чисто, чтобы обстановку разрядить, а то все такие мрачные ходят.

Ага, разрядила на свою голову.

И ладно бы ещё просто из окошка покричали, так нет! Джером уперся, как последний баран, и потребовал сделать все по правилам, отрядив ради этой миссии нашу тройку. В его понимании это самое пресловутое «по правилам» означало найти самое высокое окно в здании, высунуться по пояс и голосить минимум семь раз на всю округу.

Кто же знал, что самое высокое окно окажется на чердаке. И уж точно никто не мог предположить, что оно будет заперто не на шпингалет, а на

амбарный замок размерами с мою ладонь!

Оказавшись у верхнего края рамы, я оценила фронт работ и приободрилась. У чистокровных пард не принято носить за отворотом пиджака комплект отмычек, зато острые коготки всегда со мной. Крестовая отвертка подошла бы лучше, но за неимением инструмента буду портить маникюр.

Кошачья сущность недовольно гримасничала и надрывно мяукала, наблюдая за тем, как я когтем выкручиваю шляпку шурупа из скобы, удерживающей раму на месте.

Шархай недовольно пыхтел, грозя, что ещё немного, и эта груда хлама рухнет на пол. Лиам, поняв принцип, взялся помогать, а я выкручивала вторую по счету шляпку и гадала, почему до такой простой вещи первым не додумался парень?

И мне бы сразу понять, что дело тут нечисто и дурно пахнет не только потным каннисом, но и подставой, однако я так умаялась за этот день, что сил на думать и сопоставлять части головоломки не осталось.

— Ну! Три-четыре... — скомандовала я, когда нам-таки удалось раскрыть окно. Лиам кивнул, и по-зимнему сонную округу прорезали наши отчаянные вопли:

— Халя-у-ва-а-а-а!!! Приди-и-и-и!!!

На шестом разе под ногами волчонка что-то громко хрустнуло, Шархай емко выругался, конструкция наклонилась под неестественным углом, и Лиам начал заваливаться назад. В отчаянной попытке устоять этот блохастый волчара схватил меня, не ожидающую подвоха, за руку, и мы доказали принцип притяжения на своих шкурах.

— Чтобы я еще хоть раз... — простонала, сползая со стонущего канниса.

— А придется, — ухмыльнулся склонившийся над нашими поверженными телами Шархай. — Вам один раз прокричать осталось.

— Обойдется! — прошипела я, поднимаясь на ноги и стряхивая пыль. — И вообще, образованные люди не верят в приметы.

После чего с гордым видом покинула чердак и начала спускаться.

Ничего-ничего. Сейчас запрусь в комнате, скину обувь, босиком пройду по прохладному полу, встану под душ... Кстати, про душ.

Миновав второй этаж, где располагались спальни обучающихся, я решительным шагом дошла до первого и направилась в один из кабинетов, оккупированных преподавателями для обсуждения вторжения.

Даже в коридоре были слышны голоса спорщиков.

— ... остается только путь через восточное крыло...

— Восточное крыло? Да нашу малышню нашинкуют, едва они переступят порог...

Мешать спорщикам не хотелось, поэтому я притормозила и попыталась заглянуть в замочную скважину, чтобы подглядеть количество присутствующих на тайном собрании.

Хвала инстинктам! Если бы не молниеносное движение и отскок в сторону, то створка не оставила бы ни одной выступающей части на моем хорошеньком усталом личике.

Покусанный каннис, как же я могла забыть про следилки и заклинания от прослушки, которыми наверняка был утыкан кабинет и коридор в придачу. Ванную. Говорю же, мне срочно нужно в ванную и на боковую.

— Что-то случилось?

Выглянувший Дерен показался удивленным.

— Нет, нет, — улыбнулась я, незаметно стряхивая прилипшую паутинку. — Просто хотела удостовериться, что кое-кто занят и не станет портить мне удовольствие от ванны.

— Глошад?

Я кивнула.

После моего феерического возвращения на родной факультет старший наследник престола заперся в доме ректора и... Что происходило за закрытыми дверьми, никто так и не понял, но прилипшие к окнам учащиеся клялись, что крепкий с виду домик ходил ходуном, стонал от ударов и плакал разлетающимися осколками стекла. Я все пропустила, так как объяснялась с Джеромом.

— Ну все... — зловеще прошептал тот, узрев меня живой и относительно невредимой, и начал обнимать.

В тот день в моей классификации появилось определение нового эмоционального состояния, получившее кодовое название «так люблю, что придушу».

После нас собрали в классе и заявили, что в банде идиотов, давших клятву Джерому, появился новенький. Я так растерялась, что даже не знала, как реагировать на это заявление, а Глошад кивал, знакомился с ребятами и вел себя так, словно бы это не он дал слово Эддару посадить на престол Итона-Бенедикта. Кстати, тот тоже присутствовал при встрече и выглядел плохо. Так плохо, что я незаметно отделилась от остальных, подошла и заглянула в потемневшие от усталости глаза.

— Вы как?

Но тот лишь покачал головой, давая понять, что сейчас не место и не время, чтобы делиться личными переживаниями. А больше возможности

поговорить у нас не случилось...

— Ноэми, ты слушаешь?

— А?

Маккалич наклонил голову. Свет лампы отразился от тонкого золотого ободка, придерживающего темные волосы декана.

— Я советовал тебе поторопиться, пока эту самую ванную не переоборудовали под цветник.

На чувственных губах Дерена заиграла улыбка, характерная для заговорщиков, в глазах застыло ожидание, присущее всем сводникам.

Мысленно перечислив основные факты: поход на чердак, цветник, ухмылка личного телохранителя младшего принца, мысленно взвыла и бросилась к лестнице.

Кошачьи боги, ну как же можно быть такой наивной?! Почему я сразу не догадалась, что миссия по призыву Халявы — это отвлекающий маневр! И вдохновил нас на этот поход не кто иной, как младший наследник Джером, чтобы подготовить сюрприз.

Ну если это блондинистое величество действительно заняло мою ванную под свои букетики, то я за себя не ручаюсь. Интересно, а в законодательствах есть мера наказания за хлестание будущего короля букетом по смазливой физиономии?

Надо бы заручиться поддержкой Шархая, который в случае чего соврет, что я была в состоянии аффекта. Жаль, что некогда.

— Да чтоб тебя... — простила я, хватаясь за голову при виде собственной комнаты.

Принц подошел к делу с поистине королевским размахом и занял не только ванную, но и вообще все пространство комнаты. И говоря «все», я действительно подразумеваю ВСЕ!

Джером, застигнутый моим внезапным появлением, выронил венок из хвои, который крепил к люстре.

— Ну просил же... — тихо выдохнул он, спрыгивая со стула.

А мой взгляд метался между тремя пышными коробками с цветами, под которыми покоилась лабораторная по начертанию магических символов, вазой с бутонами эксклюзивных роз, которая стояла на стопке книг из закрытого фонда (зная вредный характер библиотекаря, я не рисковала даже открывать их без специальных перчаток), и кроватью, устеленной алыми, розовыми и белыми лепестками. Точно такое же ровное покрывало из лепестков устилало пол.

Пока я пребывала в шоке, Джером прокашлялся и встал на одно колено.

— Ноэми Вейрис, — торжественно начал принц Райвиль, — прошу вас...

— Какого хрена!!! — заорала я, сжимая кулаки.

* * *

Тайное собрание было прервано на самом неинтересном — присутствующие зашли в тупик. Поэтому, когда сверху донеслись звуки борьбы и клятвы парды «раскатать кое-кого в блин королевских размеров», мужчины синхронно подняли головы, глядя на потолок с чуть раскачивающейся люстрой.

— Момент выбран крайне неудачно, — посетовал Алекс, качая головой.

— У паренька не было даже крохотного шанса, — заспорил Ши-Ван. — Парды гуляют сами по себе... И лишь по весне с котом!

Угрозы плавно перетекли в действие, и теперь подрагивала не только люстра, но и сам потолок. Судя по воплям, к участникам присоединились новые действующие лица, шум драки усилился.

— Весьма нетипичная реакция на признание в любви, — заметил профессор Тесме.

— Может, сходить разнять? — в задумчивости произнес Дерен.

— А зачем? Сейчас немного побесятся и остынут, — авторитетным тоном заявила Гуля.

Мужчины покосились на каменную горгулью, кончиком хвоста малюющую плакат с лозунгом «проснись и пой, профсоюз с тобой», и нехотя признали ее правоту.

— Вернемся к обсуждению? — предложил молчавший до этого ректор.

— А чего тут обсуждать? — нехотя начал Ши-Ван. — Мы в полной ж...

Окончание фразы затерялось во внезапной вспышке портала, и рядом со столом, заваленным чертежами королевского замка, возник высокий брюнет.

— Прошу прощения, — чуть запыхавшись, сказал Глошад.

— В чем дело, лгун? Не мог отделаться от слезки слепой няньки и дряхлого камердинера? — ехидно уточнил Ши-Ван.

— Хуже, — мрачно выдохнул принц. — Родители подсунули очередную ммм... компаньонку на ночь. Пришлось устроить погром с

истерикой.

«Это тебе за комнату! Это за фаворитку! Это за то, что не понял с первого раза!» — донеслось сверху.

Глошад прислушался к воплям, потом хмыкнул и подался вперед, поворачивая разложенную на гладкой поверхности схему лицом к себе.

— Что решили?

Мужчины многозначительно молчали — признавать собственное интеллектуальное бессилие никому не хотелось.

— Ой, я тебя умоляю, Глошик! — воскликнула Гуля, бросив плакатик. — Этот, — кивок в сторону ректора, — столько времени провел на воде, что и не помнит, как драться на суше.

Итон-Бенедикт нахмурил брови и начал обрастать чешуей, но горгона лишь бесстрашно махнула крылом в декана и продолжила:

— Этот из всех помещений дворца только спальни фавориток и запомнил. Эти, — кивок в сторону профессора Тесме и Алекса, — без конспектов и двух слов связать не пробуют. Ну а этот...

Ши-Ван, на которого указывал кончик измазанного краской хвоста, недобро прищурился и потянулся к поясу, где был прикреплен нож. И Гуля решила не рисковать.

— Короче, сам понимаешь, — скомкано закончила она речь и перелетела на стол, поближе к старшему наследнику. — С ними каши не сваришь.

Глошад несколько минут сверлил карту глазами, затем отошел и забрал коробку с красками.

— По традиции, когда время прошлого короля подходит к концу, объявляется битва за престол. Королевский замок становится полем боя. И если смерть тысячи стражников — простая статистика, то смерть одного из принцев — настоящая трагедия. Вот почему в день битвы замок и прилегающая часть накрывается магическим куполом. Любой серьезно раненный боец немедленно переносится за купол, где ему смогут оказать помощь. Кровоточащая рана, пусть даже самая незначительная, полученная принцем, выводит из игры всю его команду...

— Спасибо за то, что повторил всем известные вещи, — буркнул Ши-Ван. — По существу есть чего?

Глошад поднял на рыжеволосого мужчину задумчивый взгляд, и всем присутствующим на совете стало немного не по себе.

— Да, про купол известно всем, — с ледяным спокойствием согласился старший наследник. — Однако мало кто знает, что сам замок также кишит ловушками.

Принц небрежным жестом откинул крышку с банки красной краски и принялся водить по схеме.

— Мне удалось вычитать из хроник, что в этих четырех залах находятся стандартные ловушки: стрелы, копья, несколько провалов... ничего интересного. В эти коридоры, — он зачеркнул два ответвления, — лучше вообще не заходить. В текстах упоминается что-то про темный сгусток тумана, который выпивает жизнь.

— Слуги тьмы... — прошептал Алекс, придвигаясь ближе.

Как и все остальные.

— Вот эта лестница под вопросом, — продолжил Глошад. — Есть упоминание, что три или четыре битвы назад ловушку повредили, и она перестала работать. Но четыре года назад лестницы перекрыли, якобы для строительных работ. Сомневаюсь, что за работами по реконструкции должен следить придворный маг... Вот в этой галерее оживают доспехи и, что совсем плохо, оружие...

Глошад раскрашивал карту красными пятнами, широкими взмахами зачеркивая опасные места, ставил знаки вопросов и обводил в круг входы и выходы в потайные коридоры замка. К концу работы его руки были выпачканы алым.

«По локоть в крови», — подумал Ши-Ван, с неприязнью глядя на новичка.

— Самым безопасным маршрутом остается этот: войти через черный ход западной башни, подняться по лестнице на чердак, миновать практически большую часть ловушек по крыше и спуститься вот в эту галерею по веревке. Вот здесь придется пробить фальшь панель, и команда окажется в тронном зале. Дальше все будет зависеть от того, успеет ли Джером занять престол первым.

Присутствующие склонились над картой, обсуждая, что из оборудования потребуется двенадцати учащимся с принцем во главе. Глошад отошел к окну, схватил какую-то тряпку и принялся оттирать ладони от краски. Свою задачу он уже выполнил.

— Я тебе не верю.

Принц слышал, как тихо крадется к нему Ши-Ван, поэтому ничуть не удивился его появлению. Не прерывая занятия, старший наследник повернулся к собеседнику и вопросительно поднял брови.

— Я не верю в сказки, — не сказал, а точно сплюнул преподаватель по общей физической подготовке. — Тем более в доброго фея-крестного, который появляется в самый ответственный момент и разруливает все проблемы.

— Ши-Ван, тебе кто-нибудь говорил, что ты параноик?

— В лицо нет. А что? Уже пошли слухи?

Глошад улыбнулся и поднял руки в примирительном жесте.

— Верить или нет — личное дело каждого. Тем более ты прав — я действую сугубо в личных интересах.

Последнюю фразу принц произнес так тихо, что никто, кроме Ши-Вана, не смог расслышать этих слов. Задев плечом взбешенного оборотня, Глошад вернулся к столу и наклонился к Итону-Бенедикту.

— Я знаю, ты против того, чтобы звать Ильсора, но...

— Мы это обсуждали. Я не стану его дергать по таким пустякам.

Глошад нахмурился и, поймав взгляд зеленых глаз, вкрадчиво проговорил:

— Просто подстраховка. Для их безопасности.

Мужчины напряженно смотрели друг на друга, ясно осознавая, что вместо «их безопасности» Глошад имел в виду одну вполне конкретную хвостатую любительницу влипнуть в неприятности.

— Хорошо, напишу дяде записку, — сдался ректор, протягивая руку за чистым листом.

Если до этого у Итона-Бенедикта еще был шанс избежать судьбы, то теперь та настигала его в облике хитрого дракона.

* * *

Ильсор Блесток поднялся и, тяжело ступая, подошел к окну. В руках невысокого грузного мужчины были зажаты две бумаги, подтверждающие слова незнакомца. И тем не менее старая привычка сомневаться в здравом уме генералов, а потому всякий раз перепроверять их приказы, взяла верх.

— Вы хотите сказать, что мой племянник и его отец нашли общий язык и теперь действуют заодно?

Незнакомец, оставшийся сидеть за столом, вежливо улыбнулся.

— Я понимаю, что вас смущает, поэтому Итон и Эддар снабдили меня этими бумагами.

— Да, но зачем бумага, если они могли прийти сами. — Старый вояка все еще сомневался.

Незнакомец покачал головой.

— Увы. Маги погрузили его величество в какой-то магический кокон из-за опасений, что он не доживет до передачи власти, а Ит опасается покидать территорию Академии. Сами понимаете, когда столько лет

успешно подавляешь сущность змея, тяжело смириться с внезапным срывом.

Ильсор провел по молочно-белой от седины бороде и вернулся к столу.
— Давайте список...

Брюнет потянулся к внутреннему карману черного кардигана. Опытный взгляд моряка выхватил из общей картины крохотное несоответствие — пятнышко краски на манжете костюма. Впрочем, едва отставному моряку передали пергамент со списком имен, весьма важных имен, след от краски вылетел из головы вояки.

Перечитав список в третий, а может, и в четвертый раз, он покачал головой.

— Даже если я отправлю вашу просьбу сейчас, то большая часть указанных господ не сумеет приехать на битву вовремя. Как бы не вышло, что я зря потревожил всех этих людей.

— Будем надеяться, что они успеют к своему часу.

Незнакомец встал, давая понять, что на этом разговор закончен, и, пожав руку бывшему моряку, скрылся в портале.

Еще несколько минут в кабинете властвовала растерянная тишина, выдавая потрясение хозяина, а после Ильсор достал из ящика портрет сестры и протянул:

— Дела-а-а...

* * *

Ярко освещенная комната все ещё хранила атмосферу торжественности званого вечера, которую бестактно прервал портал и появившийся из него принц. И если появление старшего наследника престола и вызвало легкое недоумение, то его дальнейшее предложение, озвученное с глазу на глаз, поставило принца в тупик.

— Почему я должен верить тебе?

Толлян поднял брови в вопросительном изломе. Средний наследник был хитер, злопамятен и внешне напоминал мангуста. Принцу нравилось охотиться на гадюк, пригретых во дворце, упиваться их бессилием, когда он вытряхивал на свет добытый компромат, и строить далеко идущие планы. За долгие годы грызть глотки змеям и стравливать их друг с другом стало излюбленной игрой Толляна, но оказавшись лицом к лицу с совершенно иным противником, наследник растерялся и слегка запаниковал.

Глошад чувствовал эту слабость, как другие чувствуют запах тухлых яиц, и мысленно кривился от отвращения. Впрочем, чувства никак не влияли на маску холодной собранности, застывшей на его лице.

— Верить? Мне? Я много лет скрывался под маской безумца. Верить мне было бы глупо, — с ленцой произнес Глошад, протягивая руку за бокалом с вином.

— Тогда в чем смысл твоего появления?

Старший наследник попробовал вино, одобрительно кивнул и поставил бокал обратно.

— Банальный расчет, дорогой братец. Видишь ли, мы с королем Эддаром не нашли общего языка, поэтому я крайне заинтересован в том, чтобы хорошо жить при новом монархе. Меня самого никогда не прельщало бремя власти, Джером и его бестолковая команда желторотиков ещё слишком юны, чтобы поставить на их победу. Вот поэтому первым я заглянул к нашему братцу Викарду...

— Правда? — изобразил любопытство принц. — И как он?

— Все такой же болван, — чуть поморщился Глошад. — Да, выращенная им армия Бешеных впечатляет и впечатляет сильно, но по части убеждений и нахождения сторонников он все так же непроходимо глуп. Именно поэтому я прибыл сюда, чтобы иметь возможность побеседовать с человеком, достойным занять престол.

— И как ты мне поможешь?

Старший наследник вытащил план королевского дворца и перекинул сидящему напротив Толляну. С присущим вниманием тот отметил, что лист схемы складывали впопыхах, не озаботившись тем, чтобы сгибы совпадали, цепким взглядом осмотрел сделанные пометки и исподлобья глянул на Глошада.

— Твои условия... — принц чуть помедлил и добавил: — Союзник.

Губы старшего наследника расплылись в широкой улыбке.

— Всегда приятно иметь дело с умным человеком.

* * *

Нет, ну каков Джером все-таки ушибленный на голову! Это надо же додуматься предложить мне, чистокровной парде, боевому товарищу и другу по детским играм, стать его женой. Тайной, естественно! Ведь никто из знати не потерпит парду в качестве новой королевы. А чтобы никто не догадался, я получу официальный статус его фаворитки.

— То есть супружеский долг будет, а обязательств никаких? — уточнила я, чисто для того, чтобы видеть картину целиком.

И вот Джером уже по дребезжающим нотками гнева в моем голосе должен был осознать, что его предложение пришлось парде не по нраву, но маменькино высочество наивно мигнуло огромными голубыми глазами и выпалил:

— С моей стороны — никаких, но от тебя...

На этом звериная сущность не выдержала и сорвалась.

Будущий король отбивался, кидался патетическими фразами, мол, я не ценю его чувств, и вообще, «его предложение — это великая честь для потерявших доверие пардов», чем только сильнее бесил. На звук драки и наши крики примчались Лиам и Шархай, и случилось невиданное! Полосатый приятель переметнулся в стан врага, а блохастое недоразумение примкнуло к обиженной таким положением дел стороне, ко мне то есть.

— Хватит! — неожиданно приказал Джером в самом разгаре драки, и клятва, данная на крови, заставила нас подчиниться.

Моя рука застыла с занесенным над головой веником, Шархай, сцепившийся с Лиамом при попытке скрутить меня, обмяк и замер, придавив поджарого канниса своим телом.

Я смотрела в большие глаза принца, ставшие цвета предгрозового неба, ощущала знакомый с детства запах друга, а тот кусал губы.

— Хватит, — повторил он с негодованием. — Слышишь, Ноэми? С меня хватит!

После чего развернулся и выскочил из комнаты как ошпаренный, а за ним из комнаты вышли Шархай и помятый Лиам.

— Топаи, величество! — крикнула вдогонку неестественно прямой спине друга детства. — И чтоб больше я от тебя подобной мерзости не слышала, понял?

— Психованная! — вместо «покойной ночи» буркнул побитый принц.

— Придурок! — не осталась в долгу, с оглушительным стуком закрывая дверь, и со вздохом осмотрелась.

Комната выглядела словно после студенческой вечеринки, за тем исключением, что вместо пустых бутылок и грязной одноразовой посуды всюду валялись помятые, переломанные и потерявшие прежнюю прелесть букеты цветов.

Оглушительно чихнув не то от поднятой пыли, не то от мешанины запахов, рыкнула и пошла к кровати. Нет, я в этом палисаднике спать не собираюсь!

Собрав постельное белье, подушку и одежду на завтра, я вышла в

коридор, едва не сбив Памелу.

— А что тут...

— Не спрашивай! — перебила ее, выставив руку в предупредительном жесте, и целеустремленно зашагала по коридору прочь.

Где-то тут должна быть пустая комната, предназначенная для кого-то из преподавателей. Искомое помещение обнаружилось подозрительно быстро и даже было не заперто. Быстро оценив комнату и сочтя ее годной для ночевки, я застелила постель и поплелась в душ.

Увы, но после пережитой нервотрепки никакой радости он уже не доставил. Плюнув на ужин (терпеть присутствие Джерома я была не готова), я под предлогом взбивания подушки от души врезала по ней кулаком и завалилась спать.

Завтра... Завтра сложный день.

День, когда все (ну практически все) наследники вступят в нешуточную битву за право сидеть мягким местом на престоле. Странно, почему я не испытываю трепета на этот счет?

День, когда мы с Джеромом попытаемся опередить соперников и выиграть. Интересно, а как народ Аристалии отнесется к тому, что на престол сядет прыщавый юнец?

День, когда Глошад сделает все, чтобы выполнить клятву, данную Эддару. Любопытно, как он планирует выкручиваться?

Я перевернулась на другой бок и уставилась на занавешенное старенькими шторами окно.

Удивительно, но факт — Глошад очень легко влился в нашу разномастную компанию. Тому имелось две причины: безоговорочная вера в него ректора (все-таки мордобой решает многое) и молчаливая поддержка первого меча королевства.

В те редкие часы, когда принцу удавалось ускользнуть из замка и перенестись в пристройку, Гуля становилась его тенью. Госпожа Руколой, наша флегматичная Айрис, откровенно млела при виде принца (что сильно бесило Ши-Вана). Алексу достаточно было пообщаться со старшим наследником полчаса (речь шла о скучной лекции какого-то профессора, поэтому я особо не вслушивалась), и теперь он частенько советовался с новым членом команды обо всяких мелочах.

Джером с Ши-Ваном возглавляли оппозицию, всем видом демонстрируя свою нелюбовь к этому «наглому выскочке» и «темной лошадке». Остальные отнеслись к появлению Глошада как к чему-то неизбежному и хранили нейтралитет. Я же металась из крайности в крайность.

Мне нравился наш ректор, и я поклялась самой себе не влезать в это дело, но молчать, зная, что Глош намерен сделать, было тяжело. С другой стороны, лучше Итона короля не найдешь. По крайней мере, из того скудного перечня претендентов, что у нас имелся.

Отвернувшись к стенке, я заставила совесть заткнуться и закрыла глаза.

Мне снился королевский парк поздним осенним месяцем. Черная кошка, еще совсем котенок, застыла на краю облетевшей рощи и пристально следила за тенью уходящего дня.

— Охотишься, маленькая.

Парда стремительно обернулась на звук голоса и ощерила молочные клыки — это кто тут маленькая? — но в ответ услышала тихий смешок. От ствола ближайшего дерева отделилась фигура высокого юноши и опустилась перед ней на колени.

— Какая ты хорошенькая, — прошептал он одними губами, робко улыбнулся и протянул руку.

Черный котенок приблизился и с истинно женским коварством укусил юношу за подушечку указательного пальца. Сильно, до крови. Любой другой уже отдернул бы руку или дал ей затрещину, но не он. В его власти было заставить ее мурлыкать и ластиться к его руке, но он всегда давал ей выбор.

Вздвогнув, я проснулась и резко села. Точнее попыталась, но чьи-то руки стремительно поймали меня за плечи и вернули на подушку.

— Все хорошо, Мими. Это я.

Я сонно моргнула, разглядывая чуть смазанное темнотой лицо, и резко подскочила.

— А?! Что? Я проспала?!

Итон улыбнулся, но зеленые глаза остались полны задумчивой печали.

— Сейчас только пять утра. — Я со стоном упала обратно на подушки. — Извини. Не хотел тебя будить, но это не могло ждать до рассвета.

Покусанный каннис! Что опять случилось?

Сев и подтолкнув под спину подушку, я в упор посмотрела на ректора. Усталый, похудевший, с заострившимися чертами и вертикальным зрачком чуть фосфоресцирующих в темноте глаз. Вот теперь я верила, что передо мной сидит наг.

Еще бы знать, что привело его к моей постели, и вообще супер!

— Ты должна остаться.

О! А вот и причина.

— И не закатывай глаза, Ноэми, — голосом всеведущего дядюшки заявил ректор. — Завтра... уже сегодня, — поправился Итон, глянув в окно, — в замке будет очень опасно. Да, благодаря Глошаду у нас есть план ловушек и более-менее безопасный маршрут для передвижения, но, объективно говоря, этого мало... Вы не готовы для этого сражения.

— Спасибо, очень воодушевляет, — фыркнула я.

На какое-то мгновение в комнате воцарилась тишина. Я гневно сверкала глазами, Итон-Бенедикт рассматривал меня своим жутким взглядом, от которого пробирала мелкая дрожь отвращения (ну не люблю я змей!). А потом ректор Академии, отставной офицер, заслуживший медаль, с виду умный мужчина наклонился и предложил:

— А хочешь, я тебя запрю?

Кто-нибудь расскажет, где купить справочник мужской психологии и анализа поведения? Seriously, иной раз поведение противоположного пола ставит меня в тупик.

— Это шутка? — с надеждой посмотрела на собеседника.

— Плохая мысль, согласен, — со вздохом признал Итон, яростно почесав затылок, а затем резко встал. — В случае малейшей травмы принца магия выдернет его из гущи схватки, его команда считается выбывшей и так же должна уйти из замка через портал. Ноэми, достаточно будет даже легкой царапины.

Эмм... это сейчас тонкий намек на что? Я должна найти принцев-конкурентов и вывести их из игры? Хорошо, но почему эта миссия расходуется с изначальной оценкой нашей боевой готовности? А может, Итон говорил о команде в целом, типа «вот они не готовы, а ты давай, дерзай, чертовка». Тогда к чему предложение меня запереть?

Чем больше Итон молчал, тем безумнее приходили мне мысли. Вероятно, отголосок одной из них отразился на моем лице, потому что Итон-Бенедикт снизошел до пояснений:

— Зная тебя, полагаю, ты не удержишься от того, чтобы залезть в гущу событий, а Джером бросится тебя спасать. Поэтому запомни, Ноэми, если тебя ранят, ранят серьезно, достаточно будет царапины на теле Джерома.

— Но!

— Это не предательство. Это спасение жизни.

Не говоря больше не слова, стараясь не смотреть в мою сторону, ректор вышел из комнаты и плотно прикрыл дверь.

Шумно выдохнув, я растерла полыхающее от гнева лицо руками.

А ведь Итон всегда казался человеком высоких моральных принципов. Скажи подобное Ши-Ван или тот же Маккалич, я бы не удивилась, но

ректор... Неужели битва за престол и в самом деле настолько безжалостна и кровопролитна, раз даже он предложил такое?

Не успела я улечься обратно, как дверь бесшумно отворилась, и в комнату просунулась голова Шархая.

— Спишь?

— Изыди! — простонала я, не открывая глаз.

— Ну вот и замечательно. — Тигр забрался на кровать и хлопнул меня по ноге. — Ноэми, мне нужен твой совет!

— В пять утра?!

Глаза-таки пришлось продрать, ибо в другом случае возмущение, написанное на моем лице, вышло бы не столь сильным и убедительным.

— Дело жизни и смерти, — с самым серьезным видом сообщил полосатый.

Я застонала, пнула приятеля пару раз, в надежде прогнать нахала с кровати и по возможности из комнаты, но тот сидел на месте, точно каменное изваяние самому себе, и с интересом следил за моими потугами.

— Она меня простит? Или глупо надеяться?

— Глупо будить парду спозаранку перед решающей битвой, — рыкнула я, теряя остатки самообладания.

— Значит, мне не ходить, да?

В этот раз мой возмущенный стон больше походил на рассерженное шипение.

— Кошачьи боги! Шархай, ты вообще о чем!

— О Кики, конечно! — Приятель посмотрел на меня так, словно уже час описывал суть проблемы, а я, глупая, до сих пор не врубилась. — Мне стоит к ней идти?

— Ой, да иди куда хочешь! Только дай поспать, — взмолилась я.

Шархай просиял и хлопнул меня по коленке, отчего я едва не взвыла.

— Спасибо за совет! — Тигр вскочил, добежал до двери, но притормозил. — Ноэми, можно я свистну один букет из твоей комнаты?

— Пошел вон!

— Знал, что ты не откажешь, — ухмыльнулся приятель, покидая мое временное пристанище на ночь.

Но не успела я даже обрадоваться тому, что так быстро смогла отделаться от тигра, как ощутила в комнате чужое присутствие.

Да они издеваются! Что это за ночь паломничества в комнату спящей парды?

Натянув одеяло и для верности спрятав голову под подушку, предостерегающе крикнула:

— Я сплю. И я злая. Так что лучше не трогать меня до утра.

— Хорошо, спи, — любезно позволил визитер.

Услышав низкий, глубокий голос, кошачья сущность заинтересованно подняла морду, я же едва не вскрикнула от радости. Откинув в сторону подушку, одеяло, желание поспать, резко села и внимательно посмотрела на Глоша.

— Ну, а ты чего так рано вскочил?

Принц, чьи губы подрагивали в легкой улыбке, пожал широкими плечами и сделал шаг вперед.

— Да я и не ложился.

— Бессонница?

— Дела. Сама понимаешь — встречи, интриги, — нехотя и чуточку устало пошутил он. — Ничего интересного.

— Дай угадаю, а ко мне ты пришел дать или получить совет.

Если и этот заявился ни свет ни заря дать совет предать друга детства ради спасения собственной шкуры или любовных проблем, клянусь, я не выдержу и запущу в него подушкой!

Старший наследник престола хитро улыбнулся и полез в карман.

— Украшения любишь?

Глава 12. Битва шахматных фигур

Есть на свете вещи, к которым привыкаешь из-за повседневности.

Смотришь на заход солнца, словно на унылую картину, а потом в какой-то момент — бац! — и душа радуется зрелищу как в первый раз. Похожее прозрение случилось со мной, когда Глошад вытащил браслет и переброшил мне. Я и раньше видела много красивых ювелирных украшений, разбиралась на уровне «продвинутой новичок», но сейчас пришла в неподдельный восторг.

Черный гладкий браслет шириной в два пальца приятно охлаждал и оттягивал ладонь. Без вычурных украшений, рисунков, камней и других ювелирных «добавок», он был прекрасен в своей первозданной красоте. Черный и гладкий, как шерсть парды.

Ободок был рассчитан на мужскую руку, но мне нестерпимо захотелось примерить это чудо, что я, собственно, и сделала. Выдав свое магическое происхождение, браслет задумчиво прокрутился на моем запястье и сомкнулся, зафиксировав себя на месте.

— Красивый... — выдохнула, любясь украшением.

— Не обольщайся. — Глошад сложил руки на груди. — Долго я тебе его носить не позволю.

Непроизвольно спрятав руку с браслетом за спину, я вопросительно глянула на принца Вариэля.

— Это не подарок, Мими, — сообщил будущий королевский маг. — Это артефакт моего рода, точнее, мой личный артефакт. Сама понимаешь, такими вещами не разбрасываются. Передаю в пользование только на время завтрашней битвы. После — вернешь.

— И зачем?

Глошад в задумчивости наклонил голову набок, став похож на большую хищную птицу.

— Знаешь парадигму насильственно навязанного добра?

Насильственно... чего?

Ладно, на всякий случай с умным видом киваем.

— Я кое-что подправил, — сказал он скучающим тоном, словно это была самая скучная информация на свете. — Теперь защитная магия купола будет принимать тебя за одного из представителей дома Вариэль.

— А зачем?

— Если тебя ранят, я должен быть уверен, что все будет хорошо, и

маленькая черная непоседа получит своевременную помощь от лекарей. И это не обсуждается.

Да я и не думала возражать. Просто челюсть сама собой вниз поехала.

— Ну ладно... — начал старший наследник, явно вознамерившись уйти.

— Глош, посиди со мной! — выпалила прежде, чем за спиной принца появилась цветная дымка портала.

Сказала, тотчас пожалела и прикусила губу. Потому что Глошад не должен догадаться, что я соскучилась. Потому что это неправильно — ревновать его к другим членам команды, с которыми он общается. Потому что у меня нет причин чувствовать кожей и сердцем, когда он входит в комнату. Потому что одной совместной ночевки (если это, конечно, можно так назвать) оказалось мало.

Лицо Глошада, тонущее в полутенях предутреннего мрака, приняло извиняющееся выражение. Он ещё ничего не сказал, но я знала ответ.

— Мими, я так устал, что просто не в состоянии сидеть... Вот полежать — другое дело!

Ам... Что?

Хлопните меня по щекам, а то парда в шоке!

Я во все глаза наблюдала за тем, как Глош садится на кровать, быстрым движением снимает обувь, пробегает пальцами по пуговицам, расстегивая камзол, стягивает рубашку.

— Чего замерла? Двигайся, — скомандовал он и лег рядом.

Мы немного повозились, пытаюсь устроиться с комфортом. Кровать оказалась узкой для двоих, но мышинный предводитель каким-то образом умудрился лечь так, чтобы между нами пролегла полоса свободного пространства.

Тоже мне пуританин выискался.

— А это что? — нахмурилась я, услышав шелест сминаемой бумаги и вытаскивая из-под бока Глоша сложенный лист бумаги. — «Защитит от разных бед профсоюзный комитет»?

Мой ночной гость приподнялся на локте и тоже с интересом глянул в почирканный листок с наметками.

— А! Это, наверное, Гуля подсунула. И когда только успела... Я имел неосторожность предложить ей несколько идей, после чего ваша крылатая горгона загорелась идеей прибрать меня своими загребущими лапами в профсоюз.

— «Студент, выделись из толпы. Иди в профсоюз, нам нужен ты», — зачитала я.

— Нет, вот эта лучше, — заявил Глошад, отнимая лист. — Вступил в профсоюз? Ты — молодец! Все остальные наживут проблем на попец!

Я прыснула от смеха и сделала мысленную зарубку примкнуть к рядам горгульи, а то многострадальное мягкое место и так слишком часто посещают неприятности, если еще и Гуля начнет охоту, то мне наступит крышка.

Мы с выражением проскандировали еще несколько побуждающих к действию лозунгов, посмеялись и улеглись лицом друг к другу.

Глошад медленно моргал (а может, быстро спал). Я знала эту сосредоточенную складку на его переносице с детства, а вот мягкую полуулыбку видела впервые.

— А я и не знала, что ты такой...

Это было сказано так тихо, что на диалог можно было и не рассчитывать, но Глошад услышал.

— Какой?

У меня было много вариантов: забавный, умный, обаятельный, деятельный, но с языка слетело совершенно иное.

— Удивительный.

— А что не спросила? Я бы сразу сказал.

Я прыснула от смеха и шутливо толкнула его в плечо. Глошад перехватил мою руку, неожиданно крепко обнял, подгребая меня к себе, и сонно буркнул:

— Все. Давай спать.

Еще никогда я не была такой послушной кошечкой, как в его руках...

* * *

Удивительно, но факт, что в своей жизни я засыпала и просыпалась в одной постели аж с шестью разными мужчинами: Джед, братья, ректор, Глош. Хороша девственница, да?

В свое оправдание хочу отметить, что Джед был горячим, как печка, и постоянно жаловался, что мои волосы лезут ему в лицо. Братья пинались, а про ночь с ректором в воспоминаниях практически ничего не уцелело. И только с Глошадом оказалось так комфортно.

Так комфортно, так замечательно, что в какой-то я попыталась перевернуться, Глошад не пустил, и мы свалились на пол, после чего поняли, что проспали.

— Покусанный каннис! — ругалась я, мечась по комнате в спешных

сборах и ударяясь обо все подряд.

Принц предпочел не рисковать и натягивал штаны, оставаясь на полу.

Мать моя кошка, какой позор! Боевая парда проспала начало битвы. А что если наши уже ушли через портал, так и не добудившись меня? Представляю, как радовался Итон, узнав о моем отсутствии.

— Ноэми, это моя рубашка.

— А?

Я так испереживалась, что не сразу поняла, что пытаюсь натянуть на себя чужую вещь. Так. Надо успокоиться и взять себя в руки. А почему руки дрожат? А почему хвост поджат? Чего я боюсь на самом деле? Того, что проспала или того, что все-таки отправлюсь на битву? Ведь одно дело сверкать глазами и бить себя в грудь, мол, я такая бесстрашная и все дела, и совсем другое, когда до решающего момента один шаг. Возможно, последний шаг.

— Эй, ты чего?

Глошад оказался рядом так быстро, что я даже не успела заметить этого. Сильная ладонь легла на плечо, подарив успокаивающее тепло, и несильно сжалась.

— Не паникуй. Я обо всем позаботился.

Ах, ну да. У меня же на запястье его браслет. Защита, которая перенесет меня от греха подальше. В смысле из замка унесет.

Кошачьи боги, почему меня трясет?

— Мими, все будет хорошо.

Глошад крепко обнял, баюкая в своих руках, вселяя уверенность и гася панику. Я вцепилась в его плечи, зажмурила глаза и попыталась найти точку опоры. Кошачья сущность смотрела из глубин души большими от удивления глазами и недовольно била хвостом.

Парды не трусят. Парды не бегут от проблем. Парды всегда на передовой.

Блин! Как тяжело быть пардой.

— ...преподаватели завтракают, — долетел до меня голос Глоша. — Джером так вообще дрыхнет...

Я чуть отстранилась, подняла голову и проявила чудеса женской логики.

— Глош, а поцелуй меня.

Старший наследник престола встретился со мной взглядом, и там такая бездна удивления мелькнула, что я улыбнулась и уже не попросила, потребовала:

— Ну же. Поцелуй меня.

— Зачем?

Я фыркнула и закатила глаза:

— В рейтинге самых глупых фраз в ответ на просьбу девушки поцеловать ее, твой вошел бы в тройку призеров! Ну же, Глошад, поцелуй меня.

Кошачьи боги, благодарю за то, что этот позор никто больше не увидел, но в следующий раз просто лишите меня дара речи. Пожалуйста! Можно икоту наслать или паралич лицевых мышц... да все что угодно, лишь бы я не говорила глупостей.

Теперь я проклинала себя за длинный язык. Чем я думала, прося его поцеловаться? Не головой так точно.

— Ноэми. — Глошад убрал руки и тактично отступил. — Ты, безусловно, мне нравишься. Причем такой, какая ты есть: дикая, спонтанная, неукротимая, умная... Просто я привык к малышке Мими. Проказнице, о чьих проделках во дворце ходили легенды. — Глошад улыбнулся. — Я еще очень хорошо помню, как ты стащила панталоны Дезире и повесила на флагштоке.

Ну, начнем с того, что я была не одна, а с Джеромом. Продолжим тем, что там такая веселая расцветочка была — наш глубокоуважаемый король в окружении нежно-розовых сердечек — что просто грех прятать такую роскошь от общественности и от короля в частности. А закончим историю тем, что нам тогда так влетело за эту невинную шалость, что ещё месяц мы с наследником вели себя аки образцово-воспитанные дети.

— Я к тому, что мне сложно разглядеть в тебе девушку, — закончил Глошад, разведя руками.

Ну-ну, сложно ему, как же! Я еще помню тот голодный взгляд, которым один недоящер сопровождал невинную кошечку в гостиничном номере, так что не надо сказок.

Кипя от негодования, я наклонила голову и оценивающе оглядела его снизу вверх.

лава— Не могу понять, — выдала задумчиво. — Ты не хочешь меня целовать или банально трусишь?

Глош застыл с непроницаемым видом (ну просто кремень, а не парень), после чего щелкнул пальцами, открывая за спиной портал.

— Увидимся в замке.

Я громко хмыкнула, скрестила руки на груди и улыбнулась.

Какой делаем вывод, господа и дамы? Правильно, от нас сбежал трус. А раз так, то будем лечить от недуга.

Вот только сперва подеремся как следует, разгромим Викарда с его

армией Бешеных, обойдем на повороте хитреца Толляна, добудем для Джерома корону и будем лечить. Позавтракать только надо...

* * *

— Мой господин, вы уверены, что мы можем ему доверять?

Викард обласкал воина снисходительным взглядом и не удостоил ответа. Солдаты нужны для битвы, а не обсуждения приказов господ.

— Ваша воля, господин.

Высокий мужчина, затянутый в темно-красную кожу, склонил голову и отошел к сотне замерших в ожидании воинов.

Средний наследник престола опустил взгляд на правую руку. Серебристо-алый браслет королевского дома, богато украшенный сафирами, оставался нем, но Викард знал — это ненадолго. Еще несколько минут ожидания, и перед ним откроется арка перехода.

С певучим звоном вытянув из-за спины кривой клинок безжалостной стали, Викард приготовился к сражению. В портал принц должен войти первым, и уже следом — возвращенная им армия Бешеных. Кто знает, какие сюрпризы могут приготовить ему братья по королевской крови до того, как свора злобных волков, готовых рвать и убивать за своего хозяина, появится из портала.

Губы принца расплылись в предвкушающей ухмылке. Словно отголосок настроения своего хозяина, браслет вспыхнул алым.

* * *

— Удивлен.

Эддар чуть приподнялся на подушках, жестом отослал Джеда и в упор посмотрел на противника. Из-за набирающего мощь проклятья он был вынужден провести несколько дней в магическом коконе и только теперь, перед битвой, пришел в сознание. Придворный маг вырвал у смерти еще несколько дней жизни, вот только чувствовать себя лучше Эддар не стал и был вынужден соблюдать постельный режим и оставаться в полулежачем положении в то время, как старший принц с комфортом устроился в кресле напротив.

Игроки уже заканчивали партию в понятную только им игру, где по шахматной доске величественно ступали искусно вырезанные фигурки

людей и животных; где пешки покидали доску и также легко возвращались в игру, а основные фигуры не менялись уже очень много лет; где правила были понятны только двоим.

Глошад встретил взгляд соперника, улыбнулся одними уголками губ и чуть склонил голову набок, став похожим на статую Итара, бога плутовства и заговоров.

— У меня было время подумать.

Король ещё раз оглядел поле боя деревянных фигурок и был вынужден признать:

— Хороший ход.

Его величество вытянул руку, поставил указательный палец на голову деревянного нага и, чуть помедлив, уронил, признавая поражение.

* * *

— Джером! Покусанный каннис, где носит наше величество! — возмущалась я, обегая вокруг здания пристройки. — Джеро-о-ом!!!

Окно первого этажа распахнулось, и из него практически по пояс высунулся Лиам.

— Нашли! В оружейной замок заклинило, вот он и не мог выйти, — пояснил оборотень, протягивая руку.

— Нашел время оружием любоваться, — проворчала я, позволяя каннису втянуть себя в комнату.

Бежать ко входу и заходить в западную пристройку, как положено, уже не оставалось времени.

Перевалив через подоконник, я обвела глазами присутствующих и зло зашипела. А куда братец-кролик делся? Почему Памела мнетя в гордом одиночестве? Кто ее страховать будет, если братец не успеет к моменту перехода?

Прибью! Ей-богу, прибью!

— Твою ж матрешку! — внезапно всполошился Шархай, до этого блаженно жмурившийся в кресле, видимо, вспоминая бурное примирение с Кики. — Нож наверху забыл!

— Стой где стоишь, забудка полосатая! — рявкнула Гуля, энергично махая крыльями. — Пвоюешь без ножа!

— Но он счастливый...

— Сдвинешься на миллиметр — свяжу и накостыляю, — пригрозила я, вновь оглядывая беспокойные ряды друзей. — И бога ради, Памела, куда

делся твой братец?

Девушка вздрогнула от неожиданности и пропищала тише мыши:

— Пайп в туалете.

Я закрыла лицо руками и тихонько взвыла.

Кошачьи боги, вот за что мне это все?

Какое там победить. Да если мы отправимся на битву полным составом — это уже будет великая удача.

Браслет, подаренный Глошадом, обжег кожу резкой болью. Синхронно с моим злым шипением Джером поднял рукав и показал свой. Тонкий ободок браслета дома Райвиль был выполнен из серебра. Причудливая вязь создавала цветочный узор, украшенный демантоидами, камнями насыщенного травянисто-зеленого цвета.

— Пора.

Я обвела взглядом присутствующих — нервничали все. Тройка подпевал, сменивших дорогие наряды на легкие боевые доспехи (на них амуниция смотрится, как седло на корове, но сейчас не до критики), оборотни (разминающий кулаки тигр, лиэс с хитрым прищуром, вертящий своей глупой башкой волчонок), бледная аки привидение Памела, вцепившаяся в руку братца (успел-таки, серун, к началу), Салли с Томом (мозговой центр нашей банды как всегда что-то обсуждал) и звезда шоу — Джером Райвиль.

Его высокая фигура излучала несвойственную для столь хлипкого и поджарого тела силу и мощь. Облегченные доспехи сидели идеально, из-за спины воинственно выглядывали рукояти клинков и древко собранного лука.

Этого не портил даже клок пыли, прилипший в процессе выбивания заклинившей двери оружейной да так безвольно и повисший на плече. Голубые глаза принца смотрели на команду с неуместной гордостью, какую испытывал бы генерал, глядя на бесчисленное воинство. Хотя, если вспомнить, как этот самый принц отнекивался от нашей помощи, всерьез веря занять престол самостоятельно, в его глазах мы действительно были несокрушимой силой.

— Речь толкать будешь или обойдемся? — язвительно выплюнул преподаватель по общей физической подготовке, входя в комнату.

Минуточку! А это что за явление садиста народу?

У меня зрительные галлюцинации на почве стресса, или этот рыжий и язвительный действительно изъявил желание присоединиться к нашей отважной компании?

А кто не далее, как четверть часа назад бил себя в грудь с криками «да

я... да я никогда!», а кто кривил физиомордию, а кто плевался оскорблениями, как кобра ядом!

Но пришел.

Пришел, наплевав на запрет ректора помогать нашей кучке клятвообязанных.

Пришел, презрев все опасности.

Пришел!

Мать моя кошка! Неужели все волки в лесах передохли?

Увы, лица Джерома я в эту секунду видеть не могла, но по тому, как скривился Ши-Ван, догадалась, что в похожем ключе думала не одна.

— Не обольщайся, голубоглазка, — едко ответил преподаватель и обозначил свою позицию:

— Я иду воевать не за тебя. Я против Глошада.

— Ну а вы?

Джером повернулся к дворфу, и тот по-мальчишески озорно и лихо улыбнулся.

— Я же бессмертный. Считайте это моим старческим бзиком.

Ущипните же меня кто-нибудь! Они ведь отказались идти с нами! И ректору с честным видом ввали, что не сунутся в эту мясорубку. Так что же изменилось?

— Ах вы, черти! — воскликнула Гуля, комкая и отбрасывая белый платочек, которым должна была помахать нам вслед. — Ладно, уболтали! Я тоже с вами.

Опасаясь хоть что-то комментировать, Джером быстро кивнул и решительно шагнул в арку перехода.

Подгоняемая предчувствием хорошей битвы и суеверным опасением, что портал схлопнется, оставив меня здесь, в западной пристройке, без приключений и битвы, я шмыгнула следом и оказалась в королевском парке.

Место старта никто не знал, поэтому, оказавшись на знакомом участке, мы с Джеромом переглянулись и выдохнули.

Парк не зря считался нашим излюбленным местом для проказ и диверсий. Мы знали его от и до. За спинами — стеклянная стенка розария; вон за той линией плодовых деревьев площадка с гигантскими шахматами; слева — фонтан с гипсовой фигурой двух влюбленных, спрятавшихся под сияющим медью зонтом; справа моя любимая беседка...

Стоп! Какая сволочь спалила беседку!

— Кошкин хвост! — выругался вывалившийся из портала Лиам.

Не в силах оставить ругательство без своего возмущенного внимания,

я удостоила волчонка взглядом и...

У каждого человека появляется момент, когда он хочет выругаться. Вне зависимости от пола, расы, культурного наследия предков, уровня воспитания. У каждого.

Этот мог стать моим, но я впервые потеряла дар речи.

— Алекс, иллюзию! Остальные — бегом за розарий! — рявкнул Джером.

Ого, никак у величества восстал из мертвых командирский дух? Или это память предков дала о себе знать?

Тем не менее я ухватила Памелу за холодную руку и бодрой рысью помчалась за стенку розария. Уже оттуда, сдав ойкающую от страха ношу подоспевшему следом Пайпу, осторожно высунулась.

В каких-то пяти метрах от точки выхода нашего портала, прикрытого иллюзией дворфа, из алых росчерков арки перехода появлялись воины, затянутые в темно-красную кожу магически укрепленных доспехов. Все как один тренированные, высокие, увешанные оружием под завязку. И это людское море все прибывало и прибывало, выстраиваясь, группируясь и окружая своего господина.

— Интересно, где Викард нашел столько воинов? — в задумчивости произнес кто-то из аристократов-подпевал Джерома.

— По объявлению! — буркнула в ответ и строго посмотрела на приятеля. — Каков план действий?

Джером быстро облизнул губы и огляделся.

— Добежать до замка не успеем. Викард отрежет нас от цели, заставит воевать с кучкой своих солдат, а сам двинется к замку, — сообщил король очевидность и откровенно порадовал:

— Маленький отряд сложнее поймать, поэтому делимся так, чтобы в каждой группе был кто-то под моей личиной, и расходимся. Первая группа — Оливер, Энтони, Гуд — идет по ранее запланированному маршруту, вторая — Грэм и Том — уходит через аллею Славы к запасному входу, Пайп и Памела остаются и портят нервы соперникам. Прикройте Алекса, он сейчас знатно потратился. Остальные со мной. Ши-Ван, я мог рассчитывать...

— На себя, — отрезал наг, показывая раздвоенный язык. — Рассчитывай на себя.

Крикнув напоследок «не облажайтесь уж слишком», всеми «горячо любимый» преподаватель молниеносно скрылся в кустах.

— ...что вы не будете нам мешать, — словно в трансе, закончил Джером и встрепенулся. — Готовы? Тогда погнались.

В разумность младшего наследника верилось с большим натягом (я еще помнила наши детские споры и шалости), поэтому можете представить мое удивление, когда я поняла, что принятое Джеромом решение оказалось очень даже.

Первым и самым правильным оказалось решение не ждать, пока порталы раскроются, и начать действовать незамедлительно. Наш маленький отряд — принц и оборотни — уже успел пробежать через западную часть парка, когда четыре вспышки — зеленая, черная, алая и золотая — погасли.

Вторым удивительно верным решением Джерома стал выбор команды и маршрута. В ушах еще звенел крик несчастного, по-видимому, оказавшегося тем самым неудачником, на котором закрылся портал, отрезав что-то ценное, а мы уже штурмовали стену конюшни, примыкающей к остальным хозяйственным пристройкам.

Пользуясь природной быстротой и ловкостью, оборотни играючи вскарабкались наверх, умудрившись опередить даже отпрыска эльфов. Ох, плохо, плохо его Маккалич подготовил. Сразу видно, щадил и в полную силу не гонял.

Пробежав по крышам конюшни и амбара для фуража, мы успешно добрались до козырька дома конюших и готовились к штурму замковой стены, как вдруг Шархай упал, увлекая за собой меня и принца. Остальные успели спрятаться за трубу дымохода.

— Четверо в засаде, — тихо шепнул приятель. — На парней Викарда не похожи...

— Если не Викард, значит, Толлян.

Джером пару секунд напряженно хмурил лоб, а затем повернулся и сделал несколько знаков ребятам, укрывшимся за кирпичной кладкой дымохода.

Нужно отдать должное, идея создать невербальную систему значительно сэкономила время, позволяя общаться на больших дистанциях или в условиях конспирации. И это третья придумка Джерома, которая, на удивление всем кошачьим богам, неплохо работала в полевых условиях.

А вот чего маменькино величество учесть не могло, так это наличия новых членов команды.

— Это что за пантомима? — громким шепотом любопытствовала Гуля и, оставшись без ответа, продолжила сыпать предположениями. — Ритуальный танец? Раннее проявление старческого тремора?

Джером зло скрежетнул зубами и одними губами выпалил:

— Просто лети за мной!

Дальнейших инструкций не последовало.

Подчиняясь приказу, лис с волчонком ловко спрыгнули вниз, под покровом деревьев незаметно переместились на сто шагов южнее и начали отвлекающий штурм замковой стены.

— Тревога! Тревога!

Еще никогда эта команда не казалась сладкоголосой музыкой...

Наша четверка придерживалась изначального плана — войти через черный ход западной башни, подняться по лестнице на чердак и миновать практически большую часть ловушек по крыше.

Пробежка по остывшей за ночь черепице — то ещё удовольствие, особенно если под ногами тонкий ледок, со стороны парка в тебя долетают отголоски чьих-то заклинаний, а снизу беснуется орда Бешеных, пытаюсь прорваться сквозь парней хитреца Толляна.

— Идем как по расписанию! — воскликнул Шархай, сматывая привязанную к кошке веревку.

Мы только-только успели спуститься в одну из церемониальных галерей по веревке, и теперь Джером вертел в руках план здания, пытаюсь сообразить, где находится та самая фальш-панель, о которой говорил Глошад. Я любовалась напольной вазой с единорогом (это не ее мы с Джером кокнули во время одной из игр?), а Гуля настороженно оглядывалась.

— Не сглазь! — рыкнула она, пнув тигра когтистой лапой, но было поздно.

Он уже это сделал...

Сперва появился звук.

Скрежет, больше подходящий для дома с привидениями, чем для королевской залы. А ещё звук перемещался, словно издающее его существо кружило по комнате, оставаясь для нас невидимым.

Хрр... Хрр...

Так. Спокойствие, Ноэми, только спокойствие.

Боевым пардам неведом страх. Нас не пугают шорохи и потусторонние звуки. Поэтому спокойствие, только спок... Ой!

Темнота накрыла комнату плотным пологом.

— Что со светом? — недовольно буркнул Джером, зажигая на кончике указательного пальца портативный светлячок.

Ему-то хорошо, у него инстинкты не такие сильные, чтобы различить концентрирующуюся во мраке угрозу.

Хрр... Хрр...

Скрежет стал нарастать, а интервал — сокращаться. Шерсть на

загривке встала дыбом, интуиция требовала рвать когти. Звук стал таким сильным, что начало казаться, будто вся комната предвкушающе рычит.

— Какого хрена... — выдохнул удивленный Шархай, тыча пальцем в ближайшую статую.

И это стало сигналом к атаке.

С потолка посыпались гипсовые змеи, пауки, тараканы и скорпионы, размерами с комнатную собаку. Гипсовый плющ, оплетающий колонны, зашевелился и воинственно выставил ветви, как бы намекая: «ты не пройдешь».

Перейдя в боевую форму, я попятилась, прикрывая собой Джерома, все ещё шуршавшего картой. Шархай повторил за мной, опасливо косясь на медленно оживающие каменные статуи богов древности, и только Гуля пришла в приподнято-радостное настроение.

— Братцы, да вы чего?! Я ж своя! Сво-о-оя!

«Братцы» признавать каменное родство не пожелали и ринулись в атаку.

Шархай шумно отбивался двумя короткими кинжалами от гологрудой богини. Я тоже не пожелала портить маникюр, а потому сорвала со стены алебарду кого-то из давно умерших, но увековеченных в этой галерее предков одного из королевских домов, и безжалостно крушила статую бородатого мужика. Гуля вытворяла в воздухе фигуры высшего пилотажа, умудряясь еще и зубоскалить:

— Я те дам на меня скалиться! Ветки прочь от ценного экспоната! Да я таких, как ты, одним когтем давила! Ах вы, звери гипсовые!

Из всей картины выбивался только младший наследник престола, с упорством улитки, взбирающейся на дерево, продолжающий поиски той самой панели, за которой расположился тронный зал.

— Гипсовые! — внезапно воскликнул Шархай, пыхтящий рядом со мной. В отличие от бородатого, гологрудая барышня оказалась чертовски живучей и приставучей.

— Чем можно разрушить гипс, помимо грубой силы?

— Стихией! — откликнулась я, провожая пинком под крепкий зад упавшего соперника и привечая ударом в лоб другого.

Судя по количеству бородачей, бриться боги древности не любили.

Чертыхнувшись, Джером сунул карту во внутренний карман и подключился к процессу. «Водяной вихрь» отбросил неприятеля к противоположной стене, а «Дыхание зимы» намертво вмуровало в лед мелких нападающих, но вот крупные статуи даже не чихнули, продолжая наступление.

— Огнем! Огнем по этим гадам, раз свою не признали! — выпалила Гуля.

И я полностью поддерживала крылатую представительницу семейства горгоновых, потому что эти гипсовые мужики и дамы плохо рублились и вообще вели себя крайне неприлично, подбирая и приставляя на место отлетевшие части тела.

Последовав совету Гули, наш «без пяти минут король» вскочил на подоконник, чтобы иметь более высокую точку атаки, и принялся сплести заклинание огненного вихря. Штука энергозатратная и не очень точная, а потому применяемая только в массовых разборках.

— Ложись! — выкрикнула я, предусмотрительно отскакивая и прижимаясь к ближайшей стене.

Глядя на то, как воздух в комнате вспыхивает, собирается вместе, как стена пламени от пола до потолка движется вперед, оставляя после себя только кучки пепла, я с завистью вздохнула. Увы, но меня кошачьи боги магией обделили. Капелька способностей к магии крови, бездна обаяния и целый вагон везения — вот и все, что даровали хвостатые покровители.

Внезапно надежная опора в виде стены растворилась, заставив на миг потерять равновесие, а после чьи-то руки увлекли меня в темноту секретного хода и закрыли рот широкой ладонью.

М-да. Кажется, удачи для бедной маленькой пардочки тоже пожалели.

— Тише, не кричи, — раздался над ухом знакомый шепот, но я и так уже почувствовала запах мяты, силы и уверенности. Запах дракона.

— Мими!!! — раздался крик Джерома, а следом в стену передо мной что-то ударило.

Искренне надеюсь, что маменькино величество не стало использовать собственную смазливую мордашку в качестве тарана. Что о нем придворные подумают. А какие ужасы молва про битву начнет слагать. Я наш народ знаю, они такого нафантазируют, что самим страшно спать станет!

В стену вновь что-то бухнуло.

— Скажи, что ты попала в ловушку, — шепотом посоветовал Глошад, отпуская.

Какая-то часть меня захотела разыграть спектакль «ой, а я темноты боюсь! Бери меня на ручки», но я зло осадилась малодушный порыв и рыкнула:

— Хватит долбиться! Жива я! Жива!

За стеной образовалась пауза, а потом послышался обеспокоенный голос Джерома:

— Мими! Ты в порядке?

Та-а-ак... До кого-то определенно очень медленно доходит.

— Я в ловушке, — крикнула, заинтересованно поглядывая на Глошада и виднеющиеся за его широкой спиной ступеньки. — Идите дальше. Я в безопасности.

За стеной вновь повисло молчание.

— Ой, да проваливайте! — рявкнула, пока в рядах не послышались выкрики «мы тебя не бросим». — Пока мы тут разговоры ведем, Викард и Толлян штурмуют замок. Не знаю, как вы, а я ни одного, ни второго в короне видеть не хочу.

В этот раз тишина продлилась чуточку больше, я даже начала сомневаться, получу ли ответ. Перед глазами возникла впечатляющая картинка того, как Шархай взваливает на плечо протестующего наследника, а Гуля летит сверху и хитро ухмыляется во все клыки.

— Люблю, — раздалось тихое признание, и все стихло.

Я удивленно таращилась на стену с видом «это что сейчас было». Глошад в задумчивости стоял рядом.

— Порой мне кажется, что любовь похожа на привидение, — после затянувшейся паузы изрек старший наследник.

— А?

— Все о ней говорят, но не все видели. — Принц взял мою руку и потянул к лестнице. — Идем, надо торопиться.

* * *

Глошад прикрыл глаза, контролируя своих подопечных.

Сидящий на креплении одного из факелов мышонок повернул голову, и в отражении черных бусинок-глаз, как в зеркале, отразились огоньки чужих факелов.

Пока большая часть его армии воевала наверху, Викард в окружении самых верных воинов шел по туннелю, сверяясь с выданной старшим наследником картой, но на развилке притормозил и нахмурился.

— Господин?

— Чертовщина какая-то...

Слова, подхваченные эхом, разнеслись далеко вглубь трех подземных ходов и стали катализатором. Своды вздрогнули и задрожали, темнота проходов ожила от концентрации древней магии и нанесла удар.

Отбиваясь от вылезших из-под земли кривых корней, отряд попятился

к стене. Викард так и не понял, кто и как заманил его в ловушку, а маленький мышонок уже перепрыгнул на плечо среднего наследника престола и вцепился в мочку уха. Блеснула капля крови...

Глошад мысленно кивнул и, не сбиваясь с шага, переключился на другого лазутчика.

Черный мышонок охотно следовал за Толляном. Этот, в отличие от брата по королевской крови, привык хитрить всегда и при любых обстоятельствах. А потому, если и поверил в инструкции Глошада, то в итоге все равно решил действовать по-своему.

Пользуясь преимуществом, его наемники первыми осадили замок и блокировали все выходы-входы, в то время как сам Толлян медленно, но верно подбирался ко входу в тронный зал.

— Я слышал крики, — сообщил лорд Стенд, второй меч Аристаллии, увы, не посмевающий так же легко пренебречь собранным на него компроматом, как это сделал Дерен Маккалич.

— Откуда? — Толлян завертел головой.

— Галерея.

Стенд указал на дверь, за которой еще недавно кипела схватка оборотней с ожившим барельефом и статуями.

— Не наши проблемы, — расплылся в улыбке плутоватый принц и подтолкнул копающегося у дверей мага. — Вскрывай! Я должен быть первым...

Глошад так не считал, а посему его исполнитель незаметно вскарабкался по штанине, нырнул за голенище сапога и прямо через ткань брюк прокусил икру принца.

В этот раз каплю крови успели заметить только черные бусинки глаз мышонка.

— Куда мы идем?

Ноэми дернула его за рукав, и третьего приказа к действию старший наследник отдать не успел.

Обернувшись на свою спутницу, он в очередной раз удивился тому, насколько ее внешность экзотична и притягательна. Большие синие глаза, гладкая кожа, черный водопад волос и грация, доступная только кошкам. Ею можно было любоваться часами, что он иногда и делал, пробираясь в спальню пардочки в облике Блоша. Еще больше ему нравилось подглядывать за ней в душе, но интересовала Ноэми не поэтому.

— Мы идем в обход.

— Ну конечно! — с нескрываемым сарказмом воскликнула она, смешно морща носик. — В обход — это же гораздо быстрее. Это мы как

раз к ночи и доберёмся.

Глошад улыбнулся и, воспользовавшись шириной прохода, пошел рядом. Изредка их руки касались, и он находил в этом какое-то особое удовольствие. В подземелье стояла глубокая тишина. Он привык к тишине и отдал бы многое, чтобы вот так просто идти с Мими, изредка касаясь ее теплой кожи подушечками пальцев, но сейчас требовалось подготовить пардочку к разыгрываемой комбинации.

Лишь бы она поняла все правильно...

— Ты играешь в шахматы?

— Скучота! Я — парда, не забыл? Машина для убийств и все такое. У меня в крови война, а не вот эти ваши... — Она вскинула руки, не находя подходящих слов, а потом припечатала: — ...тактические ужимки.

— Ошибаешься. — Наследник мягко улыбнулся. — Шахматы — это не что иное, как расширенное единоборство.

— Скажешь тоже!

— Вообрази схватку двух борцов, — предложил Глош, стараясь подстроиться под шаги девушки так, чтобы той было комфортнее. — В поединке каждый из борцов стремится при помощи физического насилия принудить другого выполнить его волю. Цель каждого — сокрушить противника, сделать того неспособным ко всякому дальнейшему сопротивлению. Шахматы — та же борьба. Борьба умов.

Ноэми покосилась на него с недоверием, как смотрят на несущего бред ребенка, и Глошад с содроганием понял, что ему нравится даже ее скепсис.

Остановившись и встав напротив, он коснулся пальцами ее щеки, погладил шею и, зачарованно глядя на приоткрывшиеся губы пардочки, признался:

— Прелесть шахмат заключается в отсутствии удачи. Только сухой расчет и планирование.

Улыбнувшись, он отстранился и сделал приглашающий жест в сторону скупно освещенного зала. Туда, где в самом сердце, на специальном возвышении поражал своим величием престол Аристалии.

Глава 13. Правителями не рождаются

— Вынуждена признать, что идея идти в обход оказалась не так уж и плоха, — проворчала я, уже идя по залу.

Глошад мягко ступал за моей спиной.

Помнится, в детстве единственным местом, куда мы с Джеромом не рисковали совать свои любопытные носы, был тронный зал. Приятель откровенно боялся взбучки от родителей, я же испытывала суеверный страх перед престолом.

Стилизованный под древо жизни, он поражал своей монументальностью. Спинка трона, выполненная из редкой красной древесины, символизировала ствол, который поднимался на добрых три метра от земли. На верхушке древесину оплетали сотни, если не тысячи, витков золотых, серебряных и платиновых нитей, создававших пышную крону.

Крона делилась на четыре части, символизирующие времена года. От рождения жизни к ее угасанию. Весна — буйное цветение, создаваемое розовым сиянием сапфиров; лето — изумрудная листва; осень — капельки янтаря с гроздьями рубинов, изображавших плоды; зима — холодный блеск бриллиантов.

Король сидел у подножия древа, головой касаясь ствола, а ногами вращая в землю, подобно корням. Шестнадцать лет давалось каждому монарху, чтобы увидеть рассвет своей власти, его мерное течение, познать плоды собственных приказов и приготовиться к неизбежному угасанию.

Короли связывали настоящее Аристалии с его прошлым.

По крайней мере, так нам рассказывал придворный маг.

— Как он здесь оказался? — спросила я у Глоша, благоговейно замирая перед корнями-основаниями, стелящимися по подиуму возвышения.

Старший наследник приблизился и замер за моей спиной.

— Почему-то многие поколения принцев, вступавших в борьбу, наивно полагали, что престол будет терпеливо ждать их в тронном зале. Каюсь, сперва и я думал также, пока не получил по лбу проклятием, заблокировавшим большую часть моих способностей, и оказался отрезан от мира. Мозг нуждался в информации, которую начали приносить мои маленькие друзья. Мы начали с библиотеки... Знаешь, у мышей какая-то противоестественная страсть грызть корешки старинных фолиантов.

— Заметила это по изгрызенному архиву западной пристройки, — усмехнулась в ответ.

Глошад печально вздохнул, пробормотал нечто вроде «хвостатые дикари» и продолжил:

— После библиотеки я начал пробираться на лекции преподавателей, залез в несколько тайных архивов и пришел к выводу, что не могу обнаружить источник защитного купола, возникающего в день битвы. А ведь еще были ловушки. И ладно механические, но откуда черпали силу магические?

Я всмотрелась в сияние драгоценной кроны и тихо ахнула:

— Престол.

— Умница, — в голосе собеседника послышалось ободрение. — Престол — не просто атрибут королевской власти, он мощный артефакт. Шестнадцать лет он накапливает силу, чтобы устроить для участников незабываемую битву. И как у всякого артефакта древности, со временем у престола появились зачатки сознания, и он начал хитрить. Три битвы назад он исчез из тронного зала, оставив с носом добравшего до него первым претендента.

Я представила себе лицо того неудачника и развернулась к Глошаду лицом.

— Хочешь сказать, что престол сам выбирает будущего короля?

Принц лукаво улыбнулся и подмигнул, но ответить не успел.

Шелест чешуи по каменному полу, едва уловимое движение воздуха и беспощадная по своей жестокости атака. Не оттолкни меня Глош, ядовитые клыки нага вонзились бы в плечо и счет жизни легкомысленной парды пошел бы на минуты.

— Я знал! — прошипел Ши-Ван, стягивая кольца вокруг неподвижно замершего старшего наследника. — Знал, что ты нас предашь, ведь крысы по-другому не могут. Итон зря доверился тебе, нас-с-следник.

С пола я вскакивала с намерением порвать преподавателя по ОФП на кучку маленьких чешуек, но в вертикальном положении намерение выпучило глаза и от планов отказалось. Все-таки не каждый день видишь, как одним ударом кулака из нага выбивают сознание и дурь, а после как ни в чем не бывало переступают через опавшие кольца бесчувственного существа, смотрят на тебя с тревогой и уточняют:

— Испугалась?

Какое там!

Парда в глубоком шоке.

Черная кошечка так вообще на попу села и пасть раскрыла.

— Идем, Мими, — позвал Глошад, беря за руку и разворачивая в противоположную сторону.

Ну вот! А я ведь ещё не налюбовалась картиной «поверженный наг». Интересно, кто-нибудь поверит, если я расскажу о случившемся? Или лучше по памяти нарисовать карикатуру на препода — глаза в кучку, язык вывалился, над головой пляшут звездочки — и через Гулю пустить открытку в народ? А что! Хорошая идея, и главное — никто ничего не докажет!

— Ноэми. — Лицо Глошада оказалось настолько серьезным, что я даже отвлеклась от идеи монетизировать это предприятие. — Ноэми, я не Джером. Я не стану скупать букеты.

Не отпуская моей руки, он развернул меня лицом к престолу и закончил:

— Тебе я дарю Аристалию.

Я приросла к месту, с сомнением глядя на атрибут королевской власти.

— Ты можешь стать новой королевой.

— Чего-о?

Это вообще как?

Почему мне? За что! Что я ему сделала плохого?!

— Браслет на твоей руке. — Я непроизвольно глянула на черный ободок артефакта. — Если ты сейчас сядешь на престол, магия автоматически примет тебя за отпрыска дома Вариэль и засчитает победу. Да, аристократия и совет магов ещё долго будут возмущаться этим произволом, но в конце концов им придется смириться. Будь Эддар в лучшем состоянии, результаты битвы попытались бы оспорить, но в сложившейся ситуации корона останется на твоей чудной голове.

Не-не-не-не-не-не. Мы так не договаривались.

— Парда на троне, — продолжал искушать Глошад. — Алекс рассказывал вам подлинную историю Аристалии. Именно твои прародители сыграли решающую роль в Последней войне, показав себя не только бесстрашными воинами, но и дальновидными правителями. Вы имеете не меньше прав на создание королевского дома, чем те же Райвили. Думаю, что отец Джерома это чувствовал, поэтому выждал время и приблизил клан лесных пард. Подумай, Ноэми, и подумай хорошо. Сегодня ты можешь вернуть своему роду украденное величие.

А вот в этом, пожалуй, логика присутствует. Да только...

— Глошад, ты ведь знаешь про клятву, данную Джерому. Я буду марионеткой на троне, и угадай, кто станет моим мужем-кукловодом.

— Чушь. — Мой собеседник оказался тверд в своем мнении. — Я был

там, когда вы давали клятву. Видел твои сомнения и блеск озарения, мелькнувший в конце. Ты бы никогда не согласилась отдать свою свободу Джерому, если бы не знала, как избавиться от клятвы крови.

А вот это правда. Решение я уже знала.

Парды рожали по три-четыре котенка за раз, и у каждого из них был свой уникальный состав крови. Я могла воспользоваться этим, ненадолго скопировать состав одного из них (хватит и секунды) и уничтожить клятву.

Судьба марионетки мне не грозила. Мне грозила власть со всеми ее вытекающими.

От открывшейся перспективы я резко дернулась и отступила. Ну этот престол. Мне он на фиг не сдался. Уж лучше маменькино величество, чем я.

— Власть — это бремя великих, а я... парда. Кошка, которая гуляет сама по себе.

Глошад встал передо мной, загородив широкой спиной престол и маячившиеся перед глазами ужасы из жизни королевы-парды. Он наклонился и поцеловал меня в лоб. Закрыв глаза, я вбирала в себя все тепло: от теплого ветерка, пронесшегося по пещере, до его губ на собственной коже.

— Еще никогда в жизни я не был так разочарован и так рад.

Фраза казалась какой-то неправильной. Особенно если учесть, что после нее старший наследник сделал несколько шагов и величественно опустил на жесткое сиденье престола.

* * *

— Он всех провел.

Я смотрела через окно на тлеющие остатки некогда сливового дерева.

Битва закончилась, и теперь главный садовник брел по дорожкам королевского парка, оценивая нанесенный ущерб. Мужчина заламывал руки, хватался за сердце, сокрушаясь на каждом шагу, а увидев созерцаемую мной сливу, так вообще упал на колени и вскинул руки к небу. Судя по багровому оттенку лица и широко открытому рту, небеса услышали нечто далекое от благодарности.

Что творилось с прислугой в самом замке, я боялась представить даже в самых мрачных фантазиях.

— ...подкинул план ловушек Викарду, заявился к нам, а после нагрянул к Толляну с предложением помочь, — отчитывался перед

присутствующими Маккалич.

Как оказалось, статус первого парня на деревне... В смысле — почетного ловеласа двора... Короче, пользуясь своим положением, Дерен уже успел переговорить с местными сплетницами, которые порой были информированы даже лучше королевской разведки, и теперь скупно делился со всеми безрадостными фактами.

Айрис, как всегда, флегматично взирала на мир, хлопая пушистыми ресницами не чаще трех раз в час. Ши-Ван светился от счастья, радуя окружающих синяком и заплывшим глазом. Его «а я вам говорил» порядком бесило, но одергивать нага никто не рисковал. Мало ли! А вдруг фингалы под глазами передаются воздушно-капельным путем, посредством мчащегося в лицо кулака?

Алекс с хмурым видом застыл над расстеленной на столе схемой с красными отметками Глошада. Итон-Бенедикт, сцепив руки в замок, сидел в кресле, на спинке которого восседала Гуля. Правда, не долго восседала. Вплоть до комментария:

— Подумать только, Аристалией будет править прохвост, не сдерживаемый уздою. Я вся дрожу от предвкушения...

На горгону покосились. Недобро так. После чего Гуля решила не рисковать и отправилась предвкушать в менее доступное место — на люстру под потолком.

Ребята тоже не разделяли позицию горгульи — оборотни зализывали раны, опустошенные в магическом плане близнецы медленно цедили отвар из ягод костороза, троица подпевал Джерома хмуро глядела в пустоту, энтри стояли рядом с дворфом, изредка обмениваясь короткими фразами.

Сам старший наследник — серый и какой-то выцветший — стоял у камина, играл желваками и слушал доклад своего телохранителя.

— Почему мы вообще доверились Глошу?

В голосе Джерома прозвенела сталь. Будь взгляд, направленный на сидящего в кресле Итона-Бенедикта, холодным оружием, ректор скончался бы от многочисленных колотых ран, а так лишь поморщился и сел ровнее.

— Он уверил меня, что не интересуется властью и уже договорился обо всем с Эддаром, — уверенность Итона в Глоша даже сейчас, когда предательство и двойная игра вышеупомянутого всплыли наружу, поражала. — Я видел бумаги, подписанные его величеством. Принц Вариэль должен был занять пост придворного мага...

— А занял место короля, — оборвал Джером. — Мое место.

Нет, вы только гляньте на маменькино величество. Как разошелся-то. Глаза сверкают, кулаки сжаты, губы кривятся. Не эльф, а воинственный

хомячок-переросток!

И все же не понимаю я маменькино величество.

Он хотел поучаствовать в битве? Хотел. Знал, что времени на подготовку катастрофически мало? Знал. Втянул в эту заранее обреченную на провал авантюру нас всех? Втянул.

Спрашивается, и вот чего теперь кукситься.

— Ладно. Закончили. — Джером растер лицо ладонями и убрал руки. — Эту битву мы проиграли. Теперь у нас в запасе шестнадцать лет на подготовку к следующей. Готовиться начнем уже завтра, а сейчас... — Он улыбнулся, вновь став прежним — веселым, добрым парнем. — Составьте мне компанию. Я страсть как хочу выпить и отвлечься.

А вот эта мысль мне определенно нравится!

Завтрак проходил в таких нервах, плюс столько потрясений, что желудок уже давно успел переварить свое содержимое и даже память о нем.

Ребята тоже восприняли предложение на ура. Даже преподаватели не имели ничего против, и только Гуля, свесившись с люстры на манер летучей мыши, уточнила:

— А коронация?

— А коронация пройдет и без нас, — отмахнулся младший наследник. — Мы на ней не главные гости.

Шумно переговариваясь и рассуждая, где в такое время найти местечко получше, ребята потянулись к выходу. Преподаватели скооперировались в общую группку, свернули схемы и потянулись следом. Я тоже хотела пойти за остальными, но Джером удержал.

— Останься.

Заинтригованная дальше некуда, я во все глаза смотрела на друга детства, тот улыбался, но кошачья сущность недовольно щурилась, предрекая подставу. И не обманулась.

— Иди ко мне, — приказал Джером, когда мы наконец остались одни.

Ключевое — приказал!

Тело послушно подчинилось заклятью, и я оказалась прижатой к рубашке принца Райвиля. Джером обнял и прижался к моему виску. Со стороны могло показаться, что это простые дружеские объятия, если бы не одно жирное НО...

Младший принц еле слышно, так, что даже оборотень с трудом разберет, прошептал:

— Ты воспользуешься приглашением и придешь в общий зал на церемонию передачи власти. Как только на голове Глошада окажется

корона, ты найдешь повод остаться с ним наедине. Тебе он верит, поэтому подпустит близко. Недопустимо близко. И тогда ты нанесешь удар.

У меня шерсть на загривке встала дыбом.

Я дернулась, но чужие объятья и магия данной клятвы держали крепче любых оков.

— Джером, не надо, не делай этого, — жалобно попросила я, боясь услышать продолжение.

— Ты убьешь короля Глошада, — все тем же бесстрастным голосом судии приказал принц, не смирившийся с проигрышем. — Убьешь и вернешься к нам праздновать. И еще. Ты не будешь помнить, что стала палачом. Я же не хочу тебя травмировать.

Ах вон оно как! Травмировать, оказывается, не хочешь.

Последним усилием воли я вырвалась и замерла, тяжело дыша от накатившего гнева и встречи с собственным бессилием.

Мы смотрели друг другу в глаза, и я мысленно повторяла: «давай, маменькино величество, скажи, что это шутка, и отмени приказ». Не знаю, понимал ли Джером, что замер перед пропастью. Понимал, что рушит дружбу, ломает мою веру в него, топчет возникшую привязанность, вырывает ростки появившегося уважения.

Да, я могу забыть, но он будет помнить. И так как в приказе была оговорка «ты», а не «вы», вместе с ним будет помнить и кошачья сущность. А что известно кошке...

Джером качнулся вперед и вложил в мою ладонь картонку с приглашением, как вкладывают нож в руку наемника.

— Коронация через час.

* * *

Время бежало, как мыши от злой парды.

Подготовиться к церемонии передачи власти я уже не успевала, а потому накинула поверх костюма, в котором была на битве, плащ, спрятала волосы и поспешила во дворец.

По пути я честно попыталась свернуть в противоположную от замка сторону, но тело, продемонстрировав аккуратный кукиш, вернулось на прежний маршрут.

«Ты воспользуешься приглашением и придешь в общий зал на церемонию передачи власти...»

Засранец. Не ожидала от него такой лютой подставы.

Вот и думай теперь, Джером всегда был сволочным придурком, способным отдать приказ убить, или это у него кукушечку из-за победы Глошада сорвало.

Охрана на входе дежурно обшарила новенькую пристальным взглядом, прочла подсунутое под нос приглашение и молча расступилась.

Эх, что же я сразу не подумала. Надо было контрабанду какую-нибудь захватить или заготовку под «гремучий коктейль». Тогда бравые ребята задержали бы на входе, и я бы с чистой совестью могла врать маменькиному величеству, что провалила задание исключительно из-за бдительности стражи. Ну а с кем не бывает?

Мысль-то хорошая, жаль, что запоздалая.

Ничего, может, еще выйдет наступить на больную мозоль какому-нибудь лорду или охаять внешний вид заграничной принцесски. На что только не пойдешь, чтобы не становиться палачом для лучшего друга.

Заглянув в зал, я мысленно присвистнула. Помнится, когда Кики в конце прошлого года вытащила меня на концерт мега-популярной группы «Визги и вопли», народу было не меньше. Но одно дело популярные на весь континент смазливые парни в ярких футболках и совсем другое — официальная церемония, где вход по приглашениям.

Это как же сильно, оказывается, расплодилось высшее общество Аристалии! Впору объявлять отстрел, пока эти высокомерные павлины не пожрали остальных.

Решив, что повторно испытывать прелесть массовой давки сейчас не готова, я обошла зал и скользнула за портьеру, где скрывалась лестница на балкон, тянущийся вдоль всего зала.

Народу здесь тоже оказалось немерено, но все же заметно посвободнее, чем внизу. Проложив себе путь локтями, острым языком, а где надо, то и выразительным шипением, я нашла местечко у самых перил и приготовилась ждать.

«...Как только на голове Глошада окажется корона, ты найдешь повод остаться с ним наедине...»

Ага, останусь. Останусь и обязательно предупрежу. Не знаю, как, но обязательно наябедничаю, что пришла его убивать по приказу сами знаете кого.

Джером сам виноват. В следующий раз будет думать... Нет, в это я не

верю. Будет лучше формулировать, прежде чем отправлять кого-нибудь вершить самосуд.

Я перегнулась через перила, чтобы лучше видеть происходящее в зале.

Мать моя кошка, не так я себе представляла церемонии подобного рода. Ладно, разодетая аристократия, но что на таком важном мероприятии забыли седовласые генералы в форме, состоятельные, но, увы, неродовитые дворфы из купцов, а это там кто? Господин Ильсор? Что дядя нашего ректора забыл на подобном сборище!

Взгляд зацепился за крону престола, таинственно поблескивающую драгоценными камнями, и фигуру Эддара. Сказать, что тот сдал с нашей последней встречи, значит набрать в рот воды и вспоминать таблицу умножения. Это была тень человека. Мешок с костями, обтянутый дряблой пигментной кожей. Но даже теперь Эддар не утратил прежнего величия.

Интересно, а Итон-Бенедикт смотрелся бы так же?

— Идет! Идет! — зашумела толпа с двух сторон от меня, вдавливая первые ряды в перила балкона.

Зараженная общим ажиотажем и возбуждением, я с нетерпением воззрелась на дверь. Вот сейчас та распахнется, и под массовый вздох придворных дам на красную дорожку в центре зала ступит Глошад, чтобы величественно дойти до возвышения и принять власть из рук прежнего короля.

На деле же старший наследник оказался тем ещё выдумщиком.

Презрев правила церемониального этикета, правила появления перед публикой, да вообще все известные в приличном обществе правила, Глошад вывалился из портала слева от престола, на ходу зачесывая назад темные волосы, еще влажные от воды.

Я и раньше отмечала, что он очень даже ничего, но сейчас аж слюни потекли. Кошачья сущность довольно мурлыкнула, подтверждая, что ее тоже резко потянуло к сильным и представительным мужчинам. А то, что скоро этот мужчина станет королем — так у всех свои недостатки.

Оглядев спины замерших придворных (естественно, его же у дверей, т. е. в противоположной части зала караулили), Глош нахмурил темные брови и склонился к Эддару.

— Я что... опоздал?

Улыбка сама собой расцвела на моих губах. Какой Глошад все же... удивительный! Моя пожизненная компаньонка дернула хвостом. Ага, уникальный представитель малоизученного подвида «дракон в теории».

Я тихо фыркнула от смеха, и наш будущий правитель резко вскинул голову. Он не мог меня видеть. Точно говорю вам, не мог, но от одной

мысли, что это не случайность, и Глош действительно почувствовал мое присутствие среди толпы придворных, перехватило дыхание.

Спohватившиеся музыканты дунули в трубы, возвещая о торжественном появлении главного действующего лица. Эддар поднялся со своего места и аккуратно поднял с бархатной подушки золотой ободок короны.

В зале воцарилось молчание.

— У монархов принято не только передавать корону, престол и власть над всей Аристалией, но и делиться мудростью. — Его величество обвел присутствующих насмешливым взглядом. — Я хорошо помню собственную коронацию. Король Мартиуз дал мне два совета. Он сказал, что со сменой правителей для бедняка ничего не меняется, кроме профиля на монетах. А еще, что порой легче сменить короля, чем прижившуюся в замке свиту.

По залу разнеслись неуверенные смешки. Кажется, придворные не такой церемонии ждали. Я же шкурой ощущала вибрации грядущего потрясения.

Эддар неуклюже повернулся и протянул Глошаду корону.

Протянул. Протянул, хотя должен был возложить венец власти на голову нового короля!

— Глошад, старший наследник престола, принц Вариэль, я вручаю тебе эту корону и говорю: те, кто сошел со сцены, пропадают в тени. В тени суфлерской ямы.

Вот так наставление. Люди, держитесь, от этих интриганов можно ждать чего угодно!

Покрутив корону в руках с таким видом, словно сомневался в ее подлинности, Глошад поднял голову и выпрямился.

— Я против того, чтобы судьба народа Аристалии зависела от воли, вернее, от нрава одного человека.

Думаю, появлению единорогов с разноцветной гривой народ удивился бы меньше, чем этому заявлению. Не дав собравшимся опомниться и вернуть глазам естественные размеры, Глошад продолжил свою тронную речь:

— История знает немало примеров — Зорг Кровавый, Кельт Грозный, Дарий Неразумный. Два века назад в битве за престол участвовало полсотни принцев, а сейчас? Четверо. От прежних королевских домов мало что осталось. Мы выбираем не из числа достойных, а из числа оставшихся.

Если вспомнить Толляна, Викарда, да того же Джерома, то я согласна. Мельчают наследники. А как деградируют...

— Как победитель битвы, я признаю традицию — отжившей себя и повелеваю отменить битву и обнулить право наследников королевских домов становиться новыми королями. Отныне Аристалией перестанут править и начнут руководить.

Все, сейчас у придворных начнется массовая истерика. Вон одна из барышень уже икать начала, а у главного казначея глаз задергался.

— Через час в соседнем зале состоится совет, куда будут приглашены все представители торговых гильдий, военные, промышленники, экономисты, духовные лица и некоторые представители высшего сословия. — Казалось, Глошад не ведал пощады. — Путем мирных переговоров члены совета составят официальный документ, содержащий основополагающие принципы внешней и внутренней политики Аристалии, основы деятельности, позицию по какому-либо вопросу...

Толпа зароптала. Сперва несильно, а потом разошлась в полную силу. Послышались выкрики, попытки усомниться в разумности принца — да, безумие Глошада держали в секрете от масс, но у секрета оказалось слишком много хранителей среди знати, которая не преминула выложить этот козырь.

Решив, что больше мне тут делать нечего, я уступила свое место пожилой горничной и затерялась в толпе.

«...Как только на голове Глошада окажется корона...»

Это что же получается? Мне теперь и убивать-то некого.

Нет, не то, чтобы я так уж возражала, наоборот, всеми когтями за, просто немного неожиданно вышло.

Идя по коридорам, я в красках представляла бледное лицо и голубые глаза навывкате Джерома и его реакцию на новость: «а ты больше не принц и шанс посидеть на престоле благополучно профукал»!

— Ноэми!!!

Я так сильно залюбовалась воображаемой картинкой, что пробежала еще несколько шагов, прежде чем притормозить и обернуться.

Глошад быстро приближался. Грудная клетка ритмично ходила туда-сюда, выдавая, что преследовали меня явно не прогулочным шагом. Темные пряди, зачесанные наследником еще до начала церемонии, пришли в беспорядок и несколько из них нахально упали на высокий лоб.

Но главное — это взгляд... Дикий, голодный, многообещающий.

Не сбавляя шага, Глош окружил объятьями и увлек нас двоих в арку портала. Целовать начал ещё в процессе перехода. Хотя целовать — это

мягко сказано.

На меня с властным рычанием обрушились, делясь страстью и будя что-то очень древнее. Как мы очутились в его спальне — не вспомню и под пытками. Когда он успел содрать с меня плащ и умудрился порвать рубашку — вообще не представляю. Зато как я дрожащими пальцами попыталась стащить с него камзол (кошунство пришивать на мужской костюм столько пуговиц), помню очень даже хорошо.

Думаю, тут уж всем ясно, что миссия оказалась провалена так же успешно, как и убийство этого изголодавшегося дракона.

— Зараза! — ругнулась я на застопорившую весь процесс пуговицу.

Глошад, которого моя маленькая война с деталью его одежды ничуть не смущала, сжал мои ягодицы и начал увлекательное путешествие губ по моей шее вниз, к незащитной и неприкрытой груди.

— Глош...

В идеале хотела игриво промурлыкать его имя, по делу — жалобно застонала, мелко дрожа и обхватывая его плечи руками. Вдруг в его голову придет коварная мысль дезертировать от ласк моей груди, а я к такому не готова. Вот вообще не готова!

Как-то само так вышло, что я оказалась сидящей на трюмо, плотно прижатой к телу своего любовника. Кошачья сущность еще попыталась потыкать в меня лапой, мол, ты чего творишь, он же дракон, а мы приличные кошки, но я только вяло отмахнулась.

Губы сменили пальцы, продолжая ласкать грудь, и на миг мы встретились глазами.

— Прости, я себя совсем не контролирую, — покаялся Глошад.

— Ага.

Я с восторгом прикусила его нижнюю губу, чуть потянула и лизнула, чувствуя, как даже такая легкая инициатива не на шутку его завела. Но ведь Глош не был бы мужчиной, если бы не попытался испортить такой восхитительный момент.

— Я хочу тебя, но не настаиваю... Если ты еще не готова... Ноэми, ты должна понимать... Я тоже оборотень, а инстинкты... тяга к сильному самцу... ты просто немного перевозбудилась...

Я честно старалась, отвлекала его поцелуями, но чем дальше, тем все серьезнее становился Глошад, и в итоге я зарычала:

— Клянусь, если ты сейчас же не замолчишь, я залезу в структуру твоей крови и сделаю это сама.

Он обнял мое лицо ладонями, прижался лбом к моему и хрипло попросил:

— Скажи, что тоже этого хочешь.

Прижавшись к нему бедрами и грудью, притянув к себе руками и ногами, я честно призналась:

— Безумно.

Он едва заметно вздрогнул и улыбнулся.

С места мы так и не сошли. В Глошаде проснулся первобытный варвар, и первой пострадала одежда. Второй жертвой этого произвола стал магический светильник, который принц Вариэль сшиб в процессе.

А потом на смену варвару пришел чистокровный инкуб, потому что так сладко мне ещё не было никогда.

Малодушно зажмурившись, я превратилась в один дрожащий комок нервов. Тепло мужского тела, сводящий с ума аромат мяты, смешанный с запахом любимого мужчины, и тёплое дыхание на своей коже.

— С этой секунды ты моя. — Толчок, единение разгоряченных тел и хриплый шепот:

— С этой и до последней.

Нет, а кто против?

Не сразу, но до постели мы все-таки добрались. Лежали, тесно прижавшись друг к другу, и довольно улыбались.

— Страшно поверить, что это все правда.

Его руки сжали чуть крепче, и я сдавленно пискнула, почему-то млея от счастья. Глош прижался губами к моим волосам и жадно вдохнул. Я же водила кончиками пальцев по его груди, наслаждаясь незнакомой ранее усталостью и наполненностью.

И вот все бы хорошо, но уж слишком настойчиво барабанили в дверь и грозись сбегать за тараном и придворным магом.

— Страшно знать, что по замку бродит столько нетактичных людей.

Глошад чуть отстранился и провел большим пальцем по моим припухшим губам.

— Их можно понять. Все-таки не каждый день новый король отказывается от власти, чтобы отдать ее в руки любого желающего.

— Любого желающего? — переспросила я, всем видом давая понять, что не так наивна, чтобы поверить в эту байку.

— А тебя не обманешь, кошечка.

Меня поощрили легким поцелуем и начали колотья:

— Я слишком хорошо представляю, что бывает с теми, кто нарушает данные клятвы. Эддар нашел бы способ отплатить мне за самонадеянность. Как ты знаешь, Итон не пришел бы в восторг от перспективы передачи ему

власти. Иное дело, если престол — средоточие власти и многовекового величия Аристалии — стоит брошенным. В подобной ситуации Итон не сможет остаться в стороне и примет участие в совете, чтобы скорректировать судьбу Аристалии и не дать глупцам повода.

— Да, но почему ты уверен, что его изберут новым правителем?

Глошад лукаво улыбнулся.

— Потому что Итон хорош. Чертовски хорош. Он сделал так много для людей, что теперь не в состоянии отвернуться от их благодарности. К тому же я подстраховался и через Ильсора пригласил на совет всех должников Итона-Бенедикта. Канцлер на нашей стороне и в нужный момент предложит совету кандидатуру, которую однозначно выберут новым правителем.

Честное слово, поражает его уверенность, а еще... хитрожопость.

Это надо же провернуть такую схему!

В дверь вновь загрохотали, призывая на голову старшего наследника все известные кары и проклятия.

— Может, откроешь, пока они не решились на штурм окна?

— Зачем? — искренне удивился Глош, поднимаясь и накрывая своим телом. — Я свои обязанности выполнил, полномочия передал. Это пусть господа глотки рвут, препираясь из-за каждого пункта, а у меня выходной. Законный, между прочим.

Возражать я не стала. Зачем, если в спальне еще так много поверхностей, которые мы не опробовали.

— Узнаю, что ты собралась мне изменить, размажу этого гада в тонкий блин, — неожиданно зло выпалил Глошад.

Я притянула его к себе и шепнула в самые губы:

— Не разочаровывай меня как мужчина, и мне не придется искать других.

— Я запомню, — тихо пообещал Глош, нежно целуя.

А в дверь все долбили и долбили...

Эпилог

— Шархай, какого покусанного канниса... Ой, Лиам, ты тоже тут?

Оборотни слаженно подняли головы, глянули в мою сторону и так же слаженно вернулись к прерванному занятию, а именно к порче стены западной пристройки.

Заинтересованная, я приблизилась к укромному уголку, где, высунув от усердия языки, трудились друзья. Просто не часто такое видела.

— Вы что тут делаете? Экзамен вот-вот начнется, а Гуля терпеть не может, когда кто-то опаздывает на ее проверки!

Теперь я стояла рядом с парнями и могла оценить выведенные несмываемыми чернилами формулы.

— Это что? — строгим тоном уточнила я.

Тигр подбоченился, а волчонок с гордым видом пояснил:

— Послания будущим студентам.

Я подняла глаза выше, узрела на стене здания крупную и столь же корявую надпись «МЫ ЭТО СДЕЛАЛИ. СЛАБО ПОВТОРИТЬ?», еще разок всмотрелась в формулы, прониклась размахом и присвистнула.

Шархай поделился со всеми желающими нестабильным, но очень мощным заклинанием, позволяющим списывать под носом у преподавателя. У него самого, правда, не очень вышло. Заклинание засбоило akurat в тот момент, когда он прятал шпаргалку в рукав, был схвачен на горячем и ещё четыре раза приходил к профессору Тесме на пересдачу.

Лиам оставил формулу призыва духа-болтуна, которого мы по ошибке вызывали полгода назад. Дух оказался крайне приставучим и третировал общежитие, питая разговорную слабость ко всем студентам. И ведь никакими заклятьями не изгонишь!

Меня эта сволочь бестелесная преследовала аж три дня, делясь фактами о многочисленной родне. Пришлось спасаться бегством к Глошаду, чтобы тот развоплотил приставучий сгусток тумана.

Хитро улыбнувшись, я отобрала у Шархая кисточку и подключилась.

— Это заклинание призыва? — сунул любопытный нос Лиам.

— Лучше. Это сигнал бедствия и принудительный портал, настроенный на многоуважаемого и всеми обожаемого Ши-Вана.

Парни представили себе портал, из которого вываливается злой и недовольный преподаватель, посочувствовали будущим неудачникам и

совсем по-другому покосились в мою сторону.

— Злая ты для кошки, Мими. Ох и злая, — покачал головой Шархай.

Я вспомнила Кики, которая орала на полосатого, как ведьма в огне, когда тот засмотрелся на грудь проходящей мимо студентки (и то, что заинтересовал оборотня исключительно кулон, а не размер груди, рысь нисколько не смутило), но вспоминать об инциденте вслух не стала.

Чего нормальному оборотню настроение портить?

Оглядев плоды собственной работы, мы спешно уничтожили улики и побежали на экзамен.

Вообще-то экзамен должна была принимать Айрис Руколо, но именно сегодня у нее отошли воды. Оставаясь в своем репертуаре, она щелкнула пальцами, убирая лужу, отвела лекцию, сообщила, что ей требуется замена на экзамене, и приготовилась ждать медицинский мобиль. На фоне ее спокойного здравомыслия мечущийся по коридорам в поисках сумки роженицы (она уже стояла на коленях своей хозяйки) папашка выглядел как иллюстрация к статье «паника-паника-паника».

— Айрис, ты уверена, что хочешь видеть этого истерика у себя на родах? — вкрадчиво уточнила Гуля.

— А ты хочешь, чтобы он остался здесь и слонялся по коридорам?

— Боже упаси! — воскликнула горгона и крылом нарисовала отгоняющий злых духов символ. Судя по характерным завиткам, Ши-Вана причислили к мелким пакостникам и бытовым вредителям.

Короче, с горем пополам выпроводив чету в лечебницу, мы хором выдохнули и вернулись к занятиям.

Экзамен прошел без эксцессов. В начале Гуля, которая понятия не имела о предмете, отобрала у нас все шпаргалки и разложила на преподавательском столе. Ответы она принимала, сверяясь с добытой информацией. На практической части Оливер приготовил настолько убойную смесь, что всем пришлось выходить и проветривать аудиторию. В общем, практику Гуля нам засчитала автоматом и отправила восвояси.

Выбежав из здания, в котором незаметно пролетели три года, я вдохнула полной грудью воздух свободы с запахом весны и... поперхнулась.

Всего в паре метров от крыльца, полускрытые тенью цветущей сирени, стояли Джером и Памела. И ладно бы просто стояли (мало ли тем для беседы), но руки маменькиного высочества обнимали девушку за... условно назовем это талией. Сама Памела кроткой ланью смотрела на предмет своего обожания и, кажется, готова была разлететься на сотню порхающих бабочек.

Дождалась, как говорится. Уж сколько она по нему сохла, уж сколько ночей рыдала. Надо будет Итона попросить провести разъяснительную беседу с маменькиным высочеством, а то знаем, плавали. Сегодня «люблю не могу», а завтра...

Мысленно пожелав парочке всего хорошего (и мозгов побольше), я шмыгнула в сторону и коснулась браслета на запястье. Ага, того самого, который Глошад мне одолжил на время вот уже сколько? Два года назад?

Наивный у меня мужик. Ох и наивный.

Уже представляя, как обрадуется Глош приготовленному для него сюрпризу, я прошла в портал и поспешила по коридорам дворца в сторону кабинета придворного мага. Нет, мужа.

Мужа... От одного только слова захотелось мурлыкать.

И хотя как таковой свадьбы у нас не было (Глошад просто огорошил новостью, что браслет на моей руке брачный, и так как в процессе нашей страсти снять его я не догадалась, то магия автоматически засчитала консуммацию, и мы теперь муж и жена), ритуальное празднование у нас проводилось аж четыре раза.

Первое состоялось по традициям дома Вариэль (чтоб этим драконам вечно чесалось в труднодоступных местах), второе устроило мое собственное семейство (я минут пять смеялась, узрев у алтарного камня Глошада с нарисованными по телу пятнами), третье устроила Гуля («чисто для своих» — упрашивала крылатая вредина и таки упростила), четвертое случилось тоже по ее вине, но под предлогом «нужна практика» («хочу подрабатывать ведущей на свадьбе, а Ши-Ван и Айрис ещё не скоро надумают»).

И что-то в бросаемых ею взглядах подсказывало — не за горами пятый, и шестой, и тысячный раз...

Нет, не то чтобы я была против, просто в скором времени большая часть моей жизни будет проходить в кошачьей ипостаси. А, согласитесь, не самое приятное зрелище, когда под звуки «горько» жених целует усатую и клыкастую невесту.

Нет, в Глошаде я не сомневалась, он меня любил и принимал во всех формах и даже настроениях, но зачем травмировать психику гостей?

— ...реформа неизбежна, мой друг. Еще несколько месяцев, и совет сам в этом убедится. Одна надежда на Итона...

Из ближайшей двери вышли двое представительных военных, церемонно поклонились (знают, что жена «того самого мага», хотя лично не представлены) и, продолжая обсуждение, двинулись по коридору в противоположную сторону.

Глошад оказался прав (вы сомневались? Я так ни мгновения), Итон не смог проигнорировать отказ победителя битвы от престола и примчался на совет, бросив все дела. Смолчать он тоже не смог и осадил несколько придворных, а дальше слово за слово, предложение за предложением и главой совета был выбран, а там и голосование открыли...

Короче, не было у Итона шанса. Ни одного.

Сам он, конечно, этого не знал и пребывал в полной уверенности, что выбрал этот пост самостоятельно, без давления от родителя, а все, кто знал (Глошад, я, Ильсор, да уплывший и ныне покойный Эддар) молчали.

К слову, о прошлом и последнем короле Аристалии...

Он уплыл на следующий после битвы день. Народ все ещё переживал недавние события, заседание Совета и не думала заканчиваться, поэтому проводить Эддара собралось не так уж много народа.

— Ваше величество, могу я оставить для вас небольшой подарок, — попросил муж, протягивая ладонь с маленьким мышонком.

— Шпионы нужны везде? — расхохотался старый наг, но мышонка взял.

— Расширяю кругозор, — улыбнулся Глошад фирменной улыбкой «сам черт не в курсе, что у меня на уме».

Вместе с Эддаром на легендарный остров Правящих поплыла Катрин. Парда перспективе не обрадовалась, но выбор у кошки дали небольшой — смерть или отрезанный от мира остров (оставлять интриганку со стажем в Аристалии было чревато).

Глядя вслед стремительно уменьшающемуся кораблику, я схватила руку мужа и предупредила:

— Чтобы в нашем доме я этой не видела.

— Повтори? — Муж выразительно поднял брови.

— Я серьезно, Глошад. Если найду твоих лазутчиков в доме, приблю и съем...

Глошад обнял и притянул к себе.

— Нет, повтори про дом. Про наш дом.

— Дурак! — констатировала я, охотно подставляя губы для поцелуя.

Увы, но долго наслаждаться обществом друг друга нам не дали. С ехидной улыбкой бывший придворный маг показал нам распоряжение Эддара и передал свои полномочия Глошаду. Кажется, в тот момент муж пожалел о собственной просьбе.

Что до остальных принцев, то тут все обернулось очень даже неплохо. Узнав о потере статуса, Викард попросился в пехоту, миновав сразу несколько званий, и теперь успешно шел по карьерной лестнице. Мнением

Толляна никто не интересовался. Канцлер просто прибрал его в свой штат и назначил начальником иностранной агентурной сети. Джером продолжил обучение на факультете закрытых знаний, который нынче возглавлял декан Тебион.

Первый меч королевства был вынужден занять место ректора. «На время», как ему обещали вначале, и по сей день занимал это место. Стоит ли говорить, что департамент образования вспоминал об Академии имени всеми позабытого дворфа с завидной регулярностью. Еще бы, тамошние дамочки просто млели, стоило темноволосому ректору переступить порог этого унылого здания.

А что до нас с Глошадом...

— Где тут мой драконище? — шутливо позвала я, заглядывая в кабинет мужа.

Придворный маг стоял у стеллажа с книгами, за которым располагался тайник для особо секретных документов, и ждал. Он всегда знал, когда я иду, и откладывает дела, невзирая на их срочность и важность.

Совмещать учебу, работу и личную жизнь было тяжело. С Глошадом мы проводили вместе два из трех выходных. И все это время было посвящено только друг другу.

Знаю, Глошад хотел, чтобы я перебралась в наш домик в квартале для оборотней и не покидала его на декаду, но никогда не просил об этом вслух. Мудрый драконище словно знал, как сделать наши отношения идеальными.

И делал.

— Как прошел экзамен? — любопытствовал муж, жадно наблюдая за тем, как я грациозно иду к стулу для посетителей.

— Айрис поехала рожать.

— Представляю, как перепугался Ши-Ван.

— Э, нет! Такой паники даже я от него не ждала, — звонко рассмеялась в ответ.

— Значит, ждем заметок в газете, слухов о завываниях из лечебницы и новых страшилок для детей, — подытожил супруг и протянул руку: — Идем домой?

Из кабинета мы перенеслись в гостиную дома. Я убежала наверх переодеться, послав Глоша на поиски чего-нибудь вкусненького. Судя по запахам, придворный маг решил не заморачиваться и заказал еду из ближайшего ресторана.

Угу, вместе с накрытым столом, скатертью и бледным сомелье.

— Ужин готов! — расплылся в улыбке муж, подходя и заглядывая в

вырез домашнего платья с таким неподдельным интересом, словно рассчитывал увидеть там что-то новое.

— Ммм... — Судя по звуку, увидел. — Дорогая, тебе ведь не очень жалко это платье?

— Даже не думай! — воскликнула я, шутливо вырываясь из его рук и усаживаясь за стол.

С моей легкой подачи дома за Глошем закрепилось прозвище «гроза платьев». Муж так увлекался семейной жизнью, что одежда на мне жалобно трещала и улетала в неизвестном направлении. Мебель тоже страдала из-за нежелания дракона искать кровать всякий раз, как нас накроет страстью. А накрывало нас часто.

— Драконище, нам бы поговорить, — сообщила я, с интересом разглядывая ужин.

— Твоя бабушка собирается к нам в гости? — в притворном ужасе воскликнул Глош.

Шутил, конечно. С Лили-то он поладил. Правда, уже после того, как та ворвалась в его кабинет и устроила разборки. Так Лили понять можно. Любимая внучка замуж вышла, а она ни сном ни духом!

— Хорошо, что напомнил, — охотно поддержала я. — Надо бы пригласить Лили к нам завтра, а еще лучше лекарей. Все же такие новости в ее-то возрасте...

— Какие новости? — мигом посерьезнел Глош и замер, словно отзвук песни.

— Я жду котят.

В доме повисло напряженное молчание. Сомелье с трудом сглотнул и пропал в портале. Надеюсь, Глош на радостях не закинул бедолагу в дремучий лес, парнишка ведь не виноват, что попал под горячую руку.

Так, стоп! А почему у супруга лицо гнома в боевом трансе?

— Глош? — неуверенно позвала я.

Я, конечно, ждала реакции, но ведь не такой.

Глошад медленно встал из-за стола, подошел к креслу, легко поднял и вышвырнул в окно.

— Эй, ты чего? — всполошилась я, не слишком довольная тем, что расчищать место для игр наших будущих котят муж начал с такой поспешностью.

— Когда я тебя подвел?

Он стоял спиной — руки за спиной, голова опущена, плечи поникли.

— Ты сказала: «не разочаровывай меня как мужчина, и мне не придется искать других», — напомнил муж надтреснутым голосом, и мне

на миг стало жутко. — Так где и когда я подвел тебя? Скажи, чтобы в будущем я не повторил этой ошибки.

Быстро вскочив, я обошла любимого мужчину, чтобы видеть его лицо, переплела наши пальцы и коснулась губами его плотно сжатых губ.

— Глош, — мягко позвала ревнивого собственника, — только ты.

Муж упрямо мотнул головой и шумно выдохнул.

— Нет, этого не может быть. Я последний из Вариэлей, последний из драконов. Этого просто не может быть.

Не слушая его «не может», «последний», я положила широкую мужскую ладонь к себе на живот, уткнулась в грудь любимого мужчины и улыбнулась.

— Их трое, — с нежностью, которой сама от себя не ожидала, призналась ему. — Срок еще совсем маленький, но я уже глянула их кровь. Две девчонки и мальчик. Дракон и парды-полукровки.

Глошад замер, а потом резко выдохнул и сжал в объятьях.

В тот вечер впервые за два года брака меня бережно несли в кровать и уже там снимали платье.

Следующие месяцы я сдавала экзамены, получала документы об окончании Академии (вместо факультета закрытых знаний там значился общий магический профиль) и готовилась к материнству. Основная загвоздка заключалась в том, что последние месяцы беременности парды предпочитали проводить в кошачьей форме, но маленький дракон не мог перевоплощаться в животную форму, как это делали его сестренки.

У драконов вообще как-то странно все было устроено. Они рождались обычными детьми и только к тринадцати годам учились оборачиваться. У пард роды проходили в животной ипостаси, поэтому на свет появлялись котята, как более жизнеспособная форма.

Для меня самым сложным оказались роды в человеческом теле, для Глошада — все девять месяцев ожидания. А сколько лекарей и магов он созвал в час икс. Спасло то, что мальчик шел в новый мир первым, и девчонок я могла родить уже в звериной ипостаси.

Кошачья сущность с утробным мурлыканьем взялась за вылизывание двух комочков, в то время как гордый отец баюкал на руках наследника.

Своей старой нянюшке Дезире Глошад подарил чудесный домик с садом, но услышав слово «дети», старушка собрала вещи и перебралась к нам. Если бы не эта чудесная женщина, даже не знаю, как бы мы справились со своими родительскими обязанностями. С ее появлением в доме установился строгий распорядок, появилась вкусная еда и «время для мамочки», когда нянюшка забирала всех трех малышей и уходила из дома.

В такие моменты Глошад обычно сбегал с работы, подсаживался рядом и крепко обнимал, уткнувшись носом в волосы.

— Ты в моих снах, мыслях и сердце. И это навсегда.

— Бедненький! — искренне сочувствовала я, зная, как тяжело иной раз со мной о чем-нибудь договориться.

К двум годам девочки научились превращаться в людей, и нам пришлось покупать домик побольше. Глош зорко следил за своими чадушками, шалящими в детском городке, отчего другие родители предпочитали обходить наше семейство по кривой дуге. А что с ним было, когда наш маленький дракончик впервые полетел...

В защиту мужа могу сказать, что хуже него был только Итон-Бенедикт.

Бывшие аристократишки отказывались воспринимать бастарда новой властью Аристалии. Итону пришлось заключить политический брак с жутко именитой старой девой Каттисой де Катонской.

Друг друга супруги не любили, да и зачем Итону жена, если есть три любовницы и дела, дела, дела. В общем, посмотрела на это все Каттиса, быстренько забеременела и свалила к себе в имение, оставив ребенка отцу.

Позже, за рюмкой красного полусладкого Итон-Бенедикт да Катонский признался Глошу, что впервые в жизни понял, что такое любовь.

Маленькая Кода была иного мнения и уже с пяти лет начала сбегать к нам в дом, жаловаться на гиперопеку родителя. Несмотря на разницу в возрасте с нашими котятами и дракончиком (мальшка была старше на два года), Кода охотно играла в компании и даже ездила в северный клан на лето.

С не меньшей охотой к нам забегал мальчишка Ши-Вана и Айрис. Рыжий, ядовитый, язвительный — он был точной копией своего папашки, но откровенно млел перед нашими девчонками и в их обществе становился ручным ужиком, а не свирепым нагом.

После окончания Академии Джером собрал нашу команду, провизию и ушел в поисках себя любимого. Гуля, оставшаяся при Академии, уверяла, что он подался в леса к собратьям-эльфам, но я сомневалась.

Перед самым отбытием Джером позвал меня на прогулку. Мы долго ходили по королевскому парку, вспоминая детство. К тому моменту от клятвы я уже избавилась, и общение стало прежним, но не совсем.

Совість грызла блондинчика, как голодная свора кость. Он явно раскаивался за то, как повел себя после битвы, но сил признать этого так и не нашел.

— Дружба закончилась? — вырвалось у него в самом конце этой прогулки по местам памяти. И столько в этом было горечи и сожаления.

В клане существовала поговорка: «только друг может вырвать колючку из лапы», но как вырвать колючку из сердца Джерома?

— Нет, просто закончилось детство, — с грустью осознала я, поглаживая животик.

А на следующий день они, не простившись, ушли...

Мы мирно прожили в столице больше пяти лет.

В нашем случае «мирно» — это когда по дому, саду, а иной раз и по потолку носится ватага ребятни, я принимаю клиентов (да-да, Лили все-таки передала мне свое дело и знания), муж пропадает в замке, заявляясь под вечер в компании с Итоном, который продолжал занимать пост главы совета, а ближе к ужину в дом врывается ядовитая чета, чтобы забрать дитяtko домой. Дитяtko упиралось и слезно просило остаться на ночь, и оставалось, потому что весь из себя строгий Ши-Ван не умел отказывать кровиночке.

Кстати, Айрис ждала второго, и на днях они планировали ехать рожать. Лекари, еще помнившие прошлый раз, когда наг в змеиной форме носился по родовому залу, пугая врачей, уже начали пить курс успокоительного и выбирать ассистентов из числа худших в интернатуре.

Все было хорошо.

Но прошлое напомнило о себе.

Однажды утром сын притащил к нам в дом белого облезлого волка.

— Мамочка, можно, собачка останется, — тут же начал упрашивать подрастающий дракон. — Его надо покормить и вылечить. Мамочка, можно?

Мамочку едва удар не хватил, когда та увидела «собачку», топчущую грязными лапами коврик у двери.

— Ко-ко-конечно, ящерка, — с трудом выдавила я, и мелкий тотчас умчался на второй этаж рассказывать сестрам:

— У нас будет собака! Мама завела собаку!

— УРА!!!

Минуточку, это как так «мама завела». Что за наглый поклеп!

Волк тихо заскулил, его передние лапы разъехали в стороны, морда поприветствовала пол звонким лязгом челюстей, а следом опустилась пятая точка и опал хвост.

— Эй, ты чего! — крикнула я, падая рядом и проводя беглый осмотр. — Не вздумай умирать. Ты хоть представляешь, что такое массовая детская истерика. Клянусь, я тебя с того света достану! Я тебя...

Пальцы нащупали на шее волка металлическую цепочку. Та была практически незаметна среди свалывшегося и грязного меха и вызывала

неприятные чувства. Какой-то новый вид блокиратора?

Выпустив коготок, я кольнула ухо волчонка, дождалась, пока появится капелька, и поднесла к глазам.

— Лиам? — Волк тихо заскулил. — Ты совсем сдурел! Кто ж так к старым друзьям в гости приходит? Где торт, где байки о том, как живешь, где лживые клятвы, что я ничуть не изменилась за эти пять лет? И не скули! Вставай, доходяга, и шагом марш в мой кабинет. А будешь так жалобно вздыхать, позову детей. Как думаешь, сколько времени им понадобится, чтобы выдумать игру «Открути собачке хвостик»?

В подтверждение моих угроз по лестнице загрохотали детские ножки, и Лиам как ветром сдуло. То есть вот он ещё лежит на коврике, изображая трупик, а вот бодро хромает в сторону моего кабинета.

Давно заметила, дети, особенно наши, неисчерпаемый источник мотивации для взрослых.

Предупредив любимых чадушек, чтобы не мешали маме лечить «собачку», я зашла в кабинет и заперла двери. Лиам уже успел вскарабкаться на кушетку и теперь смиренно лежал.

Разрезав кусачками блокиратор, я дождалась обратной трансформации, кинула Лиаму простыню и начала готовить восстановительный отвар.

— Ну-с, хвостатый! Рассказывай, как докатился до жизни волчьей.

Каннис вздохнул, подтянул простынь израненной рукой и начал каяться.

Но это уже совсем другая история...